

ISSN 2218-1644

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит два раза в год
2012, № 2 (5)

Учредитель

**Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН**

Редколлегия:

*Алексеев А.Н. (гл. редактор), Андреева Т.Е., Антонов Е.П.,
Боякова С.И. (зам. гл. редактора), Бурцева Ж.В., Варламов А.Н.,
Винокурова Д.М., Данилова Н.И., Ефремов Н.Н. (отв. секретарь), Жукова Л.Н.,
Игнатьева В.Б., Ларионова А.С., Попова Н.И. (зам. гл. редактора),
Романова Е.Н., Романова Л.Н., Слепцов П.А.*

Редактор *Е.Ф. Молотков*
Английский текст *Н.И. Винокурова*
Верстка *А.А. Строева*
Обложка *А.И. Харитонов*

ISSN 2218-1644

© ИГИиПМНС СО РАН

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Ушницкий В.В.</i> Якутия в XVII веке: легендарные племена неизвестного происхождения	5
<i>Павлов А.А.</i> Из истории начального образования в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века	8
<i>Захарова Т.В.</i> История одной находки: книга из личной библиотеки А.А. Бестужева-Марлинского?	14

Социология

<i>Игнатьева В.Б.</i> НВК «Саха»: потенциал и перспективы развития в контексте запуска цифрового мультимедиа	23
<i>Жегусов Ю.И.</i> Социально-локальные особенности телеаудитории НВК «Саха»	27
<i>Томаска А.Г.</i> Степень удовлетворения информационных потребностей телезрителей НВК «Саха»	29
<i>Башиева С.М.</i> Аудитория НВК «Саха»: особенности телесмотрения в этническом срезе	32
<i>Осипова О.В.</i> Возрастные особенности аудитории средств массовой информации в Якутии	35
<i>Винокурова Д.М.</i> О радиоаудитории НВК «Саха» в контексте массмедийной реальности	37
<i>Ермолаев Т.С.</i> Филиалы НВК «Саха»: состояние и перспективы развития	40
<i>Тобуков П.З.</i> О проблемах образования в Республике Саха (Якутия): философские размышления	43

Филология

<i>К 95-летию доктора философских наук Евдокии Иннокентьевны Коркиной</i>	
<i>Слепцов П.А.</i> Слово об Ученом.	50
<i>Шелехова Р.В.</i> Личный фонд Е.И. Коркиной в музее истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГиИПМНС	54
<i>Иванов С.А.</i> Роль Е.И. Коркиной в изучении якутской диалектологии	64
<i>Филиппов Г.Г.</i> Вклад Е.И. Коркиной в исследовании модальных значений глагола	70
<i>Алексеев И.Е.</i> О постфиксах сказуемости в вопросительном высказывании	73
<i>Дьячковский Ф.Н.</i> Е.И. Коркина – лексиколог и лексикограф	78
<i>Ефремов Н.Н.</i> Категории эвиденциальности в исследованиях Е.И. Коркиной	82
<i>Попова Н.И.</i> Перифразическая форма <i>-ар/-бат буол-</i> в якутском языке: аспектуальная семантика	86
<i>Данилова Н.И.</i> Система временных форм якутского глагола в функциональном аспекте	90
<i>Винокурова Н.И., Винокуров И.П.</i> Наклонения в якутском и английском языках: сравнительный анализ ..	98
<i>Васильева Д.Е.</i> Публицистика Софрона Данилова в современном контексте	107
<i>Жукова Л.Н.</i> Пространственно-временные представления в языке и фольклоре лесных юкагиров	111
<i>Ларионова А.С.</i> Юкагиры-якутские параллели в традиционной песенной культуре	116
<i>Прокопьева П.Е.</i> Обрядовый фольклор лесных юкагиров в XXI в.	120

Юбиляры

<i>Жукова Л.Н., Антонов Е.П.</i> Историк, педагог, общественный деятель (К 125-летию со дня рождения Г.А. Попова).....	126
<i>Селютин И.Я., Андреева Т.Е., Ефремов Н.Н.</i> Выдающийся монголист-тюрколог (К столетию со дня рождения В.М. Надеяева)	127
<i>Мыреева А.Н.</i> Благодарность Учителю (К 100-летию со дня рождения Г.П. Башарина)	128

Научная жизнь

<i>Павлова Н.В.</i> I Алексеевские чтения «Этнография, фольклористика и религиоведение Сибири и сопредельных регионов»	130
<i>Антонов Е.П.</i> Научно-практическая межрегиональная конференция «Роль Якутии в освоении Дальнего Востока», посвященная 380-летию вхождения Якутии в состав Российского государства	132
<i>Романова Е.Н., Бурцева Ж.Б., Маклашова Е.Г.</i> Всероссийская интердисциплинарная научная конференция с международным участием «Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха»	133
<i>Антонов Е.П.</i> Республиканская научная конференция «Становление научной интеллигенции Якутии» (К 165-летию действительного члена ИРГО, фольклориста, этнографа, палеонтолога, просветителя Н.С.Горохова)	136
Сведения об авторах	138

CONTENTS

From the editor in chief

History

<i>V.V. Ushnitsky</i> . Yakutia in the 18th century: legendary tribes of unknown origin	5
<i>Pavlov A.A.</i> From the history of primary education in Eastern Siberia in the end of the 19th – beginning of the 20th centuries	8
<i>Zakharova T.V.</i> The history of one finding: Is this the book of Decembrist A.A. Bestuzhev-Marlinsky?	14

Ethnography

<i>Ignatyeva V.B.</i> National Broadcasting Company «Sakha»: potential and prospects in the context of the starting a digital multiplex	23
<i>Zhegusov Yuri I.</i> The social and geographic peculiarities of the TV viewers of the National Broadcasting Company “Sakha”	27
<i>Tomaska A.G.</i> The level of meeting the information needs of the TV viewers of the National Broadcasting Company “Sakha”	29
<i>Baisheva S.M.</i> The audience of the National Broadcasting Company “Sakha”: Peculiarities of TV viewing in an ethnic cut	32
<i>Osipova O.V.</i> Age-related features of mass media audience in the Sakha Republic (Yakutia)	35
<i>Vinokurova D.M.</i> About the radio audience of the National Broadcasting Company «Sakha» in the context of mass media reality	37
<i>Ermolaev T.S.</i> Branch offices of the National Broadcasting Company “Sakha”: current state and development prospects	40
<i>Tobukov P.Z.</i> On education problems in the Sakha Republic (Yakutia): philosophical ponderings	43

Philology

<i>To the 95 anniversary of Doctor of Philosophy Eudokia Innokentyevna Korkina</i>	
<i>Sleptsov P.A.</i> A word about the Scientist	50
<i>Shelekhova R.V.</i> E.I. Korkina’s personal fund in a museum of history of the academic science of Yakutia named by G. P. Basharin IGIIPMNS	54
<i>Ivanov S.A.</i> An indelible mark in Yakut dialectology	64
<i>Filippov G.G.</i> E.I. Korkina’s contribution to research of a modal verb	70
<i>Alekseev I.E.</i> On predicative postfixes in an interrogative sentence (based on E.I. Korkina’s works)	73
<i>Djachkovsky E.N.</i> E.I. Korkina - lexicographer and lexicologist	78
<i>Efremov N.N.</i> E. I. Korkina – a pioneer of research into the category of evidentiality in Sakha	82
<i>Popova N.I.</i> Periphrastic form -ar/-bat buol in the Yakut language: aspectual semantics	86
<i>Danilova N.I.</i> The system of tense forms of the Yakut verb in the functional aspect	90
<i>Vinokurova N. I., Vinokurov I.P.</i> Moods in Sakha and English in a comparative light	98
<i>Vassiljeva D.E.</i> Essay and journalism of Sofron Danilov	107
<i>Zhukova L.N.</i> Space and tense presentations in the language and folklore of the Forest Yukaghirs	111
<i>Larionova A.S.</i> Yukaghir-Yakut parallels in traditional song culture	116
<i>Prokopenko P.E.</i> Ritual folklore of the Forest Yukaghirs in the 21st century	120

Our jubilee celebrators

<i>Zhukova L.N., Antonov E.P.</i> The historian, the teacher, the public figure (To the 125 anniversary of G.A. Popov’s birth)	126
<i>Selyutina I.Ya., Andreeva T.E., Efremov N.N.</i> Outstanding mongolist-turkologist (To the 100 anniversary of V. M. Nadelyaev’s birth)	127
<i>Myreeva A.N.</i> Gratitude to the Teacher (To the 100 anniversary of G. P. Basharin’s birthday)	128

Scientific life

<i>Pavlova N. V.</i> The first Alekseevsky readings «Ethnography, folklore and religion of Siberia and neighboring regions»	130
<i>Antonov E.P.</i> The Interregional scientific and practical Conference «The role of Yakutia in the development of the Far East», dedicated to 380th anniversary of Yakutia’s entry to Russia	132
<i>Romanov E.N., Burtseva Zh.B., Maklashova E.G.</i> The All-Russian interdisciplinary scientific conference with the international participation «Horseback riders of Northern Asia and the ethnos birth: ethnogenesis and ethnic history of sakha» ..	133
<i>Antonov E.P.</i> The Republic scientific conference «The formation of Yakutia’s scientific intelligency» (To the 165 anniversary of the member of IRGO, the folklorist, the ethnographer, the paleontologist, the enlightener N.S.Gorokhova	136
Information about the authors	138

Евдокия Иннокентьевна Коркина

ИСТОРИЯ

УДК 94(571.56)“16”

В.В. Ушницкий

Якутия в XVII веке: легендарные племена неизвестного происхождения

Рассматриваются фольклорные и письменные сведения о загадочных племенах Якутии, исчезнувших после XVII в. Большое внимание уделяется этническим контактам между якутскими, тунгусскими и юкагирскими группами, наличию более древних этнических образований, участвовавших в формировании этих народов. Подчеркивается, что территория Якутии не была изолирована от соседних территорий, в ней можно обнаружить следы миграций древних этносов самодийского, монгольского и тюркского происхождения.

Ключевые слова: историография, этногенез, народы Сибири, архивные документы, фольклор, палеоазиаты, тунгусоведение, полярные экспедиции, землепроходцы

Только к XVII в. относится появление достоверных сведений о народах, населявших территорию Якутии. Из них следует, что к приходу русских ее в основном населяли тунгусские роды, якуты занимали бассейн средней Лены, юкагиры проживали на Севере, в районе северных рек и гор, в тундровой зоне. Эвенки как единый народ сложились после прихода русских, становление эвенского народа относят то к XVIII в., то к 30-м гг. XX в. В записках иностранных путешественников и писателей в качестве самостоятельных народов вместе с тунгусами фигурируют «буляши», «шаманы», «нанагиры», «шеллаги». В фольклоре якутов присутствуют названия древних народов, населявших огромную территорию Якутии, до прихода их предков. Интересно, что их названия: сортол, хоро, кыргыс, тумат — говорят о возможном переселении с юга носителей этих названий, широко известных из истории Центральной Азии.

Многие родоплеменные образования тунгусов и юкагиров XVII в. в последующем исчезают, их этническое происхождение остается все еще неясным и вызывает многочисленные дискуссии. К тому же в последнее время Г.Н. Курилов стал утверждать, что в XVII–XX вв. существовало несколько одулоязычных народов, вместо единого юкагирского этноса [Иохель-

сон, с. 1–10]. Поэтому сведения о легендарных племенах, населявших бескрайние просторы Крайнего Севера, в советское время стали объектом различных интерпретаций в трудах археологов, этнографов и историков. Сведения об этих племенах рассматривал в 1-м томе «Истории Якутской АССР» А.П. Окладников [1955]. Г.М. Василевич [1941] собрал важные сведения о тунгусских родах Якутии и попыталась выяснить их древнюю этническую историю. Обширные сведения о тунгусских и юкагирских родах Якутии дает Б.О. Долгих [1960] в капитальном труде «Родовой и племенной состав народов Сибири». В монографии В.А. Туголукова [1985] получают объяснение вопросы этнического происхождения многочисленных тунгусских племен Северо-Востока Азии. В работе М.П. Алексеева [1941] разбираются сведения о племенах, упомянутых в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. о Сибири. В обширной монографии В.И. Иохельсона «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» представлены сведения о юкагирских родах, впоследствии исчезнувших.

Говоря о самодийцах, надо понимать, что само их название могло произойти от названия эвенкийского рода саман-самай, как предполагала Г.М. Василевич, и не имеет отноше-

ния к русскому обозначению самоедь, самоед. В XVII в. эвенки рода Шаман (шаманские люди) — шамагиры кочевали в среднем Приангарье. В XVIII в. этноним саман~самай, самар~самагир стал названием тунгусов, проживающих на Лене — Анабаре — Оленеке. Весьма примечательно, что по Б.О. Долгих, энцев и нганасан долганы называли самайдэр, а соседствующие с ними эвенки — самаиль. Поэтому Г.М. Василевич ставит вопрос о том, не является ли род Самату в составе энцев «исчезнувшими» тунгусами — «шаманскими людьми»? По ее мнению, происхождение этнонима саман~самай, встречающегося в угорской и в тюркской среде, связано с территорией Саян и уходит в глубокую древность алтайской языковой общности [Васильевич, 1965, с. 139, 144]. Можно предполагать, что этнонимы шамагиры и самату — название племени энцев (от этого самодин) относятся к названию древнего племени, в древности занимавшего огромное пространство. Часть шамагиров была поглощена якутами. Название намского рода Хамагатта связывают с этнонимом шамагир [Туголуков, с. 190].

Род Байагантай, занимавший окраину якутского мира по реке Баайага, по преданиям, до прихода казаков занимал большую территорию. Другие роды саха, вытесненные отрядами казаков и кангаласцами с богатых лугов средней Лены, оттеснили их из долин р. Амги, Таатты и Алдана. Тогда байагантайские колонисты заселили бассейны северных рек Томпо и Оймякон, первыми распространив скотоводческую культуру на северные широты. Название рода Байагантай указывает на возможную этническую связь с племенем баегу~байырку.

В китайских источниках говорится о наиболее северном племени теле баегу, в рунических памятниках — байырку. Проблема усугубляется тем, что этноним с корнем *бай~бая* имеется у большинства тунгусоманьчжурских народностей, а также у бурят, монголов, якутов, казахов, енисейских палеоазиатов, кетов и у некоторых самоедских племен (энцы). По предположению Г.М. Василевич, эвенкийский этноним байкшин~байшин распространялся из района Прибайкалья на запад, северо-восток и восток. При этом группы *бай* могли выйти на восток с территории от Оби до Байкала и войти в состав других племен [Васильевич, 1945]. Так, потомки байырку, обитавшие в тюрко-монголо-тунгусском пограничье, оказались представлены у народов всех трех язы-

ковых групп. Для сравнения: среди тунгусов были группы с названием баяки, баягиры. Пуягиры (буягиры) к приходу русских занимали район оз. Тобуя и отчасти верховья р. Сини [Долгих, с. 176].

В попытке найти более спокойное место в 30-х гг. XVII в. на реку Татта прибыли представители рода Боотулу, возглавляемые знаменитым шаманом Кэрэкээн, они стали известными как дьохсогон (жексогонцы), ныне их потомки составляют Таттинский улус. На территории современного Амгинского улуса, по документам XVII в., фиксируется Батулинская волость, находившаяся там еще к приходу русских казаков.

В записках путешественников и ученых XVIII в. (Остолопов, Кларк, Огородников, И. Линденау, участники экспедиции Биллингса) батулинское племя выступает в качестве главного подразделения саха, они даже отождествляются с южными предками саха. Г.Ф. Миллер, фольклорист С.И. Боло и Б.О. Долгих большую часть якутских родов относили к батулинскому племени. Точно такую же картину мы видим в документах XVII в. о населении Байкальского региона, где рядом с «коринцами» фигурируют «батулинцы». Среди бурятов, как и у якутов, роды с подобными названиями исчезают и вместо них появляются единое племя хоринцев и булагатов. О наличии батулинского субстрата, поглощенного монголоязычной стихией, свидетельствует обнаружение Ц.Б. Цыдендамбаевым [1972] названий тюркского происхождения в родовом составе хоринского племени.

Авторы XVIII–XIX вв. записали названия якутских родов именно как батулинцы и хоринцы, видимо, передавая их подлинное звучание в современном им якутском языке. В документах XVII в. названия этих якутских родов тоже записано в форме Батулинская и Хоринская волости. Однако сейчас преобладает окающее их произношение — боотулу и хоро. Наряду с основным окающим звучанием этнонима имеется акающее — баатылы. Что касается этимологии имени боотулу, то оно воспроизводится от якутского слова «иноходец» или обозначения вида изгороди «боотулу кюрюэтэ».

Интересно, что и верхоянские якуты, как и большая часть центральных, состоят из батулинцев и хоринцев. Поэтому можно предполагать постепенный переход аборигенных, юкагирских групп на тюркский (якутский) язык и на разведение лошадей и рогатого

скота. Исходя из этого этнонимы боотулу, баатылы можно воспроизвести от названия вадул~одул.

А.А. Бурыкин [2006, с. 183; Долгих, с. 403] имя юкагирского рода яндинцы переводит как янские юкагиры. М.А. Старостина [2009, с. 12–13] поставила вопрос о обьякучивании юкагирского рода янгинцев, который по своей этнической принадлежности, возможно, является якутским. Она пришла к такому выводу, исходя из того, что район расселения на Индигирке якутов – энгинцев (энэлэр) и «юкагиров-янгинцев» совпадает. В документах юкагиры-янгинцы постепенно исчезают, а якуты-енгинцы (энэлэр) появляются по всем крупным рекам Северо-Востока.

Среди янских юкагиров XVII в. следует выделить Петайский род. Б.О. Долгих утверждает, что в конце XIX в. они назывались «Бетильским тунгусским родом» и считалось, что они имели тунгусское происхождение. Во времена Иохельсона, они были самой многочисленной группой юкагиров, сохранившей свой язык. По сохранившимся у них преданиям, он заключает, что бетильцы пришли из Якутска. В Колымской тундре они смешались с юкагирами [Иохельсон, с. 27].

Считается, что тунгусы рода Бети происходят от якутов Бетунской волости, сильно раздробленной после разгрома их карательным отрядом Василия Пояркова. Но присутствие в XVII в. рода с таким названием среди юкагиров ставит ряд вопросов. Якуты называли Бетильский род юкагизированных тунгусов Ха-наайы омул. Сами бетильцы себя называли родом Вахахарииль [Там же, с. 92].

Любопытно заявление о том, что кохимэ – это древнее название юкагирского народа вообще, так же, как и одул [Там же, с. 50–52]. Есть также предположение, что собственным племенным названием верхнеколымских юкагиров было название когимэ (конгенизы). Верхнеколымские юкагиры считали, что *когимэ* – это вымерший юкагирский род [Долгих, с. 429]. Когимэ в юкагирском языке означает Ворон, значит *когимэ* – род Великого Ворона.

Дионео [1895] пишет, что при рассказе ему чукчей о вымирании от страшных прищельцев нуучча всего рода конгенизов, заставляет рассказчика пользоваться якутскими словами и выражениями вместо чукотских и юкагирских. По чукотскому рассказу, таинственный род конгенизов (кангиемисов) устраивал ысах (якутское название ысыах), мертвых погребал на арангасах (арангас – якутское название

«воздушного погребения» – высоко на столбах между деревьями). Возможно, во времена Дионео (начало XX в.) потомки конгенизов (кангиемисов) уже полностью были обьякучены, как и часть колымских чукчей. По В.И. Иохельсону, конгенизы, точнее кониэниды или колгиэнды, были юкагирами, обитавшими на реке Омолон. Исследователи отмечали сходство имени колымского рода конгенизы (кангиемисы) с названием ведущего якутского рода кангалас [Никонова, с. 51].

Этноним «шелаги» в разных вариантах фиксируется в документах не ранее первой трети XVIII в. Название «шелаги» фигурирует также в некоторых картографических источниках начала XVIII в. Существует мнение о том, что шелаги – это какой-то особый народ, который жил в Западной Чукотке до того, как там поселились чукчи. А.И. Алексеев, пересказывая книгу Ф.П. Врангеля, пишет: «Здесь повстречали старого чукчу во главе целого стойбища. Этот чукча говорил, что он потомок шелагов, или чаванов, и что от последнего названия и носит свое имя Чаунская губа» [Алексеев].

В.И. Иохельсон [2005] указал, что верхнеколымские юкагиры называли чуванцев словом *шолилау*. Эта форма, по А.А. Бурыкину [2006, с. 185], отражает образованную от рассматриваемого этнонима форму чукотского эргативного падежа чульыльэ (по-чукотски множественное число этого слова выглядит как *чульыльыт*). Следовательно, живущие на мысе Шелагском чукчи, вполне возможно, исторически могли принадлежать к жителям бассейна Малого Чауна – чульыльыт.

Б.О. Долгих [1960, с. 436] считал шелагов и чуванцев одним и тем же племенем. Но он их относит к юкагирам, утверждая при этом, что чукчи в XVII в. по Анадырю не жили. В.И. Иохельсон [2005, с. 48] исходя из того, что чуванцев коряки и чукчи называли атал или этэл, делает вывод, что чуванцы не были отдельным народом, а представляли ветвь юкагиров. Шелагов он отличал от чуванцев, считая их частью чукотского этноса.

По словам Г. Курилова, современная наука пришла к выводу, что языки омоков, чуванцев, ходынцев и алайцев были самостоятельными юкагирскими языками, а не диалектами юкагирского языка. Их носители были отдельными племенами одулоязычных (юкагироязычных) племен (народов) [Там же, с. 10–12].

Отсюда видно, если к приходу русских в конце 30 – начале 40-х годов XVII столетия

якутское население занимало небольшую территорию, главным образом в центральной части Якутии, а на остальной ее территории обитали в основном эвенки и юкагиры, то к концу изучаемого периода якуты расселились на огромных пространствах Северо-Востока Сибири. Таким образом, формирование группы северных якутов в XVII–XIX вв. происходило в результате ассимиляции многочисленных тунгусских и юкагирских групп, заселявших до этого огромную территорию Севера Якутии.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. — Иркутск, 1941.

Бурыкин А.А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. С. 183.

Василевич Г.М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // СЭ, 1941. № 4.

Василевич Г.М. Этноним саман — самый у народов Сибири // СЭ, 1965. №3. — С. 139–144.

Дионео. На Крайнем Северо-Востоке Сибири. — СПб, 1895.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагизированные тунгусы. — М., 2005. — С. 1–10.

Никонова В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР. — М.: Наука, 1980. — С. 51.

Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. I. — М.; Л., 1955.

Старостина М.А. Колымские якуты в середине XVII — начале XX вв. (по материалам генеалогии). Якутск: Бичик, 2009. — С. 12–13.

Туголуков В.А. Тунгусы Средней и Западной Сибири. — М: Наука, 1985.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. — Улан-Удэ: Бурят.кн.изд-во, 1972. — 662 с.

V.V. Ushnitsky

Yakutia in the 17th century: legendary tribes of unknown origin

The article examines the folklore and written information about mysterious tribes of Yakutia who disappeared after the 17th century. Big attention is paid to the ethnic contacts between the Sakha, Tungus and Yukagir groups, to the availability of the more ancient ethnic formations which participated in forming of these peoples. It is emphasized that the territory of Yakutia was not isolated from neighboring territories. Here, one can discover the traces of migrations of the ancient ethnoses of Samodian, Mongolian, Turkic origin.

Keywords: historiography, ethno-genesis, peoples of Siberia, archive documents, folklore, Paleoasians, Tungus studies, polar expeditions, pathfinders.

УДК 373(571.56)“18/19”

А.А. Павлов

Из истории начального образования в Восточной Сибири в конце XIX — начале XX века

До конца XIX в. уровень народного образования в Восточной Сибири оставался низким. Только с начала XX в. под влиянием экономического развития, роста общественно-политического движения и при поддержке передовой интеллигенции произошли некоторые положительные изменения в области начального образования.

Ключевые слова: просвещение, русификация «иностранцев», училища, инспектор народных училищ, меценатство, школьная сеть, церковно-приходские школы, общество попечения народного образования.

Царизм рассматривал просвещение, как инструмент русификации «иностранцев». Основные политические и идеологические установки для школьного дела были сформулированы в 1870 г. министром народного просвещения Д.А. Толстым, который писал: «Конеч-

ной целью образования всех инородцев, живущих в пределах империи, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом» [Константинов и др., с. 270]. Эта установка была положена в основу изданных в 1870 г. правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», разделивших все народы, не принадлежавшие к русской национальности, на три категории:

1. «Народы, весьма мало обрусевшие», к которым отнесли народности Восточной Сибири и Поволжья. Обучение в школах рекомендовалось начинать на родном языке и переходить в последующем к обучению на русском языке.

2. «Народы, живущие в районах, населенных русскими». В этом случае предлагалось вести обучение изначально на русском языке, прибегая в отдельных случаях к помощи родного языка и переходя, как можно быстрее, к обучению только на русском языке (так велось обучение, например, в школах для грузинских детей).

3. «Народы, достаточно обрусевшие» — украинцы, белорусы и другие, в школах которых предписывалось вести обучение только на русском языке. Применение данных «Правил» к народам, отнесенным к этой категории, привело к полному вытеснению практики обучения на родном языке, сложившейся под влиянием общественного движения в 60-х гг. [Там же, с. 14].

На основе этого директивного документа были созданы и опубликованы инструкции, определявшие принципы учебно-воспитательной работы школ на отдельных территориях обширной Российской империи. Школы народов Кавказа, исповедующих православную религию, должны были работать на основе «Устава об устройстве дела образования на Кавказе», изданного в 1873 г. Руководствуясь «Правилами» и другими русификаторскими инструкциями, царские чиновники неизменно закрывали нерусскоязычные (армянские, грузинские, азербайджанские и др.) школы и привлекали к ответственности учителей, обучавших детей на родном языке, считая это крамолой. Однако учителя национальных окраин находили различные лазейки для обучения детей на родном языке.

Несмотря на просьбы общественности и родителей пункт инструкции об обучении в начале на родном языке детей-инородцев, относящихся к первой категории, не выполнялся под различными предлогами (отсутствие

учебников на языках нерусских народностей, учителя в основном русские и плохо знают язык аборигенов). Государство же не пыталось решить назревшую проблему.

Только с начала XX в. правительство вплотную взялось за улучшение системы образования. С 1 июля 1900 г. местные и городские начальные училища были переданы в ведение инспекторов народных училищ областей. Главный инспектор училищ Восточной Сибири своим письмом от 27 ноября 1901 г. сообщил о том, что право решения об открытии двухклассных и одноклассных училищ Министерство народного просвещения представляет попечителям учебных округов, если содержание этих училищ не превышает соответственно 1000 и 500 руб. [НА РС(Я). Ф. 12...]. Иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин 4 января 1900 г. утвердил проект об увеличении зарплаты учителей до 420 руб. в год вместо 300 руб. Учителям начальных классов была дана инструкция об использовании родного языка при разъяснении школьного материала. Обучение на родном языке было разрешено в Иркутской губернии и Читинской области.

В Якутской области обучение велось исключительно на русском языке. Сельские школы существовали за счет внеплановых источников и пожертвований. Государство оплачивало только труд учителя. Тем не менее в канцелярию областной администрации поступало много общественных приговоров с просьбой об открытии школ с пансионами. Согласно смете, в 1906–1908 гг. в Якутской области были открыты школы с пансионами на 155 мест, в 1909–1911 гг. — на 292 места, а в 1912–1915 гг. запрашивали дополнительно еще 130 мест [НА РС(Я). Ф. 288. Д. 5.]. Усилия губернатора И.И. Крафта дали положительные результаты, по количеству школ на каждые 10000 человек Якутия оставила далеко позади Камчатскую и Сахалинскую области и приблизилась к показателю Читинской.

Иван Иванович Крафт сумел привлечь к этому состоятельных людей, которые жертвовали крупные средства на просвещение народа. Так, известный оймьяконский предприниматель Н.О. Кривошапкин выделил на строительство школ и детских домов огромную по тем временам сумму — 10000 руб. В 1912 г. на его деньги в г. Якутске было построено двухэтажное здание на каменном фундаменте (бывшее здание школы на углу ул. Орджоникидзе и Петра Алексеева). На средства купца Г.В. Никифорова

и якутского фермера С.П. Барашкова в 1912 г. в центре города была построена двухэтажная школа. Голова Западно-Кангаласского улуса М.Е. Жирков за 30 лет пожертвовал на строительство школ, больниц и церкви, а также на приобретение книг для школьной библиотеки более 11 тыс. руб., объясняя свой поступок тем, что «образование — великая сила, будущее нашего народа». Олекминский богач С.И. Идельгин дал на строительство школы 7,5 тыс. руб. [Павлов]. Принятые меры несколько улучшили положение народного образования, упростили организацию новых начальных училищ, заметно подняли материальное и моральное положение учителя.

Под давлением демократически настроенных учителей правительство стало вводить новые миссионерские школы с преподаванием на родном языке по системе Н.И. Ильминского, где ключевое место было отведено религиозному воспитанию. В начальных классах этих школ 40% учебной программы отводилось урокам религии. Ильминский считал, что успеху будет способствовать первоначальное обучение учащихся на родном языке с одновременным изучением русского языка, после усвоения которого преподавание полностью переводилось на русский. Николай Иванович Ильминский предлагал подбирать учителей из местных и с их помощью составлять учебники на языке инородцев [Константинов и др., с. 271].

26 марта 1870 г. были изданы официальные предписания, на основе которых в Поволжье, Приуралье, Сибири и на Крайнем Севере была организована сеть православных школ, где обучались только на русском языке. Выпускники этих школ в большинстве не смогли продолжить учебу из-за низкого уровня подготовки.

Статс-секретарь Куломзин после посещения Восточной Сибири писал в докладной записке: «Не считаю возможным умолчать о том, что нередко встречающееся в Сибири невнимание к нуждам просвещения и боязнь расходов на этот предмет, имеют в своем основании недоверие значительной части сельского населения ко всяким предприятиям и начинаниям, требующим от него материальных средств. Недоверие это — прямое следствие истории сибирской жизни, которая очень часто была руководима лицами, чуждыми ее интересам» [Сибирский архив... 7, с. 515–516]. Действительно, чиновник с какой-то стороны был прав. Население платило, по данным Майнова, до 27 видов налогов и различных повинностей. Обучение ребенка стоило денег,

и соответственно люди были против открытия школ. По этой причине они закрывались, и на сходах не одобряли открытие новых классов. Большинство ревизского населения было против обучения в церковно-приходских школах. Вот характерный случай. Например в «Мирском приговоре», составленном 29 мая 1889 г. крестьянами Идинской волости Иркутской губернии, содержался их отказ от открытия приходского училища, так как с каждой ревизской души требовалось жертвовать по 5 коп. серебром в год, что для них являлось обременительным. Инородческое население тоже не одобряло открытие приходских школ. Например, буряты Агинского ведомства Забайкальской области в приговоре от 17 апреля 1895 г. указали, что им достаточно одной приходской школы в с. Агинское, и наличие других школ среди кочевья не может принести существенной пользы [Там же, с. 516]. О малой эффективности приходских школ писали правительству и высокопоставленные царские чиновники. Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Игнатьев и якутский губернатор Крафт стояли за расширение сети светских школ.

Школьная сеть создавалась в зависимости от экономического развития того или иного района. На открытие государственных школ могли рассчитывать промышленные районы, где требовались образованные рабочие. Например, с 1861 по 1875 г. количество школ значительно увеличилось в Балаганском, Бодайбинском, Нерчинском, Нижнеудинском уездах. Зато в Камчатской и Сахалинской областях за этот же период было открыто всего по два начальных училища. Спустя 40 лет эта ситуация мало изменилась. В 1911 г. в Сахалинской области работали одно двухклассное и 11 одноклассных училищ, а в Камчатской области — 10 одноклассных училищ [Сибирские вопросы..., с. 67].

Царские чиновники сознательно тормозили распространение просвещения в отдаленных окраинах империи. В частности, в обзоре Камчатской области за 1912 г., куда также входила Чукотка, говорилось: «Инородцы делятся на оседлых, кочевых и бродячих. Белья инородцы не носят, многие из них не умываются. Постелью и одеждою служат олени шкуры, которые они надевают на голое тело, шерстью внутрь. Сей народ не способен к грамоте» [Обзор..., с. 51]. До 1917 г. по всей Чукотке не было ни одного учебного заведения, дающего среднее образование. Якутский губернатор И.И. Крафт, будучи в 1908 г. в служебной ко-

мандировке в Колымске, встретился со старейшинами западных чукчей и предложил открыть низшую начальную школу с пансионом в Анюйске или Пантелеихе для чукотских детей, но поддержки не получил.

В 1910 г. в Восточной Сибири действовали 548 низших учебных заведений. Большинство из них существовали за счет обывателей, государство выделяло мизерные средства на их содержание. Поэтому уровень грамотности в Восточной Сибири продолжал оставаться крайне низким. Перепись 1897 г. показала, что среди «инородцев» грамотность была особенно низкой. Уровень грамотности народа саха составил всего 0,7%, эвенков — 0,1, а среди чукчей из 11795 чел. было зарегистрировано всего четыре грамотных [История Якутской АССР..., с. 347]. Среди чуванцев, ламутов, эвенков, юкагиров, камчадалов, алеутов грамотных не оказалось вовсе. Вопрос об открытии школ обсуждали на сходах населения, где происходили споры между сторонниками и противниками этого новшества. Многие считали, что содержание школ за свой счет обременительно и что дети, получив образование, могут уйти в другие края, отказаться от традиционных занятий. Жители одного из наслегов Верхоянского округа на своем сходе прямо заявили: «Когда-то будет польза, да еще и будет ли! Научат ли мальчика чему-нибудь? Не научат! Да и какую потом он пользу принесет грамотей-то. Будет ли больше промышлять? Будет ли от этого корова по два теленка приносить?» [Майнов, с. 12]. Конечно, это размышления людей, желающих держать сородичей в темноте и невежестве. Несмотря на это, уровень образования народа саха к 1917 г. вырос до 2%.

Значительные сдвиги в области просвещения произошли в Якутии в период, когда областью управлял И.И. Крафт. До 1863 г. в Якутской области имелось всего 10 учебных заведений, в которых обучались 362 ребенка [Калашников, с. 180]. В дальнейшем были открыты начальные училища: в 1870 г. — в Баягантайском улусе; в 1871 г. — в Амгинской слободе, в городах Верхоянске и Среднеколымске, в двух Кангаласских улусах Якутского округа; в 1872 г. — в Борогонском, Ботурусском и Намском улусах; в 1876 г. — в Кыллахском наслеге Олекминского округа и на Ленских приисках; в 1877 г. по ходатайству крестьян-почтосодержателей 20 станций Иркутского тракта на Лене открылась школа в селе Синском, но в 1883 г. ее закрыли. Вскоре пре-

кратило работу и Кыллахское училище, и только в 1890 г. под давлением общественности оно открылось вновь. Управление школами, принадлежащими Министерству народного просвещения, было возложено на директора Якутского реального училища по совместительству.

С 1879 по 1892 г. во всех министерских начальных школах обучалось 1040 учащихся, в том числе 698 детей саха. За этот период полный курс школы закончили только 336 чел., в том числе 180 саха, остальные оставили учебу по разным причинам [Якутская окраина].

Прорыв в области образования произошел под влиянием экономического развития России и роста общественно-политического движения трудящихся. Правительство утвердило ряд постановлений по демократизации системы народного образования, но претворить их в жизнь не смогло, помешали революции, Первая мировая и Гражданская войны. Тем не менее некоторые проекты реформирования системы образования коснулись и Северо-Востока страны. Например, в Якутской области в 1900 г. функционировало 79 школ, в том числе 57 церковно-приходских. Спустя 10 лет их количество возросло до 120, не считая частных и воскресных школ. В 1915 г. число низших и двухклассных начальных школ достигло 93, без учета церковно-приходских.

Однако было и много отрицательных моментов. Так, одна школа приходилась на 1840 чел. населения, по этому показателю Якутия занимала одно из последних мест в Сибири [Архив ЯНЦ СО РАН. Л. 56]. Малочисленность школ, прежде всего, объясняется географической отдаленностью населенных пунктов. Несмотря на это, губернатор И.И. Крафт хотел открыть школы в каждом урочище, где имелись церковь и наследная управа. Он был первым губернатором, который поднял вопрос о необходимости введения всеобщего начального образования. Правда, ему воплотить свой план не удалось. По оценке В.И. Федорова, «за 17 лет XX века сеть начальных школ Министерства народного просвещения в области увеличилась в 4,6 раза. Такого темпа за двухсотлетнюю историю народа она никогда не знала, и это можно смело называть настоящим прорывом в развитии светской школы», — заключает ученый [Федоров, с. 244–245].

Сельские школы Якутии ютились преимущественно в непригодных зданиях. В 1912 г. из 101 сельской школы только 34 считались типовыми. Остальные размещались в

частных домах и в юртах. Они плохо обеспечивались учебниками, оборудованием. Вместо парт стояли длинные столы и скамейки [Афанасьев, с. 134]. Дети писали на старых книгах, газетах при свете камелька, часто болели глазными болезнями.

Методика обучения, построенная на зубрежке, немного могла дать детям. Не хватало учителей, и, чтобы выйти из положения, на их должность брали совершенно неподготовленных людей. Так, политехнический врач С.И. Мицкевич, отбывавший ссылку в Среднеколымске, писал: «... есть три школы, но учителя в них малограмотные, не получившие никакого образования». В Верхоянском же округе вообще не было ни одного учителя со специальным образованием [Мицкевич, с. 82].

Нехватку учительских кадров компенсировали за счет политехнических. По ходатайству якутского губернатора В.Н. Скрипицына, в 1902 г. Министерство внутренних дел допустило к учительской работе политехнических ссыльных с «безупречным поведением и при условии тщательного наблюдения за их педагогической деятельностью» [НА РС(Я). Ф. 25....]. Многие политехнические ссыльные воспользовались этим послаблением и занялись обучением детей: Н.А. Скрыпник, Ф.Я. Кон, Г.И. Грабовский, Г.В. Цыпаревич, В.М. Ионов, Н.Л. Мещеряков и др. Н. Мещеряков, отбывавший ссылку в 1904–1905 гг., писал: «Якуты — очень способный народ и стремятся к знанию. В улусе окрестные якуты охотно посылали к нам своих детей учиться» [Мещеряков, с. 82].

На просветительской деятельности В.М. Ионов следует остановиться более подробно. Всеволод Михайлович Ионов, народник по убеждениям, в 1883–1895 гг. отбывал ссылку в Баягантайском и Ботурусском улусах, а с 1904 по 1911 г. — в г. Якутске. В 1911 г., по ходатайству губернатора И.И. Крафта, ему было разрешено вернуться в Россию. В.М. Ионов помогал Э.К. Пекарскому в составлении «Словаря якутского языка», стал одним из учредителей Якутского общества изучения Сибири. Находясь в ссылке в Ботурусском улусе и в г. Якутске, открыл школы для «инородцев». В 1906 г. у него обучались 23 ребенка. При школе имелаась большая библиотека из 897 книг. Желавших устроить своих детей в его школу было много: большинство подготовленных им детей поступили в реальное училище и женскую гимназию, что говорило о высоком уровне преподавания [Афанасьев, с. 67]. В.М. Ионов составил букварь («Сахалы су-

рук-бичик»), по которому сам учил детей. Тем самым он заслужил глубокое признание народа саха.

По указанию губернатора за многими учителями устанавливалась полицейская слежка. Несмотря на нехватку учительских кадров, Крафт в 1909 г. уволил трех учительниц Владимирского начального училища за связи с политическими ссыльными; правда, на следующий учебный год они были направлены на работу в другие школы.

В отличие от предыдущих губернаторов Крафт считал, что подготовка для области профессионально образованных кадров имеет первостепенное значение и без этого не может быть экономического, социально-бытового, культурного развития области. В первую очередь он уделял внимание обучению коренных жителей. В годы его губернаторства в центральные образовательные учреждения за счет государства были направлены сотни молодых людей. Его усилия по подготовке кадров были поддержаны всеякимским П.А. Столыпиным и самим императором. По его инициативе были организованы трехгодичные курсы по подготовке народных учителей в г. Якутске. В Среднеколымске открыли курсы по подготовке переводчиков и учителей кочевых школ для детей чукчей и ламутов.

В 1907 г. воссоздается Общество попечения народного образования, председателем которого был избран И.И. Крафт. Членами общества стали К.К. Атласов, В.А. Кириллин, Е.И. Егасов, Е.М. Кузнецова, С.И. Огородников и многие другие преподаватели и учителя городских учебных заведений. По рекомендации губернатора в общество вступили и чиновники Областного управления и города. Общество содействовало открытию новых школ и оказывало помощь молодым людям, прибывающим из сельских мест по устройству на учебу. На средства Общества в 1907 г. была открыта воскресная школа для взрослых, которую посещали 56 чел., в том числе 21 женщина. В 1908 г. в г. Якутске начала работу воскресная школа для детей, занятия в которой проводились в воскресные дни. Её посещали 65 детей из малообеспеченных семей. Имеются архивные сведения, что воскресные школы грамоты были организованы даже в Колымском округе: в Родчевской и Усун-Кельской школах, где грамоте учились 12 чел. в возрасте от 25 до 40 лет [НА РС(Я). Ф. 12 и. Оп. 6...]. По распоряжению губернатора Крафта воскресную школу открыло также Общество приказчиков. Город-

ская дума подготовила проекты открытия татарской школы и введения всеобщего начального образования. С 1907 г. в 27 школах области в порядке эксперимента было введено изучение якутского языка в качестве дополнительного предмета [НА РС(Я). Ф. 288и. Оп. 1. Д. 203. Л. 6–7].

До 1913 г. продолжала действовать система обучения инородцев Российской империи, разработанная Ильминским. Но время диктовало свое. Её необходимо было реформировать. В 1913 г. министр просвещения Л.А. Кассо утвердил новые «Правила начальных училищ для инородцев», где говорилось, что «начальные училища для инородцев имеют цель распространять между ними знание русского языка и сближать их с русским народом на почве любви к общему отечеству» [Федоров]. Закон как бы разрешил обучение на родном языке, но было наставлено столько препятствий, что польза от этой программы равнялась нулю.

Заменивший Л.А. Кассо новый министр граф П.Н. Игнатьев предпринял попытку демократизировать систему образования, сделать всеобщим бесплатным с обучением на родном языке. Особое внимание должно было уделяться трудовому воспитанию. Но царь и его сторонники заставили Игнатьева уйти в отставку.

Но как бы ни было ничтожно количество учебных заведений, особенно начальных школ, прогрессивное влияние русских педагогов – политических ссыльных дало возможность народам Северо-Востока России приобщиться через русский язык к мировой культуре. Особая роль в просвещении народа саха принадлежит православной церкви. Почти все представители национальной интеллигенции вышли из стен первых миссионерских, министерских начальных и церковно-приходских школ и школ грамоты.

Русские педагоги внесли большой вклад в дело воспитания учителей из якутов. Среди первых выпускников мужской прогимназии Г.П. Фомин, В.Г. Монастырев, Д.Д. Сивцев педагогическую деятельность начали с восьмидесятых годов XIX в. Многие выпускники якутского реального училища работали в советской системе: П.Х. Староватов, Н.Н. Винокуров, П.И. Габышев, Н.Е. Афанасьев, Г.А. Афанасьев. Их труды были отмечены высокими наградами в советское время.

Из выпускников учительской семинарии П.В. Афанасьев, С.Н. Жирков, Е.Т. Хохлова,

Г.И. Эверстов и др. посвятили себя учительской работе и были отмечены правительственными наградами.

Выпускники духовной семинарии С.Н. Донской П, И.И. Винокуров стали руководителями народного образования.

Епархиальное женское училище подготовило много учительниц для церковно-приходских школ. Например, Н.Е. Самсонова в течение 38 лет работала учительницей начальных классов.

Таким образом, народное образование с конца XIX до начала XX в. развивалось медленно. Запланированные реформы П.А. Столыпина не были выполнены по ряду обстоятельств: отсталость России, две революции, мировая война. Но тем не менее благодаря помощи и поддержке передовой русской интеллигенции значительно увеличилось число школ, улучшилась система подготовки кадров. Наличие нескольких средних школ в какой-то мере обеспечивало рост национальной интеллигенции, которая бескорыстно занималась просвещением своего народа.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Архив ЯНЦ СО РАН.* Ф. 5. Оп. 29. Д. 63. Л. 56.
Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. – Якутск, 1966. – С. 134.
История Якутской АССР. – М., 1957. – С. 347.
Калашников А.А. Якутия. Хроника. Факты. События. – Якутск, 2000. – С. 180.
Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шаблева М.Ф. История педагогики и просвещения. – М., 1974. – С. 270.
Майнов И.И. Зачатки народного образования в Якутской области. – Иркутск, 1897. – С. 12.
Мещеряков Н.Л. Как мы жили в ссылке. – М., 1934. – С. 82.
Мицкевич С.И. Записки врача-общественника. – М., 1941. – С. 82.
НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–14.
НА РС(Я). Ф. 25. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.
НА РС(Я). Ф. 12и. Оп. 6. Д. 2260. Л. 26.
НА РС(Я). Ф. 288. Оп. 1. Д. 5. Л. 59.
Там же. Д. 203. Л. 6–7.
Обзор Камчатской области: Архивные материалы. – Петропавловск-Камчатский, 1912. – С. 51.
Павлов А.А. Губернатор И.И. Крафт. – Якутск, 2004. – С. 145–146.
Сибирские вопросы. – 1911. – № 26–27. – С. 67.
Сибирский архив. – 1912. – № 7. – С. 515–516.
Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций. – М., 2002. – С. 244–245.
Якутская окраина. – 1915. – 16 июня.

A.A. Pavlov

From the history of primary education in Eastern Siberia in the end of the 19-th – beginning of the 20-th centuries

Till the end of the twentieth century the level of national education in Eastern Siberia remained low. Only since the beginning of the twentieth century under the influence of economic development, growth of political movement and with support of the advanced intelligency there were some positive changes in area of primary education.

Keywords: education, russification of «foreigners», schools, inspector of national schools, patronage, school network, parish schools, care society of national education.

УДК (002:091.5):94(47)“18”

T.B. Захарова

История одной находки: книга декабриста А.А. Бестужева-Марлинского?

Предмет изучения — книга из редкого фонда Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). С помощью почерковедческой экспертизы, книговедческих методов и сопоставительного анализа в статье предпринята попытка доказать принадлежность обнаруженной книги декабристу А.А. Бестужеву-Марлинскому. Читательские пометы сопоставлены с содержанием писем декабриста, посланных им из Якутска.

Ключевые слова: декабристы, А.А. Бестужев-Марлинский, ссылка, Якутия, личная библиотека, источниковедение.

Декабристы давно уже стали частью истории Сибири. Прожив здесь на каторге и в ссылке довольно продолжительное время, они оставили след в культурной жизни региона. Память о них сохранена в музеях, расположенных в местах их поселения: Иркутске, Чите, Новоселенгинске (Респ. Бурятия), Ялуторовске (Тюменская обл.), Туринске (Свердловская обл.).

Якутск, принявший, по данным проф. Ф.Г. Сафронова [с. 10–24], троих декабристов (А.А. Бестужев-Марлинский, З.Г. Чернышев, С.Г. Краснокутский), не имеет ни музейных экспозиций, ни даже комплекса архивных документов о пребывании их на якутской земле (большинство документов погибло в пожаре 1890-го г. [Юрганова, с. 68]). Поэтому, как представляется, огромную ценность приобретают любые вещи, предметы, принадлежавшие декабристам во время их ссылки.

Поскольку книги имеют более долгую жизнь (чем, например, одежда), поскольку по своему материальному воплощению они, как правило, не вызывают меркантильного интереса (в отличие от украшений и драгоценностей), то можно предположить, что именно среди книг и можно найти экземпляры, принадлежавшие декабристам.

Наиболее изучена личная библиотека, составленная А.А.Бестужевым в Якутске. Так, по наблюдениям И.Г. Макарова, сосланный декабрист имел солидное книжное собрание, которое составляли не только художественная литература, но и книги по естественным наукам, медицине, истории, языкам и пр. Как выяснил Макаров [с. 15], при отъезде из Якутска на Кавказ часть книг декабрист забрал с собой, часть отправил в Петербург к матери, а часть оставил в Якутске. Действительно, в письме к Н.А. и К.А.Полевым (апрель 1832 г.) Александр Александрович признавался: «Я... бросил много книг в Якутске, много в Тифлисе» [Воспоминания, с. 298]. По предположению И.Г.Макарова, оставшиеся в Якутске книги «разошлись по частным рукам» [Макаров, с. 18]. До сего времени в исследовательской литературе не встречались сведения о найденных в Якутске бестужевских книгах.

Исторически сложилось, что хранителем и держателем всех книжных сокровищ Якутска стала Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) (далее НБ РС(Я)); в её редком фонде сосредоточено свыше 9 тыс. экз. книг и журналов, изданных в XVIII–XIX вв. [Книжные памятники]. В этом фонде обнаружена книга, имеющая надпись «А.Б.» (рис. 1). Эти инициа-

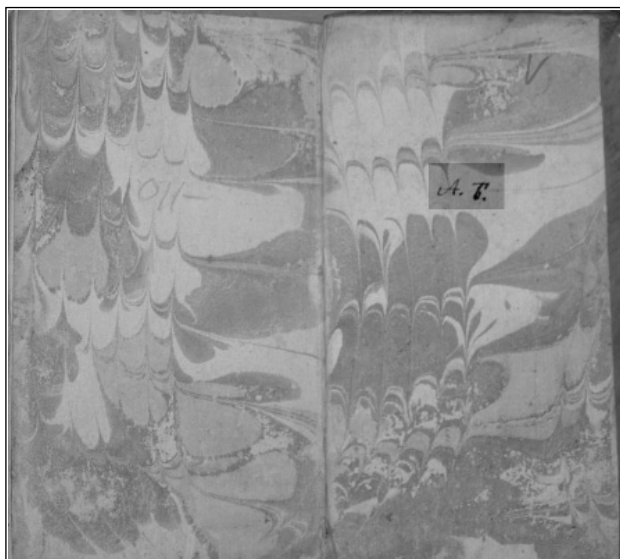

Рис. 1. Книга с автографом «А.Б.» из редкого фонда НБ РС(Я)

лы совпадают с первыми буквами имени и фамилии поэта и декабриста Александра Бестужева. Однако принадлежность книги именно ему не очевидна, так как на книге нет других надписей, указывающих на него как на владельца.

В данной статье предпринята попытка атрибуции, то есть установления принадлежности обнаруженной книги А.А.Бестужеву. В качестве исследуемых документов были привлечены означенная выше книга, автографы поэта и его письма из якутской ссылки. Известно, что участник восстания 14-го декабря 1825 г. Александр Александрович Бестужев (литературный псевдоним Марлинский) (1797–1837) прожил в Якутске в ссылке полтора года («доставлен в Якутск 31.12.1827, ...оставался в Якутске до июля 1829» [Декабристы, с. 20]). Автор не претендует на надёжность атрибуции из-за ограниченности документальных источников. Выводы автора основываются в большей степени на собственном убеждении, возникшем в результате наблюдения над указанными выше источниками.

Ценным источником для анализа является обнаруженная книга. В данном случае книга выступает и как вещественный источник, и как литературное произведение, несущее идейное содержание.

Исследуемая книга называется «Путешествие разума в Европейские области», перевод с французского языка; издана «Типографской компанией» известного российского просветителя, журналиста и книгоиздателя Н.И.Новикова (1744–1818) в Москве в 1783 г. Созданная им

«Типографская компания» (1777–1789) была передовым на то время издательством, выпускавшим лучшие произведения по философии, истории и пр.

Экземпляр имеет карманный формат (пригоден для переноски в кармане). Книга оформлена в кожаный переплёт, который когда-то был светло-коричневого цвета; на корешке видно теснение (название книги, номер частей и т.д.). Обрез книжного блока с трёх сторон в свое время имел красную окраску, ныне значительно выцветшую. Форзац и нахзац цветные. Полиграфическое исполнение для конца XVIII в. отличается большим вкусом и применением всех изысков: на титульных листах — виньетки с растительным орнаментом; на начальных страницах частей — заставки, на последних — концовки; на каждом листе — верхний колонтитул в виде двух коротких линеек. Как видится, книга по выходе из типографии выглядела очень нарядно. Такой томик был красив, уютно лежал в руке и вполне отвечал эстетическим вкусам Бестужева, любившего красивые вещи.

Известно, что Александр Александрович любил комфортную жизнь. Так, Л.Бэгби пишет, что в первом же письме Бестужева из Якутска содержались замысловатые просьбы о вещах: шубе, цветных рукавицах, чёрном вечернем сюртуке и пр. [Бэгби, с. 207] В якутском своём доме Бестужев «...был одет в сюртук и брюки, будто готовился идти со двора», чем удивил приезжего иркутянина [Неопубликованные..., с. 210]. И даже находясь в действующей армии в Дербенте и имея солдатское звание, поэт носил солдатскую форму, но — сшитую из тонкого сукна по разработанному им самим собственному фасону [Костенецкий, с. 443]. В шутку или всерьёз, но щегольство Александр Александрович считал единственной своей слабостью [Семевский, с. 235].

Содержание книги представляет собой путешествие разума, имя которому Люцидор, по странам Европы. В 1-й части описаны Турция, Россия, Левония, Польша, Дания, Пруссия и пр. Вторая часть посвящена различным местностям Франции (Шампань, Нормандия и пр.), Парижу и парижанам (их нравам, книгам, моде, роскоши, разговорам и т.д.).

Книга в хорошем физическом состоянии, чистая, прошедшая реставрационную дезинфекцию и чистку; следы читательских пометок заметны не сразу. Самые бросающиеся в глаза пометки (с. 57 1-й части) — две параллельные вертикальные линии простым каран-

дашом на полях и выделение абзаца замысловатой линией в виде спирали.

Читатель выделил текст, посвящённый Голландии и нравами голландцев: «Обыкновенно они [торгующие мужчины-голландцы] вычисляют то, что должно принести им посещение; а когда видят, что одни только поклоны им отправляются, то они дают знать, что им это докучно», «Разговор они не иной имеют, как только состоящий в односложных словах, разве когда важная какая-нибудь ведомость... учинит их многоречивее».

Если обратиться к опубликованным письмам А. Бестужева из Якутска, то можно найти подобные наблюдения поэта над нравами якутян. Например, о расчётливости: [Якуты. — Т.З.] «...даром не ступят шагу» (письмо от 10 ноября 1928 г.) [Семевский, с. 243]; «здесь [в Якутске. — Т.З.] движутся только желчные страсти: корысть, зависть, тщеславие. Они [жители Якутска — Т.З.] женятся для хозяйства и потом живут вместе потому только, что почти невозможно разойтись» [Там же, с. 250]. О неразговорчивости: «... движения их [жителей Якутска. — Т.З.] неловки и тяжелы, речь однозвучна и протяжна; сидеть есть величайшее их удовольствие и молчать — не труд, даже женщинам» [Там же, с. 250].

Вызывают интерес следующие выводы Бестужева: «Я мало верил доселе трактатам господ физиологов о влиянии климата на темперамент, ибо в Северной Пальмире своей встречал все страсти Италии..., ...здесь... больше и более убеждаешься в этой истине. Здесь ум и чувства людей в какой-то спячке... Всё, что течёт с кровью, мёрзло и безжизненно» [Там же, с. 250].

Другие пометы владельца обнаружены во 2-й части книги, на с. 60. Это небольшой, около 3–4 мм в диаметре, кружок, нарисованный слева от номера страницы (верхний колонтитул) такими же чёрными чернилами, которые использованы при написании на книге из НБ РС(Я) инициала «А.Б.». На помеченной странице начинается глава «Об остроумниках, или остроблестательных умах». Есть выделение следующего текста: «Остроблестательный ум...творит опыты, утончает мысли, осмысливает добрый смысл, пересмекает истину... Он есть отец парадоксов, новых слов, вздорных и диких мнений и почти всех мелких сочинений; к довершению ж чести он помрачает знание и достоинство».

Сам Бестужев отличался остроумием, доходившим, по оценке исследователя Б. Кубалова

[с. 50], до иронии и желчи, до злой шутки. Л. Бэгби [с. 212–213] отмечает, что во времена поэта существовал некий кодекс дворянско-офицерского поведения, в котором не последнее место отводилось умению «щеголять остротами».

Других явных читательских помет в книге не обнаружено. Между тем на книжных страницах, в большинстве своём чистых, замечены прожжённые дырочки (возможно, от трубки) (с. 43–44 1-й ч.). Известно, что в якутской ссылке А.Бестужев курил трубку, о чём не единожды упоминал в письмах к братьям: «Живу один, перелистываю книги и дымлю потолок трубкой» [Семевский, с. 250]. На одной из страниц обнаружены следы написанного чернилами текста, который отпечатались на книжной странице (с. 14 1-й ч.). Текст на этих страницах весьма примечателен и содержит слова некоего литванца, который воевал против грозного неприятеля: «Я еду на смерть, ... не ведая, хороша или худа та сторона, к которой я пристал». Несомненно, так же мог думать А. Бестужев по дороге в ссылку в Якутск. Возможно, Бестужев написал на бумаге какой-то текст, листок перевернул и не засохшие ещё чернила отпечатались на книге.

Обращает на себя внимание, что замечания Люцидора о России читатель оставил без внимания, на них нет помет. А между тем декабрист мог бы выделить, например, такие слова: «В России имеют многое, но не имеют необходимого».

Следует заметить, что все названные выше карандашные и чернильные пометы, дырочки и пятна приобретают какой-то смысл, если книга действительно принадлежала А.Бестужеву.

Более убедительным методом атрибуции книги А.Бестужеву является сопоставление обнаруженных инициалов с образцами почерка поэта.

Установлено, что Бестужев в якутский период своей жизни некоторые произведения подписывал инициалами «А.Б.», например, балладу «Саатырь», стихотворения «Юность», «Всегда и везде», «Финляндия», «К облаку», «Оживление» [Примечание, с. 198–202]. Эти же инициалы, как видно из статьи Макарова [с. 15], декабрист поставил на ящиках с книгами, которые отправил из Якутска в Петербург. Можно предположить, что и книги Бестужев пометил этими же инициалами.

Чтобы определить, принадлежат ли инициалы на книге из НБ РС(Я) Бестужеву, необходимо найти образцы почерка декабриста,

лучше всего якутского периода или примыкающих к нему годов, чтобы сличить с имеющимися. Установлено, что авторские рукописи произведений, написанных поэтом в Якутске, по большей части не сохранились (В. Хохлачёв [л. 6] установил, что в Якутске Бестужев написал около 30 стихотворений и 3 художественных очерка). Другие бумаги с автографами Бестужева составляют незначительное количество [Мордовченко, с. 265]. Основная их часть отложилась в Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН (СПб.), в личном фонде братьев Бестужевых [Рукописный отдел]. Автограф одного стихотворения якутского периода «К облаку» (1829) находится на хранении в Российской Национальной библиотеке (РНБ) (СПб.) [Мордовченко, с. 282].

Выявлено два опубликованных автографа поэта: стихотворение «К К[реницын]у» (1818) и отрывок из 5-й песни поэмы «Андрей, князь Переяславский» (1825–1832).

Обращение к сотрудникам Пушкинского дома с просьбой сличить электронные копии найденных в Якутске инициалов с имеющимися в архиве авторскими рукописями осталось без ответа. А вот из РНБ на просьбу откликнулись. Заведующий отделом рукописей канд.ист.наук Алексей Иванович Алексеев сверил оба автографа и представил своё короткое заключение (отдел занимается экспертизой). «... На мой взгляд, — пишет учёный, — говорить об их идентичности нельзя. Но исключать факт принадлежности их одному человеку также нельзя. Следует учитывать разницу в материале и орудиях письма».

Кроме этого А.И.Алексеев прислал электронную копию хранящегося в РНБ документа: авторскую рукопись стихотворения «К облаку». Таким образом, кроме книги из НБ РС(Я) с инициалами, предположительно написанными А.Бестужевым (далее исследуемый документ), имеются три автографа поэта: стихотворений «К К[реницын]у» (1818) (далее образец 1) и «К облаку» (1829) (далее образец 2), отрывок из 5-й песни поэмы «Андрей, князь Переяславский» (1825–1832) (далее образец 3) (рис. 2).

Из наличествующих образцов по времени написания сопоставимы с исследуемым документом только 2-й и 3-й; 1-й образец написан за 11 лет до создания исследуемого документа. Автору автографа в то время был 21 год, а в этом возрасте почерк ещё неустойчив.

Образцы и исследуемый документ выполнены чернилами и пером (Бестужев писал гу-

синым пером, о чём сообщал в письмах [Семевский, с. 243]). Материалы письма исследуемого документа и образцов имеют различия: в исследуемом документе инициалы написаны на нахзаце — разворотном листе, скрепляющем нижнюю переплетную крышку с книжным блоком, на той его части, которая приклеена к нижней переплётной крышке (см. рис. 1). Для склеивания книжного блока с переплётном использовалась специальная бумага, не предназначенная для письма и имеющая в данном случае шероховатую поверхность. В отличие от исследуемого документа, образцы написаны на обычной писчей бумаге.

Условия написания текста на книге (исследуемый документ) и листе бумаги (образцы) различны. Лист при письме, как правило, лежит на плоскости стола. На нахзаце можно было писать несколькими способами: 1) придерживая книжный блок в вертикальном положении, чтобы нижняя переплётная крышка была прижата к столу; 2) уложив книгу на стол и придерживая на весу нижнюю переплётную крышку в горизонтальном положении; 3) развернув книгу на столе, при этом нижняя переплётная крышка находится в неудобном положении (под наклоном). Как представляется, влияние названных выше факторов на искажение почерка писавшего может быть весьма существенным.

Учитывая, что анализу подвергаются заглавные буквы, необходимо в самых общих чертах дать общую характеристику почерка образцов. Текст в образцах 1 и 2 написан в среднем темпе, в образце 3 в быстром темпе, что характерно для лица, имеющего письменную практику. Почерк в образцах 1 и 2 можно охарактеризовать как простой (написание знаков понятно, нет отсутствующих элементов). В образце 3 почерк упрощённый, т.е. при написании букв автор делал сокращённое количество движений, что привело к утрате в написании некоторых элементов букв «о», «а». Во всех 3 образцах почерк имеет правый наклон. В образцах в изобилии присутствуют особенности выполнения деталей графических знаков: надстрочные элементы в буквах «ять», «т», «п», «ь», «д»; подстрочные — в буквах «у», «д», «з». Характерна конфигурация букв «ж» и написанной в конце слова буквы «х». Особой вычурностью отличается образец 1: линии надстрочных и подстрочных знаков полукруглые, прямые с лёгким закруглением на концах вниз или вверх. В образцах 2 и 3 замысловатость сохранилась только в написании букв «д» и «ять». Обращает

К К...у. —

Мать на Музе Писемца юный,
 Тотчас печалью звуки струны,
 Сель Поля Скукаго клонить?
 Профессор три мастера с Яковичкой,
 Понятия Забавши Соколовой
 Оледенить Сель Сидоровой!
 Поставь и малодушника Битва? —
 * * *
 Безспорно, что не в нашей воле,
 Битва участливости в се родит,
 Но можно ли тебе стужады
 Из оковы грусти возмужать? —
 Повесть ли в этом мире любовь.
 Возможно ли в этом мире
 Мертвечье Перелетать? —

а)

Завоев вихрь, вдовольте прах —
 И ты, оттопыренная звезда
 Доросла расставь на степях
 Бесплатно, безтолково.

Блещи, мочи на втирках —
 Подобив наши доли:
 И я погибну вдали
 От родины и воли.

1829.
 Август.

А. Б.

б)

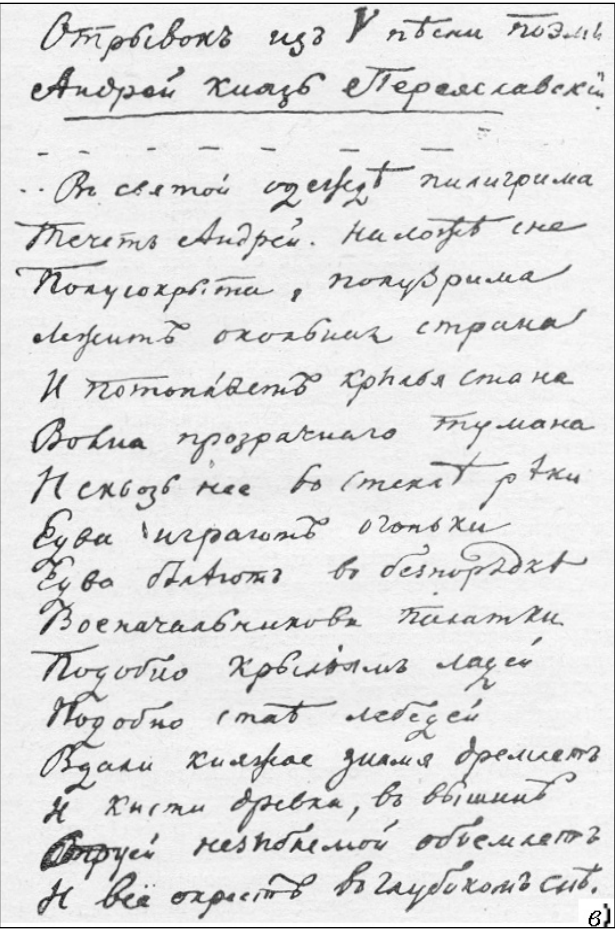

Рис. 2. Автографы: а) стих. «К К[реницын]у» б) стих. «К облаку» в) отрывок из 5-й песни поэмы «Андрей, князь Переяславский»

на себя внимание, что образец 3, написанный в быстром темпе, тем не менее не имеет упрощённого написания всех без исключения букв; вычурность сохранилась в особом широком росчерке надстрочного знака над буквой «ять». От общей характеристики почерка перейдём к особенностям написания заглавных букв. Это существенно для данного исследования из-за недостаточного количества образцов почерка. Образец 1: автор использует украшение надстрочных знаков в написании букв «Т», «П», «Б», «Н». Образец 2: некоторое украшение надстрочного знака буквы «Б». Образец 3: надстрочное украшение перешло в размашистый росчерк над буквами «Т», «П».

Особо следует остановиться на написании заглавных букв «А» и «Б». Техника написания буквы «А» (рис. 3) в образце 3 одинакова: от нижней точки, выписанной с утолщением, вверх, потом вниз, затем перекадина; обе буквы написаны без отрыва от бумаги. Обращает на себя внимание, что 1-й вариант буквы «А»

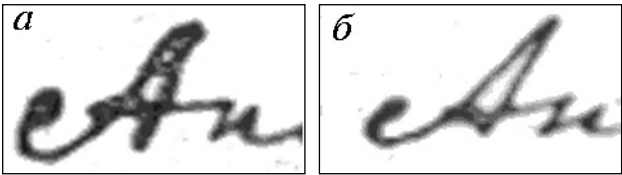

Рис. 3. Написание заглавной буквы «А» (образец 3) а) первый вариант; б) второй вариант

в образце 3 написан жирной линией и неровно. Автор, как видится, писал толстым, не заточенным пером (рис. 3, а)).

Заглавная буква «Б» представлена в образцах 1 и 2. Характерно написание основного элемента: в виде большого мягкого знака. Общий рисунок письма существенно отличается в написании овала и надстрочного знака. В образце 1 написание округлое, овал правильный, почти круг. Надстрочный элемент выполнен справа налево, равномерно закругляется кверху в начале написания и книзу – в конце написания (рис. 4). В образце 2 линии прямые, овал в первом случае представляет собой завершённую петлю (рис. 5, а)), во втором случае – скорее дугу (рис. 5, б)). Надстрочный элемент выписан в виде горизонтальной черты слева направо и оканчивается короткой линией, идущей под углом вниз.

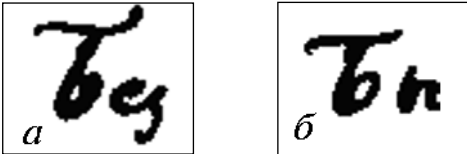

Рис. 4. Написание заглавной буквы «Б» в образце 1. а) первый вариант; б) второй вариант

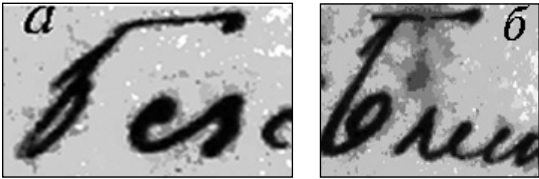

Рис. 5. Написание заглавной буквы «Б» в образце 2. а) первый вариант; б) второй вариант

Таким образом, анализ общей характеристики написания букв и анализ написания заглавных букв позволяют сделать следующий вывод. Почерк А. Бестужева отличается устойчивостью в общих характеристиках. В написании элементов прослеживается динамика от украшения почти всех надстрочных и подстрочных элементов (автору в то время был 21 год) к украшению избирательному (в 30–35 лет), элементы вычурности транс-

формировались со временем от петель и полу-кругов к широкому росчерку прямой или слегка закруглённой линией. Интересно, что почерк образца 2 отличается от других своей угловатостью, в то время как образцы 1 и 3, имеющие большой разрыв во времени, имеют много сходных черт и написаны более округло. Здесь можно было бы привести мнение американского исследователя Л. Бэгби о том, что в Санкт-Петербурге Бестужев «...сочинял как свою прозу, так и свою жизнь» [Бегби, с. 13]. Как видится, в далёком Якутске поэту некому было «являть свою маску» [Там же, с. 215], он скинул «своё романтическое обличье» [Там же, с. 217] и стал самим собой, что отразилось и на общем характере почерка (простой, без украшательства). Однако отсутствие других образцов почерка якутского периода не позволяет делать какие-либо определённые выводы о психологическом портрете автора автографа.

Наконец, приступим к сравнению инициалов. Как известно, написание инициалов имеет свои особенности: так как они пишутся довольно часто, это приводит к автоматизму движений, и, как следствие, к устойчивости в написании букв. Следовательно, можно ожидать, что инициалы образца 2 и исследуемого документа совпадут по написанию (рис. 6, 7).

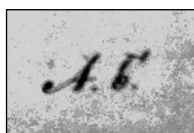

Рис. 6. Инициалы «А.Б.» на образце 2

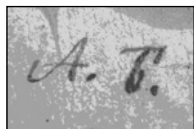

Рис. 7. Инициалы «А.Б.» на исследуемом документе

Однако при сопоставлении бросается в глаза несходство почерков. В образце 2 буква «А» начинается с нижней точки; из-за длительного удержания пера на одном месте в этой точке получилась характерная «капелька». Как видно при многократном увеличении, буква написана без отрыва от бумаги. В исследуемом документе инициал «А» имеет самый простой (как в прописи) вариант написания, без петель, с отрывом при написании «перекладины»; сама буква выписана широко. Только инициал «Б» имеет сходные черты: основной элемент в виде большого мягкого знака; выполненный слева направо надстрочный элемент оканчивается короткой вертикальной линией.

Представляется необходимым сопоставить все имеющиеся буквы в одном ряду (рис. 8, 9).

Из сопоставления видно, что инициалы из исследуемого документа вполне вписываются в ряд букв из образцов, не вступают с ними в противоречие, а наоборот, выглядят вполне гармонично.

Итак, на основе общего анализа почерка, с учётом известных условий написания инициалов и материала письма, можно сделать следующие выводы:

1. Общие характеристики написания инициалов на книге совпадают с почерком А. Бестужева: по конструктивной сложности почерк простой, с наклоном вправо, разгон размашистый, темп написания быстрый.

2. Наличие образцов почерка А. Бестужева разного возраста (21 и 32 года, 35 лет) позволяет проследить динамику изменения написа-

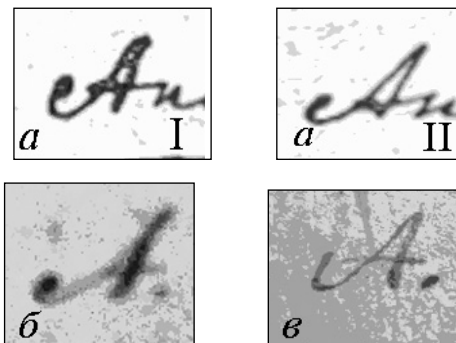

Рис. 8. Буква «А» в динамике: а) образец 3 (вариант I и II); б) образец 2; в) исследуемый документ

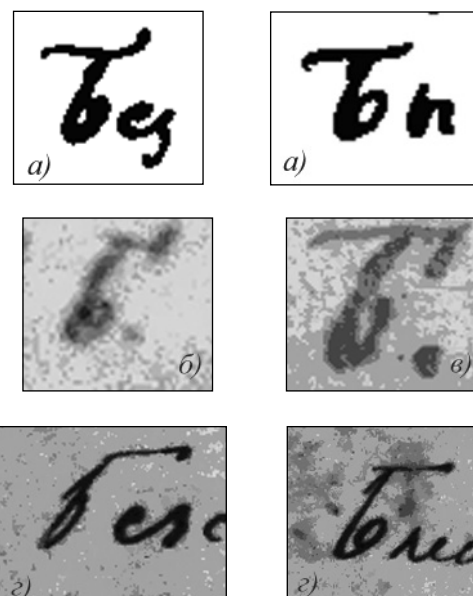

Рис. 9. Буква «Б» в динамике: а) образец 1; б) образец 2; в) образец 3; г) исследуемый документ

ния деталей графических знаков (от украшения и вычурности к упрощению).

3. Особенности написания инициала «Б» в исследуемом документе свидетельствуют о некоторой трудности, с которой выписывались буквы на шероховатой бумаге нахзаца. Автору потребовалось окунуть перо в чернильницу, чтобы выписать вторую из двух букв, из-за чего основной элемент прописан с явным утолщением и излишним количеством чернил. Следует напомнить, что отклонения от обычного для автора написания букв из-за разницы в материалах письма (неотточенное перо) уже встречались в образце 3 (см. рис. 3, а)).

4. В связи с этим следует отметить необычные условия письма исследуемого документа — требовалось либо придерживать книжный блок, либо придерживать на весу нижнюю переплётную крышку, либо писать на наклонной плоскости на весу без опоры для пишущей руки. Таким образом, особенности условия письма и материал письма могли оказать существенное влияние на почерк, как справедливо отметил А.И. Алексеев.

5. Следует учесть и быстрый темп письма исследуемого документа: инициалы проставлялись на большом количестве книг, что влекло за собой упрощение почерка. Напомню, что инициалы могли быть написаны, когда Бестужев готовил свою библиотеку к отправке и надписывал большое количество книг.

Весьма примечательно, что А.Бестужев интересовался графологией. Уместно здесь привести выдержку из письма к братьям в Читу от 25 ноября 1828 г.: «Было время, когда я хвалился догадливостью распознавать по почерку дух, с которым письмо писано, основные черты характера пишущего... Особенно подпись составляла характеристическую черту разбора. Чёткая значила человека, который старается более о наружности, чем о деле; ...а очень связная показывала людей, у которых все понятия смешаны» [Семевский, с. 243—244].

Таким образом, Бестужев мог сознательно применять различные варианты почерка, контролировать написание букв сообразно своему желанию создать о себе соответствующее мнение. Надписывая же книги, поэт мог не заботиться о «фигуре буквы»: в отличие от стихотворений, инициалы на книге не предназначались для чтения посторонними лицами.

Итак, изучение всех имевшихся в распоряжении документов позволило автору, опираясь в качестве идентификационных признаков атрибуции на личностные качества А.А. Бестужева

(умения, навыки, привычки, особенности жизни в ссылке, черты характера, особенности почерка), прийти к убеждению, что исследуемая книга подписана рукой поэта и, следовательно, принадлежала ему.

Компетентное заключение, бесспорно, может сделать лишь специальная почерковедческая экспертиза. Следует заметить, что для состоятельности атрибуции почерковеды требуют собрать как можно больше оригиналов почерка поэта. Однако, как уже говорилось выше, Бестужевских рукописей осталось мало, и все они хранятся в архивохранилищах различных ведомств, что делает такую экспертизу трудновыполнимой.

Ко всему сказанному можно добавить следующее. Имеющиеся на книге служебные пометы дают возможность проследить, каким образом она попала в фонд НБ РС(Я). Как видно из наклеенных на книгу ярлыков и проставленных штампов, книга принадлежала библиотеке Якутской духовной семинарии, которая была фактически открыта в 1870 г. Следовательно, книга до этого времени была во владении у частного лица. Известно, что для семинарской библиотеки книги жертвовали, и книга могла быть туда подарена. Затем, после установления в 1920 г. советской власти и закрытия семинарии, её библиотека была передана в фонд Якутской городской публичной библиотеки. Когда в 1925 г. создавалась Национальная государственная библиотека (ныне НБ РС(Я)), наиболее ценные издания из публичной библиотеки пополнили фонд нового библиотечного учреждения.

ЛИТЕРАТУРА

Бэзби Л. Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм. — СПб., 2001. — 368 с.

Воспоминания Бестужевых. — М.; Л., 1951. — 892 с.

Декабристы: Библиогр. справочник. — М., 1988. — 448 с.

Книжные памятники Республики Саха (Якутия): [Электронный документ] Реестр «Книж. пам.-коллекции» // Нац.б-ка Респ. Саха (Я): Сайт. URL: <http://nlib.sakha.ru/memory/reestr2.html> (дата обращения 19.12.2011).

Костенецкий Я.И. Александр Александрович Бестужев (Марлинский). (Из восп. Я.И. Костенецкого) // Рус. старина. — СПб., 1900. — № 11. — С. 441—457.

Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири. — [Иркутск], 1925. — 217 с.

Макаров И.Г. Библиотеки декабристов в Якутии // Якутская политическая ссылка (XIX — начало XX в.): Сб. научн. тр. — Якутск, 1989. — С. 5—18.

Мордовченко Н.И. Примечания // Бестужев-Марлинский А.А. Полн. собр. стих. — Л., 1961.

Неопубликованные воспоминания [Н.С. Щепкина] об А.А. Бестужеве-Марлинском // Вопр. лит., 1976. — № 2. — С. 207–217.

Примечания // Бестужев-Марлинский А.А. Собр. стих. — Л., 1948.

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. [Электронный ресурс] Ф. 604. Бестужевы // Электронные публикации Ин-та рус. лит. (Пушкинского Дома) РАН: Интернет-портал. Справ. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/>

Default.aspx?tabid=1352 (дата обращения 24.12.2011).

Семевский М.И. Александр Бестужев в Якутске: Неизданные письма его к родным, 1827–1829 // Рус. вестник. — 1870. — № 6. — С. 213–264.

Сафронов Ф.Г. Декабристы в Якутской ссылке: К 150-летию со дня восстания декабристов. 2-е изд., доп. — Якутск, 1975. — 105 с.

Хохлачёв В. Поэты-декабристы в Якутии // Архив ЯНЦ. Сектор литературы. Ф. 5. Оп. 2. Д. 12.

Юганова И.И. Декабристы в Якутской ссылке (по док-там Нац. архива Респ. Саха (Якутия)) // Отеч. арх. — 2000. — № 6. — С. 67–68.

T.V. Zakharova

The history of one finding: Is this the book of Decembrist A.A. Bestuzhev-Marlinsky?

The object of study is the book from the rare fund of the National library of the Sakha Republic (Yakutia). Using handwriting examination, methods of bibliology and comparative analysis, the author tries to prove that the found book belongs to the Decembrist A.A. Bestuzhev-Marlinsky. The reader's marks are compared with the content of letters, sent by the Decembrist from Yakutsk.

Keywords: Decembrist, A.A. Bestuzhev-Marlinsky, exile, Yakutia, private library, source study.

СОЦИОЛОГИЯ

Идея публичного обсуждения актуальных проблем развития региональных аудиовизуальных СМИ в условиях перехода к эфирному цифровому вещанию в Российской Федерации была реализована в ходе подготовки и проведения Всероссийской научно-практической конференции «Региональные телерадиокомпании в медиaprостранстве России: проблемы и перспективы развития», состоявшейся 29–30 марта 2012 г. в г.Якутске. В ней приняли участие сотрудники государственных, муниципальных и коммерческих телерадиокомпаний из Москвы, республик Башкортостан, Бурятия, Дагестан и Татарстан, Красноярского и Хабаровского краев, Камчатской и Читинской областей, Еврейской автономной области, а также ученые и преподаватели научных учреждений и вузов Якутии: ИГИиПМНС СО РАН, СВФУ им. М.К.Аммосова, Байкальского государственного университета экономики и права. Широкий спектр тем, вынесенных на пленарное и секционные заседания, позволил обсудить круг вопросов, связанных с современным состоянием и функционированием региональных телерадиокомпаний как составной части целостной системы многонационального российского телевидения и радио. Ниже публикуются статьи сотрудников сектора этносоциологии ИГИиПМНС, освещающие на местном материале часть затронутых на конференции тем.

УДК 316:654.19(571.56)

В.Б. Игнатьева

НВК «Саха»: потенциал и перспективы развития в контексте запуска цифрового мультиплекса

Представлены основные результаты социологического исследования, проведенного среди населения Республики Саха (Якутия), по следующим параметрам: география исследования, характеристики массива респондентов, популярные источники информации, рейтинг НВК «Саха», мотивы выбора канала, возможности расширения телевизионной аудитории.

Ключевые слова: социологическое исследование, источники информации, рейтинг телеканала, интересы и запросы телевизионной аудитории.

К 2015 г. в соответствии с Федеральной целевой программой «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2015 гг.» планируется полное развертывание системы эфирного цифрового вещания на территории всей страны. С целью устойчивого развития региональных теле-, радиоканалов в условиях многопрограммных мультимедийных коммуникаций в 2011 г. была принята Государственная программа РС(Я) «Развитие информационного

общества в Республике Саха (Якутия) на 2012–2016 гг.». Одной из задач программы является реализация базовых условий для вхождения Национальной вещательной компании «Саха» в цифровой мультиплекс. Это самостоятельное программирование; собственное вещание (определенный объем программ собственного производства и приобретенных); наличие возможностей в сжатые сроки выйти на полноценные объемы вещания; тематическое и жанровое

разнообразие контента; финансово-экономическое положение компании.

В современное время, когда дистанция между «готовностью к вещанию и интересом к включению» [Н.Луман] имеет тенденцию дальнейшего роста, особую значимость приобретает проблема усиления конкурентной борьбы федеральных и региональных телерадиоканалов. Данное обстоятельство, в свою очередь, резко актуализирует вопросы эффективности функционирования региональных средств массовой информации, которая зависит не только от выбора правильной стратегии и тактики развития, но и от умения ориентироваться на потребительский спрос, существующий на медиарынке.

Учитывая необходимость модернизации радиотелевизионной сферы Республики Саха, по инициативе и финансовом содействии Национальной вещательной компании «Саха» сотрудниками сектора этносоциологии ИГиПМНС СО РАН был проведен социологический опрос по теме «Исследование потребности населения Якутии в услугах НВК «Саха» в условиях перехода на цифровые технологии». Результаты этого исследования, в фокусе которого находятся проблемы учета интересов массовой аудитории в формировании программной политики компании; улучшения качества теле-, радиоконтента, соответствующего запросам и потребностям отдельных граждан, социальных страт, этнических групп и др., повышения роли аудиовизуальных СМИ в сохранении этнического, культурного и лингвистического многообразия как инновационного ресурса развития России — стимулировали дискуссии и обмен мнениями участников Всероссийской научно-практической конференции «Региональные телерадиокомпании в медиaprостранстве России: проблемы и перспективы развития».

География опроса и особенности конструкции выборки. В исследовании использована многоступенчатая стратифицированная территориальная выборка. Первая ступень отбора заключалась в определении географических точек опроса, где единицами отбора являлись административные районы (улусы). В качестве стратифицирующих использовались следующие признаки: географическое положение, их экономическая специализация, численность и этнический состав населения, транспортная доступность. В общую выборку исследования были включены гг. Якутск, Нерюнгри, Алдан, Ленск, а также: по Центральной группе — Кобяйский, Чурапчинский; по Вилюйской группе —

Сунтарский; по Северной группе — Анабарский, Жиганский, Томпонский улусы. Распределялись квоты по заданным точкам опроса в зависимости от численности жителей административно-территориальных единиц и их удельного веса в общем составе населения республики.

Во второй ступени отбора в каждой точке опроса случайным образом определялись: для детской аудитории — учебные заведения, для взрослой — организации и учреждения. Особенность примененной процедуры случайного систематического отбора состоит в том, что список учреждений не составлялся заранее, а формировался интервьюером непосредственно в ходе полевых работ. Поиск и опрос респондентов старше 60 лет велись случайным маршрутным методом (последовательный обход домохозяйств).

Характеристика общего массива респондентов. Социологический опрос проведен по квотной выборке среди подростков-школьников (14–17 лет) и взрослого населения (18 лет и старше). Всего опрошено 1249 респондентов, в том числе взрослого населения — 1031 чел., детского — 218.

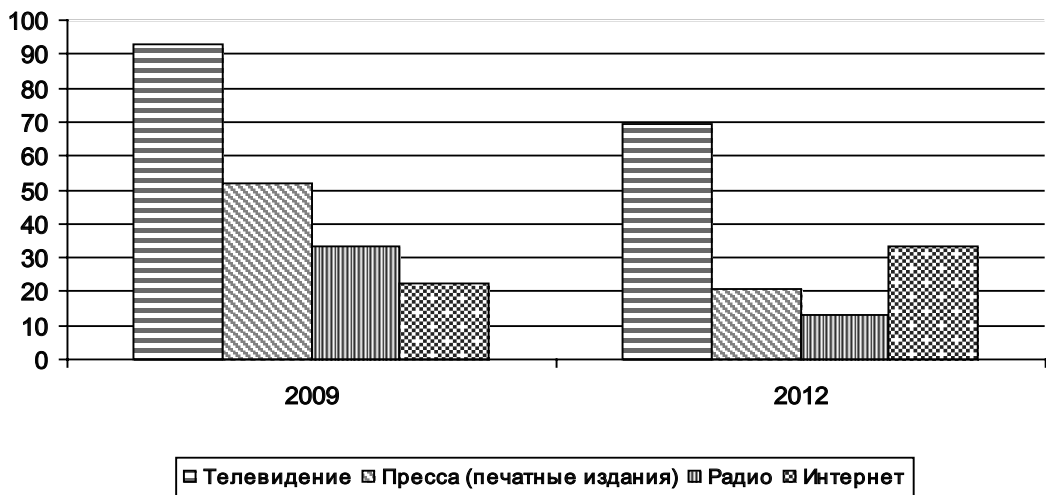
Выборочный массив репрезентирует структуру генеральной совокупности: мужчины — 45,7%, женщины — 54,3%; возрастные когорты: 18–24 (8,7%), 20–24 (11,1%), 25–29 (13,3%), 30–34 (8,2%), 35–39 (10,7%), 40–44 (7,9%), 45–49 (8,2%), 50–54 (11%), 55–59 (8,6%), 60 лет и старше (12,3%); саха — 51,9%, русские — 33%, коренные малочисленные народы Севера — 10,9%, другие народы — 4,2%.

Фактические объемы выборки по *образовательному статусу*: без образования — 0,6%, начальное (менее 8 классов) — 0,8%, неполное среднее — 1,9%, общее среднее — 15,6%, начальное профессиональное и среднее специальное — 25,7%, незаконченное высшее — 10,2%, высшее — 45,2%; *занятости*: служащие, специалисты — 41%, рабочие промышленного производства — 6,4%, работники сельского хозяйства — 2,2%, руководители — 5,9%, индивидуальные предприниматели — 3%, работники сферы услуг — 9,6%, временно безработные — 4,7%, не работающие пенсионеры — 9%, работающие пенсионеры — 11,7%; *сфере деятельности*: промышленность, строительство, транспорт, связь — 14,5%, сфера услуг, бытовое обслуживание — 14,4%, сельское хозяйство, фермерство — 4,1%, образование, дошкольное воспитание, здравоохранение — 20,9%, культура, СМИ, наука, спорт, туризм — 16,8%, органы власти,

кредитно-финансовая сфера, страхование – 11,8%, армия, МВД, ФСБ – 3,3%, другие – 4,4%.

Рейтинг НВК «Саха». Исследованием выявлено, что выбор наиболее часто используемых источников информации находится в обще-
 российскийском тренде: по разным источникам, в

среднем до 70% россиян смотрят телевизор каждый день [Результаты исследований...]. Как видно из рисунка, по степени популярности среди населения Якутии телевидение, несмотря на существенные потери, также является доминирующим каналом информации.

Степень популярности источников получения информации, %

В 2012 г, по сравнению с 2009 второе место по значимости занимает Интернет. Вместе с тем отметим, что несмотря на рост его аудитории, возможность потребителей получать информацию из глобальной сети сегодня существенно ограничивается не только техническими проблемами, но и уровнем материального достатка семей, прежде всего, сельских [Игнатьева].

Динамика наиболее предпочтительных источников информации представляется вполне

закономерной. В условиях Якутии телевидение остается наиболее оперативным средством доставки информации, доступным практически всем жителям республики. Периодические издания продолжают терять свою массовость не только в зависимости от скорости работы почтовой службы, возраста и образовательного статуса читателей. Данное явление можно связать и с последовательным снижением навыков чтения на родном, прежде всего, якутском языке, как городскими, так и сельскими саха.

Динамика рейтинга телеканалов, %

Телеканалы	2009	2012
Первый канал (ОРТ)	82,6	64,8
«Россия» (РТР, 2-й канал)	66,1	53,1
НВК «Саха»	53,0	51,3
НТВ	48,3	35,5
ТНТ	35,0	32,2
СТС	27,8	23,4
Улусное телевидение	16,9	5,6
РЕН-ТВ	14,1	11,1
Звезда	8,7	14,7
Культура	7,5	8,8
ГТРК «Саха»	6,5	4,3
ТВЦ	5,6	2,7
СТВ	2,4	1,5
Другие каналы	5,3	15,9

В условиях роста количества телеканалов, распространения кабельного, спутникового и Интернет-телевидения происходит ужесточение конкуренции телеканалов за своего зрителя, вследствие чего постоянно меняется состав и структура телевизионной аудитории. Как видно из таблицы, несмотря на значительное расширение телеаудитории других каналов, по объему активной аудитории НБК «Саха» входит в лидирующую группу вслед за 1-м каналом (ОРТ) и РТР (2-й канал). Это объясняется существенным улучшением качества телепередач НБК «Саха» за последние 1-2 года. Кроме того, зрителей привлекают «республиканская тематика передач, которую по другим каналам не передают» (47,3%); «вещание на родном языке» (якутском, языках коренных малочисленных народов Севера) – 31,2%; «интересные программы, которые близки респондентам» (20,4%), а также «оперативность новостей» (20,1%); «достоверность информации» и «доверие каналу» (по 7,8%).

Итоги опроса свидетельствуют о наличии у НБК «Саха» потенциальной возможности для существенного расширения своей постоянной аудитории. Наиболее рельефно это проявляется при анализе ответов респондентов на вопрос: «Какие изменения в работе НБК «Саха» сделали бы программы этого канала более интересным для Вас лично?». Среди пожеланий лидируют предложения об увеличении языковых квот: до 1/3 опрошенных жителей гг.Алдан, Ленск, Нерюнгри и Якутск хотели бы «по-

больше новых программ на русском языке». Расширения разнообразных программ на якутском желает 25,5% якутской аудитории. Полученный спектр ответов также показывает актуальность и нерешенность проблемы двуязычного вещания на республиканском телевидении. Большинство респондентов предлагают обеспечить перевод наиболее интересных программ на государственные и официальные языки Республики Саха.

Анализ существующей ситуации позволяет внести следующие практические рекомендации для дальнейшего развития телеканала НБК «Саха»: с целью долгосрочного планирования телерадиовещания необходимо создать и внедрить региональную систему медиаизмерений; для удовлетворения информационной потребности разнообразных групп населения Якутии следует разработать специальную программу по привлечению русскоязычной, а также молодежной и детской зрительской аудитории в информационную орбиту канала НБК «Саха».

ЛИТЕРАТУРА

Игнатьева В.Б. Кто поддержит модель современной школы // Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы. – М., 2010. – С. 160.

Луман Н. Реальность массмедиа. – М., 2012. – С. 11.

Результаты исследований ФОМ. Телевидение. http://bd.fom.ru/report/cat/smi_tv/tvt020107.

V.B. Ignatyeva

National Broadcasting Company «Sakha»: potential and prospects in the context of the starting a digital multiplex

The article presents the main results of the sociological research carried among the population of the Sakha Republic (Yakutia) according to the following parameters: geography of the research, characteristics of the respondents's block, popular sources of information, the rating of the National Broadcasting Company «Sakha», motives behind the channel selection, possibilities of expanding television audience.

Keywords: sociological research, sources of information, channel rating, interests and needs of the television audience.

Ю.И. Жегусов

Социально-локальные особенности телеаудитории НВК «Саха»

Анализируются уровень осведомленности о канале НВК «Саха», связь между информированностью о канале и просмотром телеканала, социально-локальный профиль зрительской аудитории, а также составлен усредненный портрет телезрителя телеканала НВК «Саха».

Ключевые слова: телевизионная аудитория, рейтинг телевизионных передач, технический и реальный охват телевещанием, этнорегиональная солидарность.

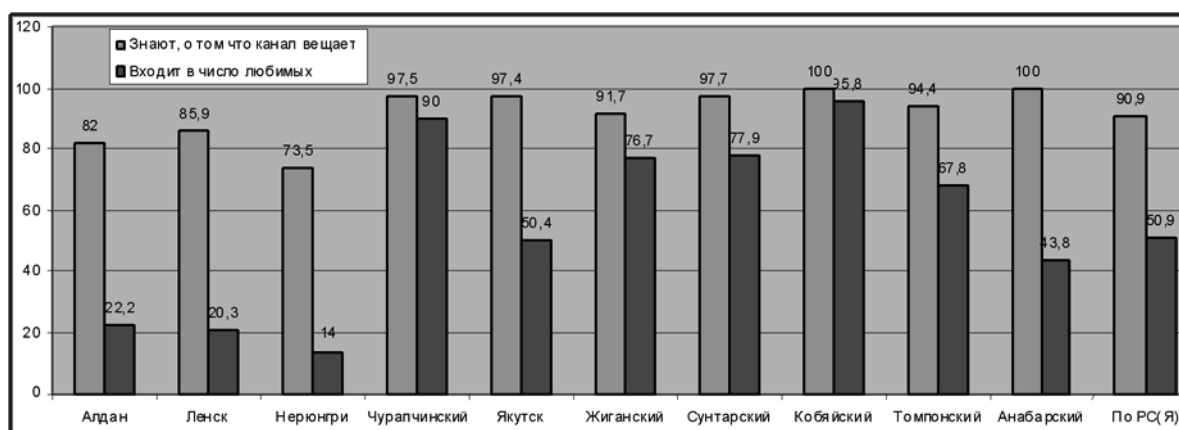
В связи с развитием информационных технологий, в том числе аудиовизуальных средств массовой коммуникации, происходит ужесточение конкуренции среди различных СМИ. С каждым годом увеличивается количество транслируемых телеканалов, кроме традиционного аналогового телевидения широко распространяется кабельное, спутниковое и интернет-телевидение. В этих условиях информационного разнообразия происходит своеобразная борьба телеканалов за аудиторию, в результате чего постоянно меняется состав и структура телеаудитории.

Результаты исследования показывают, что подавляющее большинство респондентов знают о том, что телеканал НВК «Саха» транслируется в том населенном пункте, где они проживают. Значительное количество респондентов в Южной Якутии не знают о существовании канала НВК «Саха». Это скорее обусловлено стилем жизни жителей Нерюнгри, Алдана и Ленска — в этих городах в основном проживают люди, занятые в промышленности, которые не так часто смотрят телевизор.

НВК «Саха» имеет высокий рейтинг в сельской местности, населенной якутами, — Чурапчинском, Кобяйском, Жиганском и Сунтарском улусах. Средний рейтинг телеканал имеет в Томпонском, Анабарском улусах, а также в г. Якутске. Низкий рейтинг просмотра канала НВК «Саха» наблюдается в городах Южной Якутии, населенной преимущественно русскими и славянскими народами (рисунок). Таким образом, общий рейтинг ТВ канала НВК «Саха» по Республике Саха (Якутия) соответствует 50%, т.е. половина зрителей включает этот канал в число любимых и часто просматриваемых.

Наиболее низкий разрыв между количеством осведомленных о канале НВК «Саха» и устойчивой аудиторией, смотрящей этот канал, установился в сельской местности — Кобяйском (4,2%), Чурапчинском (7,5%), Жиганском (15%) и Сунтарском (19,8%) улусах. В этих точках канал завоевал и сохраняет устойчивую аудиторию.

Большой разрыв между количеством информированных о канале и смотрящих этот

Количественное различие между информированными о канале и его устойчивой аудиторией, %

канал (НБК «Саха») наблюдается в Ленске (65,6%), Алдане (59,8%), Нерюнгри (59,5%) и Анабарском улусе (56,2%). Это свидетельствует о том, что содержание канала, качество передачи или трансляции не удовлетворяет телезрителя, обладающего своими региональными, национальными особенностями.

Частота просмотров канала НБК «Саха» аудиторией также сильно различается по точкам опроса. Здесь аудиторию нужно разделить по следующим группам:

- 1) «Постоянные» зрители, те которые смотрят НБК «Саха» каждый день;
- 2) «Регулярные» зрители – смотрят канал не ежедневно, а от 1 до 4 раз в неделю;
- 3) «Эпизодические» зрители – смотрят канал очень редко, обычно в анкете отмечают, что почти «не смотрят», хотя обозначают в анкете себя как зрителя НБК «Саха».

В целом по Республике Саха (Якутия) среди аудитории НБК «Саха» группа «постоянных» зрителей занимает больше трети респондентов. «Регулярные» составляют 43,2% всех зрителей, что незначительно превышает долю «постоянных». 1/10 часть аудитории можно отнести к «эпизодическим» зрителям.

По числу устойчивой, «постоянной» группы зрителей лидируют Чурапчинский, Жиганский, Кобяйский и Сунтарский улусы, здесь телевизионный канал ежедневно смотрят более половины аудитории. В городах Южной Якутии в сравнении с другими районами значительна доля «эпизодических» зрителей, которые почти не смотрят НБК «Саха».

Наибольшая доля «регулярных» зрителей, тех, кто достаточно часто смотрит НБК «Саха», выявлена в Анабарском улусе (61,3%), Ленске (53,3%), Алдане (52,0%), и Нерюнгри (50,3%).

Выявленные группы зрительской аудитории НБК «Саха» показывают степень привлекательности канала в разных районах и городах Якутии. Социально-локальный профиль зрительской аудитории зависит от того, какими этносами населен тот или иной населенный пункт или район республики. Здесь ясно прослеживается, что в тех районах, где проживают якуты и коренные малочисленные народы Севера, зрительский рейтинг НБК «Саха» традиционно высок (70%). Напротив, в районах с преобладанием славянского населения выявляется крайне низкий рейтинг канала. Анализ зрительской аудитории НБК «Саха» по национальностям респондентов подтверждают эту тенденцию.

Таким образом, можно утверждать, что телеканал НБК «Саха» на информационном пространстве республики выступает как специфическое этническое телевидение, ориентированное в первую очередь на менталитет, интересы и предпочтения сельских жителей, владеющих якутским языком. Значимым фактором в популярности НБК «Саха» у якутоязычной аудитории является наличие в социальных воззрениях и установках этнорегионального патриотизма, который побуждает потреблять «свой» информационный продукт, даже если он проигрывает в качестве по сравнению с другим.

Проведенный анализ рейтинга телепередач позволяет выявить особенности зрительских предпочтений тех, кто смотрит НБК «Саха». В анкету было включено 111 передач, транслирующихся на канале с разной частотой. Из них в число рейтинговых передач была включена 21 передача, так как они преодолели условно установленный 10%-ный рубеж. Остальные 90 передач можно считать аутсайдерами телеэфира, так как имеют почти нулевой рейтинг, либо их смотрят менее 10% респондентов.

На основе анализа социально-демографического состава зрительской аудитории нами составлен усредненный, социально-локальный портрет зрителя телеканала НБК «Саха». Это мужчина или женщина якутской национальности, в возрасте от 55 лет и старше, проживающий(ая) в сельской местности, со средним специальным или высшим образованием, занятый(ая) в бюджетной сфере или на пенсии. В круг зрительских предпочтений входят информационные, новостные передачи, а также развлекательные и познавательные.

Исследование показало, что трансляция телеканала НБК «Саха» на определенной территории не всегда обеспечивает реальный, фактический информационный охват населения, индикатором которого является высокий зрительский рейтинг передач. Несмотря на достаточно высокие рейтинговые показатели в улусах республики, из реального информационного охвата «выпадает» славянское население Южной Якутии. Главной причиной крайне слабого информационного охвата является специфический контент телевизионных передач, ориентированный главным образом на якутское население, преимущественно проживающее в сельской местности. Большинство передач выпускается на якутском языке, а передачи на русском языке не в полной мере затрагивают интересы и информационные предпочтения жителя городов Южной Якутии.

Yury I. Zhigusov

Social and local features of TV viewers of National Broadcasting Company «Sakha»

The paper analyzes the level of awareness on the NBC «Sakha», the link between knowledge of the channel and TV channel viewing, the social and local profile of audience and also gives a description of an average portrait of the TV viewer.

Keywords: television audience, rating of telecasts, technical and real coverage by telecasting, ethnoregional solidarity

УДК 316:654.19(571.56)

А.Г. Томаска

Степень удовлетворения информационных потребностей телезрителей НБК «Саха»

Анализируются особенности информационных потребностей телевизионной аудитории Республики Саха (Якутия). На основе эмпирического анализа характеризуется уровень удовлетворения информационных потребностей телезрителей НБК «Саха».

Ключевые слова: информационная потребность, телеаудитория, медиасреда, телеконтент, телепросмотр, медиатехнологии, информационная политика.

Обновленная, интенсивно развивающаяся медиасреда прочно вошла в жизнь современного общества. Доступность мгновенного широкого распространения информации, возможность доставлять персонализированную информацию через электронные СМИ, включая телерадиопрограммы, предопределяют новые направления их развития. Развитие цифровых технологий способствует утере огромного влияния телевидения на современное общество.

Телевидение в традиционном понимании теряет значительные группы населения республики, если можно так выразиться, из зоны влияния. По результатам нашего опроса наиболее представительной группой является занятое население — 34,2% опрошенных не смотрят регулярно телевизор потому, что не хватает времени на просмотр. Следующая группа — молодежь и население среднего возраста — основной потребитель цифровых технологий. По итогам нашего опроса почти четверть (23,5%) респондентов г. Якутска получают информацию из Интернета. В целом по республике 17,6% респондентов предпочитают Интернет.

«Однако наличие Интернета как альтернативы традиционному телепросмотру не приво-

дит к полному отказу от телевизора и изоляции от ТВ-содержания в целом» [Полуэктова, с. 38]. По мнению специалистов, привычки в отношении телепросмотра прочно укоренены в культуре современного общества и традиционный телепросмотр останется в качестве необходимой альтернативы Интернету и дополнения к нему. Следовательно, хотя аудитория традиционного телевидения с развитием цифровых медиа сокращается, мы не можем определенно утверждать, что люди стали меньше смотреть телевизор, — просто они смотрят «по-другому». В освоении новых технологий и способов доставки телеконтента формируются не только новые формы телепросмотра, но и новая телеаудитория, новый тип телезрителя [Там же, с. 39].

Информационная потребность — потребность, возникающая, когда цель, стоящая перед пользователем в процессе его профессиональной деятельности либо в его социально-бытовой практике, не может быть достигнута без привлечения дополнительной информации [http...]. Информационная потребность трудно поддается отображению, а тем более измерению, характеризуется многоаспектностью и изменчивостью. Однако каковы же информационные потребности телеаудитории республики?

Телеаудитории был предложен ряд вопросов, которые в той или иной степени смогут помочь ориентироваться в их телеинформационных потребностях. Прежде всего, по какой причине жители республики смотрят телевизор? Для 70,2% респондентов телевидение — это способ быть в курсе событий. Услуги телевидения по доставке новостей пользуются наибольшим спросом ввиду уже проделанного профессионального отбора из огромного потока информации.

Телевидение является каналом, посредством которого население приобщается к плодам культуры — и массовой, и элитарной. По мнению 21,2% респондентов, телевидение расширяет их кругозор и повышает культурный уровень. Многие важные для развития культуры идеи не только популяризируются, но и впервые получают доступ к массам именно с экранов телевизоров.

Однако нередко можно услышать мнение, что телевидение способствует пассивному, бездеятельному созерцанию и поглощению готовой информации, становится привычкой. Есть много исследований и публикаций с критикой телевидения и его воздействия на сознание, психику. Среди наших респондентов — каждый пятый смотрит телевизор по привычке.

Телевидение сегодня предлагает самый простой и доступный способ развлечений. Для 19,8% опрошенных телезрителей телевидение не только источник информации, но и укоренившийся в сознании способ организации и заполнения развлечения, рекреационный компонент. Развлечение и отдых имеет большой социальный смысл. Развлекательные форматы помогают человеку «освоить и пережить» утомительно-будничную, порой труднопереносимую повседневность.

Известен ряд исследований, которые показали, что просмотр телевизора помогает избавиться от чувства одиночества и социальной изоляции. В них говорится, что просмотр телевизора создает у зрителя иллюзию, что его социальные нужды принимаются миром, что он не одинок, а является частью общества. Вымышленная связь зрителя с телевизионными персонажами способна облегчить его потребность в связи с другими людьми и служит плохой альтернативой реального человеческого опыта. Но для тех, кто испытывает трудности социального взаимодействия из-за физических ограничений или географической удаленности, новые технологии способны дей-

ствительно помочь почувствовать себя более комфортно. Для 7% опрошенных телезрителей телесмотрение является способом почувствовать себя частью общества.

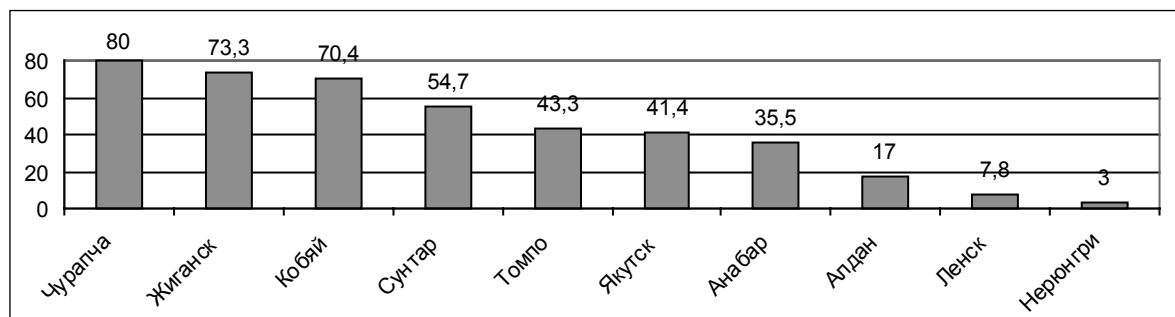
Развитие медиатехнологий приводит к глубокой дифференциации телеаудитории. Вкусы, предпочтения, стили жизни и потребления разных поколений, разных социальных страт учесть в рамках одного канала весьма затруднительно. Дифференциация и индивидуализация аудитории телевидения усложняет планирование сетки вещания канала.

По итогам нашего исследования аудитория канала НВК «Саха» — взрослое население (81,9%). Иными словами, информационные потребности населения республики разных возрастных групп не учитываются достаточно. Потребители республиканской телеинформации — это в основном взрослое население, дети, домохозяйки, пенсионеры. Из сферы охвата выпадает молодежь, которая чаще отдает предпочтение Интернету и FM-радио, специализированным молодежным каналам.

Низкий уровень интереса к республиканскому телевидению населения районов республики, где проводится интенсивное промышленное освоение, определяют, с одной стороны, специфика структуры населения южных районов, связанная с демографическими процессами и социально-экономическим своеобразием региона, распределением аудитории телевидения по возрастающему числу каналов, а с другой — недостатком программ, удовлетворяющих информационные потребности (рисунок).

В целом среди опрошенных телезрителей по республике 81,5% смотрят программы НВК «Саха». Однако телевизионная активность более трети из них носит эпизодический характер. Если в целом по районам республики телеаудитория НВК «Саха» составляет в среднем почти 95%, то в промышленных районах, где интенсивно разворачивается реализация мегапроектов, аудитория на треть меньше. Такая ситуация, связанная с процессами стратификации, с неравномерным развитием и технической оснащенностью телевизионной инфраструктуры разных районов республики создает условия для углубления социального и информационного расслоения якутян.

Для обеспечения информационной потребности промышленных районов необходимо пересмотреть информационную политику канала, которая позволит определить состояние дел, назревающие проблемы в различных отраслях

Количество зрителей, ежедневно смотрящих программы НВК «Саха», %.

промышленности. Требуется наладить более тесную связь с пресс-службами хозяйствующих субъектов и обеспечить информационную поддержку промышленных предприятий в части освещения вопросов промышленной политики, о проводимых преобразованиях, программах, о промышленном потенциале, трудовых династиях, поднятии престижа рабочих профессий.

В целом по республике 48,4% респондентов отмечают наличие представляющих для них интерес передач на канале НВК «Саха». Несмотря на разделение информационных потребностей телеаудитории канала НВК «Саха» по сельским и промышленным районам, все они в причинах предпочтения передач НВК «Саха» указывают республиканскую тематику передач, которую по другим каналам не передают, — 47,3%.

Жанрово-целевой или форматный дефицит на канале НВК «Саха», по мнению телезрителей республики, составляет в среднем 17,9%. Компании необходимо уделить должное внимание поиску новых форматов. Успех продукта

определяет не только качество его исполнения, но и то, как он выходит на рынок.

Аудитория канала НВК «Саха» претерпела существенные изменения вместе с радикальными трансформациями российского общества и принципов развития телевидения в конце XX — начале XXI в. Трансформация социальной структуры общества, условий и образа жизни людей меняет и роль телевидения в их повседневной жизни. Изменилось также содержание, передаваемое по каналам телевидения, трансформировались телевизионные предпочтения аудитории, формы и время телесмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

Полуэхтова И. Российская телеаудитория глазами социолога. — Ч.2 // Журнал «Broadcasting. Телевидение и радиовещание». — 2010. — №3. — С.38.

[http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RIIt\(uwsg.outt:lvuywlhtuxyo,http://termin.bposd.ru/publ/12-1-0-8293](http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RIIt(uwsg.outt:lvuywlhtuxyo,http://termin.bposd.ru/publ/12-1-0-8293)

А.Г. Томаска

The level of meeting the information needs of the TV viewers of the National Broadcasting Company “Sakha”

We analyze the peculiarities of information needs of the TV viewers of the Sakha Republic (Yakutia). Based on an empirical analysis, the level of meeting the information needs of the TV viewers of the National Broadcasting Company “Sakha” is characterized.

Keywords: information needs, the TV audience, media environment, TV content, TV viewing, media technologies, information policy.

С.М. Баишева

Аудитория НВК «Саха»: особенности телесмотрения в этническом срезе

Приводятся результаты социологического опроса, которые отражают степень удовлетворения информационно-тематических потребностей взрослого населения республики с точки зрения национальной принадлежности. Исследование подтверждает нашу гипотезу о значительном влиянии признака национальности на интересы и духовные потребности телевизионной аудитории.

Ключевые слова: информационная политика, телевизионная аудитория, национальность, рейтинг телевизионных передач, шкала популярности.

Телевизионное вещание в современном мире стало важнейшим средством массовой информации, влияющим на духовное развитие общества, экономический рост, социальную стабильность и развитие институтов гражданского общества. Телевидение, являясь составной частью культуры страны, воздействует на политический и социальный климат региона вещания, в том числе и на сохранение языка, традиций, формирование шкалы материальных ценностей общества. В Якутии с ее многонациональным составом телевидение служит мощным инструментом межнационального общения, диалога культур и религий, стимулируя развитие местных институтов культуры и образования, становясь составной частью муниципальных структур.

Основная цель НВК «Саха» — достижение технологически инновационного уровня телевидения и совершенствование качества информационного пространства, создание своей регулярной аудитории. В структуре образа жизни населения Республики Саха (Якутия) телевидение занимает всё более заметное место, воздействуя на сознание и поведенческие установки личности и этнических общностей. НВК «Саха» заинтересовано в расширении сферы своего влияния и находится ближе других каналов к специфике информационных интересов своего телезрителя. Из-за существующих этнокультурных, психологических, ментальных и иных различий восприятие телеканала с его наполнением имеет свои особенности в этническом разрезе, которые необходимо учитывать в работе по формированию эфирного вещания. В условиях конкуренции федеральных и региональных каналов телевизионного вещания эффективность работы НВК «Саха» будет на-

прямую зависеть от учёта предпочтений потребителей.

Как показывают итоги социологического опроса, республиканскому каналу НВК «Саха» отдали предпочтение телезрители-саха (71,2% против 51,3% в среднем по опрошенному массиву). На втором месте активную этническую аудиторию данного канала составляют представители коренных малочисленных народов Севера РС(Я) — 70,3%. На третьем месте по степени регулярности телесмотрения республиканского канала находятся 28,6% респондентов других национальностей.

При проведении социологического опроса мы брали за основу существующий перечень из 111 телевизионных передач НВК «Саха», имеющих выход в эфир и предназначенных для удовлетворения различных информационно-тематических потребностей разных аудиторий, в том числе с точки зрения национальности.

В принципе, предпочтительность выбора респондентами телепередач почти совпадает с ориентацией на получение информации с целью её дальнейшего использования в своей повседневной жизни, расширения личного кругозора или повышения интеллектуального уровня, а также психологической разгрузки или поднятия физиологического тонуса после напряжённых трудовых будней. Объём постоянной телеаудитории связан с оптимальным сочетанием различных по видам телепрограмм, что отражает значительный диапазон интересов опрошенного населения и характеризует его достаточно высокий образовательный и интеллектуальный уровень и свидетельствует о формировании более требовательного к информационным ресурсам потребителя.

Анализ рейтинга телесмотрения передач НВК «Саха» показал большой разброс мнений и предпочтений респондентов. В первую десятку попали передачи информационного плана, новостные, которые перемежаются с передачами развлекательного и познавательного содержания. Основная проблематика рейтинговых передач — знания о современной жизни, адаптация к рыночным условиям, правовые основы жизнедеятельности (с учётом этнических различий), природа, животный и растительный мир, эстрадные новинки и новые имена на этнической эстраде. Зрителям также интересно

получать ответы из уст представителей власти, смотреть дискуссии на злободневные темы.

Так как этнический фактор оказывает большое влияние на интересы и духовные потребности аудитории телесмотрения НВК «Саха», данные приводятся в этническом аспекте. Пик популярности приходится на информационную программу «Саха Сирэ-Якутия», самой непопулярной признана передача ДТРА «Эврика» (табл. 1). «Аутсайдерами», по мнению респондентов, являются 8 передач НВК «Саха», в том числе «Сибириада», «Ёлки нашего детства»; «Этиллибити ситэрэн» и др.

Таблица 1

Самые популярные общественно-политические передачи НВК «Саха»: этнический срез, %

Названия передач	Респонденты по национальностям				
	Всего	Саха	Русские	КМНС*	Иные
Саха Сирэ-Якутия. Информационная программа	43,1	52,3	27,0	49,1	39,5
Саха Сирэ. Кунтэн кун	27,0	44,7	0,3	31,3	4,7
Якутия. День за днем	22,3	28,2	11,6	31,3	9,3
Сана кун/Новый день	21,9	34,6	1,8	27,7	7,0
Тыа сирэ	15,0	25,2	0,3	16,1	2,3
Диалог с властью	12,1	14,3	7,4	17,0	9,3

* КМНС — коренные малочисленные народы Севера

Шкала популярности передач НВК «Саха» показывает, что среди респондентов-саха, просматривающих в разной степени все передачи канала, рейтинг популярности от 52,3% до 0,4% имеют передачи «Саха Сирэ-Якутия» и «Диалоги: дойти до самой сути». Русские респонденты знакомы в разной степени с 81 передачей НВК «Саха», остальные 29 передач не смотрят вовсе (22 передачи на якутском языке и 7 — на русском, в т.ч. «Клипмейкер», «Бизнес формула», «Вакантное место» и др.). Представители коренных малочисленных народов Севера не смотрят 11 передач НВК «Саха», среди них на языках: якутском — 4 и русском — 7 («Профессионал+», «Простые истины», «Личное мнение» и др.). Самая низкая шкала популярности передач среди иных национальностей: они не смотрят большинство передач республиканского вещания (58 передач).

Для анализа по тематическим направлениям 111 наименований телепередач НВК «Саха» были условно разделены на 5 групп: общеполитические (13), развлекательные (15), познавательные (76), реклама (2) и другие (5 передач).

В тематический блок общественно-политических передач нами отнесены информационные программы, специальные или авторские политические передачи, а также передачи, посвящённые законодательной и муниципальной власти. Данная группа передач, в отличие от других, оказывает влияние на формирование исторического и политического сознания населения, общественного мнения по вопросам внешней и внутренней политики государства.

Популярность данной группы передач обусловлена тем, что зрители осознают реалии современного мира. Мы живём в эпоху глобализации и интеграции, когда благополучие каждого потребителя информации находится в зависимости от тенденций развития внешней среды.

Региональное телевидение является реальной площадкой выражения интересов для различных социальных и этнических групп населения, поэтому НВК «Саха», ежедневно входящее в многоуровневую коммуникацию, является выразителем целого спектра мнений, существующих в обществе и озвучиваемых обще-

ственными лидерами, известными деятелями политики, культуры, науки.

В условиях экономического кризиса и тяжелой социальной деградации для современного общества характерны 2 противоположные тенденции, которые явно прослеживаются среди ТВ-аудитории: гуманистическая и агрессивная. В большинстве своём аудитория республи-

канского телевидения отдаёт предпочтение социдательной, гуманистической направленности передач, демонстрируемых на местном канале. Подтверждение этому – анализ познавательных передач, к которым отнесено абсолютное большинство программ, транслируемых на канале НВК «Саха» (табл. 2).

Таблица 2

Самые популярные познавательные передачи НВК «Саха»: этнический срез, в %

Названия передач	Респонденты по национальностям				
	Всего	Саха	Русские	КМНС	Иные
Охота и рыбалка в Якутии	27,9	33,8	17,2	32,1	27,9
Байанай	26,0	39,3	3,3	36,6	11,6
Харах далыгар. Ток-шоу	20,7	34,8	-	24,1	-
Сардаана	19,1	30,1	0,6	27,7	7,0
Тарбаахаптыын астыахха	17,0	29,1	0,3	14,3	4,7
Киэһэлик	16,9	26,3	0,9	25,0	4,7
Спортивные новости	13,8	19,2	6,5	11,6	9,3
ТВ-спорт	11,9	17,1	4,5	12,5	4,7
Искатели Якутии	11,7	15,2	6,2	11,6	11,6
Геван	10,1	9,4	0,6	44,6	2,3

При многообразной палитре анализируемых передач их объединяет выполнение социально-адаптационной функции, попытка показать образ современного человека разного социального статуса и этнической принадлежности. Популярность познавательных передач подтверждает нашу гипотезу, что среди зрителей НВК «Саха» пользуются спросом передачи, связанные с формированием у аудитории позитивных стереотипов, нравственных установок и представлений.

Анализ телевизионных передач, рассчитанных на определенного зрителя, выявляет противоречие тематического репертуара. С одной

стороны, сетка телевещания отличается большим разнообразием, с другой – однообразием контента.

Отметим, что оценки передач НВК «Саха» бывают порой весьма критичны и отражают палитру взглядов, жизненных ценностей и ориентаций большого круга телезрителей.

Проведенный анализ потребительских предпочтений телезрителей позволяет раскрыть существенное значение этнического фактора при выборе телевизионным каналом НВК «Саха» своей тактики и стратегии, повышения эффективности коммуникативного процесса.

S.M. Baisheva

The audience of the National Broadcasting Company “Sakha”: Peculiarities of TV viewing in an ethnic cut

The article gives the results of a sociological survey which reflect how the information and thematic requirements of the adult population of the republic are met from the point of view of national identity. The research confirms our hypothesis that the national identity exerts considerable influence on the interests and spiritual needs of television audience.

Keywords: information policy, television audience, nationality, rating of television programs, scale of popularity.

О.В. Осипова

Возрастные особенности аудитории средств массовой информации в Республике Саха (Якутия)

Рассматривается проблема влияния возрастных особенностей современной аудитории массовой коммуникации на выбор каналов информирования. Показано, что для различных возрастных групп характерно специфическое информационное потребление.

Ключевые слова: средства массовой информации, аудитория, возрастные группы, телевидение, Интернет.

Изучая состояние российской аудитории СМИ, мы обнаруживаем целый ряд нерешенных научных и прикладных проблем. И, прежде всего, это неопределенность самого традиционного понятия «аудитория», которое сегодня кардинально пересматривается в связи с изменениями технологии коммуникации. Роль аудитории в коммуникационном процессе заметно возрастает. Сейчас она является активным компонентом массовой коммуникации, в связи с чем почти не выходит из числа объектов постоянно обсуждаемых и в научной литературе, и в широкой прессе.

Кроме того в условиях перманентного изменения технологии массовых коммуникаций аудитория также претерпевает значительные изменения, ввиду чего представляет собой довольно большую научную проблему и требует постоянного изучения и выявления ее особенностей. Большой интерес представляет, к примеру, возрастная структура современной аудитории различных СМИ, поскольку на данном этапе развития мы столкнулись с новой для человечества ситуацией, когда опыт информационного потребления старшего поколения принципиально отличается от того, который складывается у молодого поколения.

В этой связи интерес вновь приобретает тезис канадского исследователя М. Маклюэна, выдвинутый им еще в середине прошлого века на основе понимания общества как коммуникации. Он считал, что медиа в обществе и есть сообщение. В первую очередь, он обращал внимание на доминирование в коммуникативном процессе того или иного способа восприятия, на основе чего предполагал, что именно форма коммуникации, а не содержание детерминирует, каким перед человеком предстает мир.

Стремительные изменения в развитии информационных технологий приводят к небы-

валой дифференциации людей разных возрастов в их информационном потреблении, а следовательно и к существенной разнице в восприятии мира. В предлагаемой статье мы бы хотели обратить внимание на проблему возрастной градации информационного потребления в Республике Саха (Якутия) и, в частности, телесмотрения.

Как показало исследование, за последние годы произошло существенное изменение структуры интереса аудитории к тем или иным источникам информации. Если до недавнего времени второе место по популярности занимала пресса, то теперь она уступила свое место Интернету. Однако в настоящее время в России и в Якутии наиболее востребованное средство массовой информации, доступное практически каждому россиянину, — это все-таки телевидение. Тенденции распределения аудитории между различными группами источников информации в Республике Саха (Якутия) показывают существенное преобладание популярности телевидения. Как основной источник информации его рассматривают 69,3% респондентов.

В выборе основных источников информации, и в частности телевидения, следует выделить такие возрастные особенности, как повышение значимости телевизионной информации в старшем возрасте.

Число респондентов, указывающих, что для них основным источником информирования является телевидение, увеличивается пропорционально возрасту. Так, если в возрастной категории 18–19 лет число респондентов, предпочитающих телевидение другим источникам информации, составляет 40%, то к 30–34 годам, оно возрастает до 65 и в возрасте от 45 до 59 достигает пика — 87,6%. Необходимо заметить, что далее в возрастной группе от 60 и

старше наблюдается снижение данного показателя до 81,1%.

Относительно традиционных средств массовой информации, таких, как пресса и радио, следует отметить их существенное отставание от телевидения в возможности привлекать аудиторию. Пресса значительно уступает телевидению в Якутии, в целом ее популярность не превышает 21%. Наименьшую популярность пресса имеет среди возрастных групп от 18 до 24 лет, где этот показатель составляет лишь 6,9%. Таким образом, необходимо отметить очень низкое число молодежи, пользующейся газетами и журналами для получения актуальной информации. Наиболее популярна пресса в возрастной группе от 60 и старше, где показатель популярности составляет 39,4%. В средних же возрастных категориях данный показатель занимает среднюю позицию. И в среднем составляет 19–20%.

Радио имеет еще меньшую популярность как источник информации, в среднем им пользуются лишь 13,1% респондентов. Наименьшую популярность можно отметить в возрастной категории 18–19 лет, здесь она составляет всего лишь 4% от числа опрошенных в данной возрастной категории. Наибольшую популярность радио как источник информации имеет в возрастной категории от 55 и старше, где составляет в среднем четверть от числа опрошенных респондентов в данных возрастных категориях.

Однако стоит отметить, что все-таки главная примета конца XX – начала XXI в. – это ускорение процесса превращения технологий в новые коммуникационные системы. Все большую популярность среди населения приобретает такое средство массовой информации и коммуникации, как Интернет. Сеть Интернет является одним из приоритетных каналов информирования для 33,3% опрошенных. Однако в целом Интернет гораздо более востребован в молодежной среде. Так, в возрастной категории от 18 до 24 лет популярность Интернета составляет в среднем 65%, в старших возрастных категориях – от 55 и старше она не превышает 6–8%. Популярность телевидения, наоборот, растет пропорционально повышению возраста респондента. Таким образом, мы уже сейчас можем наблюдать некий переломный момент, когда люди различных поколений используют в своей повседневной жизни разные информационные источники.

Тем не менее, роль телевидения в жизни современного человека все еще довольно велика и кроме того многофункциональна. Если говорить о наиболее важных мотивах просмотра телевизора, то необходимо отметить, что наиболее популярен мотив информационный (70,2%), т.е. для людей просмотр телевизора – это, прежде всего, способ узнать новости, быть в курсе событий в мире, стране, республике. Кроме того, необходимо отметить, что в старших возрастных категориях телесмотрение все еще связывают с расширением кругозора и повышением культурного уровня, об этом заявили 21,2% респондентов. Идентификационная мотивация, предполагающая просмотр телевизора как способ почувствовать себя частью общества, характерна опять же в основном для старшего поколения, чаще для людей со снижающейся социальной активностью. Молодые же чаще подчеркивали развлекательную составляющую телевидения, в возрастных группах от 18 до 25 лет процент выбора развлекательного мотива составляет 36%, что существенно выше, чем в старших возрастных группах. Как привычное времяпровождение дома респонденты рассматривают просмотр телевизора в 21,1% случаев. Здесь нет четкой возрастной градации. Данный факт, скорее всего, – проявление тенденции превращения телевидения в фон жизни.

На основе этих данных мы хотели продемонстрировать отношение людей разных возрастных категорий к выбору источников информации. Как показало исследование, уже сейчас в различных возрастных категориях наблюдаются особенности информационного потребления, которые невозможно игнорировать. Мы уже не можем говорить о единой и целостной аудитории того или иного средства массовой информации или в целом о единстве информационного поля. Если брать различные возрастные срезы, мы получим принципиально разные информационные пространства, где люди будут ориентироваться на разные источники информации.

Выявляются и различные мотивы обращения к одному и тому же средству массовой информации. В этой связи средства массовой информации не могут рассчитывать на удовлетворение всех запросов и интенций массовой аудитории, поскольку ее собственная структура, даже касаясь возрастных особенностей, будет выдавать различные социальные заказы на информацию. Кроме того следует отметить и обратную сторону процесса, а именно – влияние информаци-

онной среды на отдельных индивидов. Оно также неодинаково, и выбор тех или иных средств массовой коммуникации будет связан и с определенным влиянием на представление о реальности, поскольку средства массовой информации не только отражают действительность, но и интерпретируют, и конструируют ее.

В качестве заключения хотелось бы отметить, что уже сейчас мы можем наблюдать существенные сдвиги в информационных потребностях населения, которые сейчас объединяют людей не в целом как ранее, а лишь как

отдельные структуры по интересам. В будущем эволюция информационных потребностей, скорее всего, будет идти по пути индивидуализации и дифференциации, в результате чего мы сможем наблюдать изменение и структуры средств массовой информации и новые социальные эффекты.

ЛИТЕРАТУРА

Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего / Перевод И.О. Тюриной. — М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005. — 496 с.

O.V. Osipova

Age-related features of mass media audience in the Sakha Republic (Yakutia)

The article considers the problem of how age-related features of contemporary mass media audience influence the choice of information channels. It is shown that different age groups are characterized by a specific consumption of information.

Keywords: mass media, audience, age groups, television, Internet.

УДК 316:654.16(571.56)

Д.М.Винокурова

О радиоаудитории НВК «Саха» в контексте массмедийной реальности

На основе сравнения объема соотношения федеральной и региональной массмедийной реальности выявлена «эпизодичность» последней на примере социологических данных радиоаудитории НВК «Саха».

Ключевые слова: массмедийная система, функции массмедиа, федеральные и региональные радиостанции, радиоаудитория НВК «Саха», массмедийная реальность.

Вместо введения обозначим современный социологический взгляд на массмедиа, который служит основой для данного анализа. Какую функцию выполняет сегодня массмедиа? Если представить массмедиа как единую систему, которая может распознавать и компенсировать противоречия, то значит, она порождает реальность, т.е. массмедиа гарантирует всем функциональным системам *настоящее*, приемлемое для всего общества. «Несмотря на различие языковых систем, понимаемых лингвистически, массовая информация обладает принципиальным единством смысла и направленностью содержания» [Рождественский, с. 47].

По мнению специалистов, такая идея вытекает из того факта, что обнародованная (оз-

вученная, опубликованная) информация постоянно трансформируется в неинформацию. Как было выявлено, реально СМИ используется только 10% новостной информации, поступающей от репортеров, телеграфных агентств и т.п. В коллективном гейткипинге при выборе информации учитываются, помимо всего прочего, также вопросы ее стоимости [Чамкин, с. 117–118]. Массмедийная система лишь может выбрать между информационно-значимым и неинформативным.

Кроме того, если учитывать место локализации, то по утверждению Кастельса М., «глобальный город — это не место, а процесс», обеспечивающий протекание потоков информации [Уэбстер, с. 143]. Хотя Кастельс М. имеет в виду «узловые точки» в сетевом обществе,

однако данное утверждение подтверждает, насколько интенсивность потока информации может определять/менять статус населенного пункта, в данном случае — региона.

Вопреки распространенному мнению, что массмедиа должна выполнять функции просвещения, социализации или привития нормативного конформизма, по мнению специалистов, ее функция состоит в непрерывном порождении и переработке раздражений. При этом функция массмедиа состоит в удовлетворении ориентированной потребности и не допускает ни когнитивной, ни нормативной специализации. Сегодня мы наблюдаем, что любой канал СМИ сегментирует целевую аудиторию в соответствии с ее предполагаемыми ожиданиями. Одни целенаправленно изучают эти потребности, другие находят свой сегмент методом «проб и ошибок». Функции же просвещения, социализации можно рассматривать в таком случае как побочный эффект от деятельности СМИ. К примеру, А.А. Леонтьев [с. 288–290] выявил пять факторов, осложняющих их воздействие на массовую аудиторию.

Для наглядности анализа массмедийную информацию можно разделить на три вида: новости/репортажи, реклама, развлечения. Каждый из этих видов имеет свои темы-объекты; к примеру, здесь могут быть такие темы, как проблемы права, обучающие, здоровья и т.п.

Для выявления различий в подаче информации в местных и федеральных СМИ рассмотрим — новости/репортажи. Итак, если мы говорим, что массмедиа порождает реальность, т.е. массмедиа гарантирует всем функциональным системам *настоящее*, то такое настоящее применительно к территории можно различить по следующим уровням: мировой/западный; общероссийский/другие регионы; республиканский/муниципальный. Причем, последний можно дифференцировать как: местный (то, что относится к конкретному муниципальному образованию) / местный (то, что относится к другим муниципальным образованиям) и общерегиональный (республиканский).

Как было отмечено выше, если функции массмедиа рассматривать как непрерывное порождение и переработку раздражений, моделирующих настоящее, то в анализ можно ввести фактор «времени». В контексте сказанного можно сравнить время «конструирования настоящего» федеральными и местными каналами вещания, в таком случае вторые будут вос-

приниматься как «вкрапления» в массмедийном настоящем.

Как же конструируется эта массмедийная реальность, непрерывно порождая и перерабатывая раздражения? Исследователи выявили одиннадцать критериев отбора информации для новостей/репортажей: а) актуальность и событийность; б) драма и конфликт; в) негативность, поскольку плохие новости обычно содержат драму и конфликт; г) интерес к индивиду (персоне); д) фотогеничность; е) простые сюжетные линии; ж) тематическая злободневность (принадлежность к структуре текущих новостей); з) массмедийный каннибализм (жестокость, коварство, зверство); и) эксклюзивность; к) социальное положение источника информации; л) локальные интересы.

По-видимому, муниципальные и региональные каналы СМИ не всегда могут использовать эти критерии отбора в силу специфики степени дистанцированности от источников информации, ограниченности ресурсов, малочисленности аудитории и т.п. Тогда как федеральные каналы, превосходя их в разы по перечисленным показателям, обладают большей свободой выбора источника информации.

К тому же федеральные каналы, имея темпоральное преимущество вещания перед местными СМИ, воспроизводят относительно динамичную, насыщенную, полнокровную реальность. На их фоне региональные СМИ, занимая в общем полотне такой реальности эпизодическое место, создают впечатление статичности, неполноценности, отсталости и т.п. По-видимому, такое обстоятельство не в последнюю очередь создает эффект провинциальности регионов в негативном значении.

Таким образом, на уровне самого региона местные каналы СМИ имеют вторичное значение в воспроизводстве массмедийной реальности в глазах местной аудитории по сравнению с федеральными. Подобное положение усугубляется и организационными моментами местных каналов СМИ.

В качестве примера приведем данные о радиоаудитории НВК «Саха». С одной стороны, следует отметить, что, по-видимому, подготовке дикторов радио уделяется сегодня недостаточное внимание. Так, туда попадают дикторы с недостаточно четкой дикцией, во время устного воспроизведения текста допускаются ими орфоэпические, стилистические и иные ошибки, что также снижает уровень восприятия информации.

В конечном итоге, организация способов и методов подачи материала, в том числе обеспеченность материально-техническими ресурсами радио, в местных новостных лентах воспро-

изводит такую же иерархию, что и эпизодическая роль местных СМИ в общем полотно *настоящего*. Очевидно, такая иерархия отражена в данных, приведенных на рис. 1.

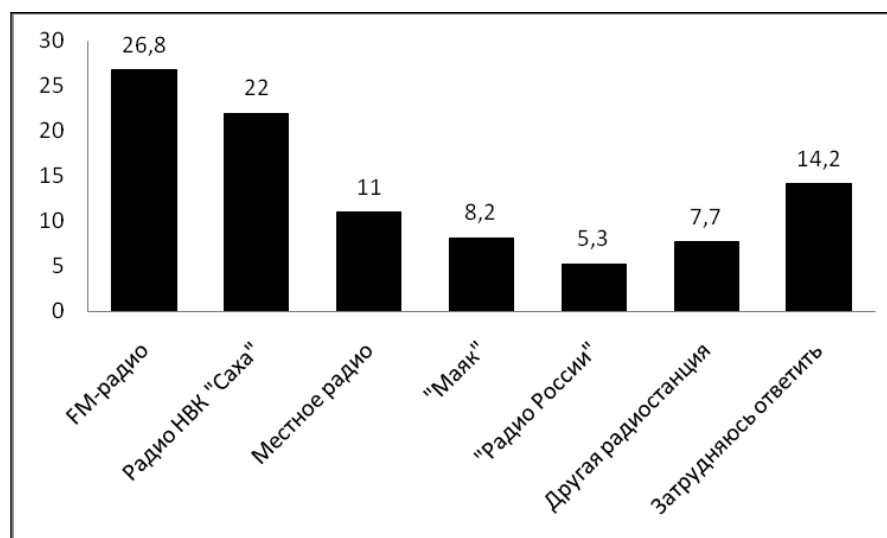

Рис.1. Распределение респондентов по предпочитаемым радиостанциям, %

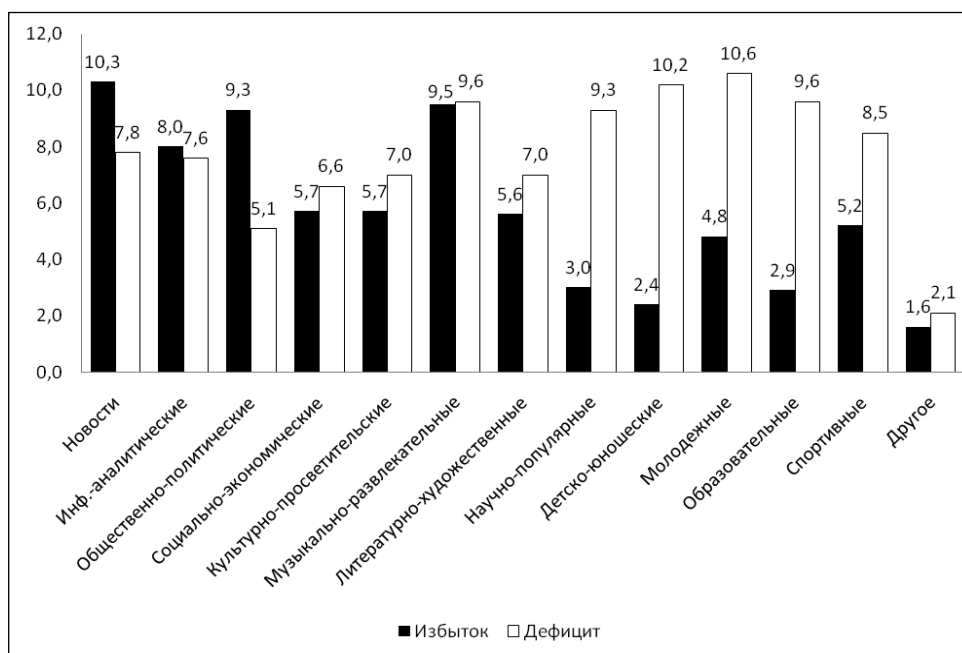

Рис.2. Оценка респондентами «избыточности» и «дефицита» тематических направлений радиопередач НВК «Саха», %

Из приведенных данных следует, что если суммировать ответы предпочитающих слушать разные радиоканалы, то каждый второй (51,3%) респондент выбрал федеральный канал. Выбрали радио НВК «Саха» (22,0%), в котором наиболее востребованы новостные региональ-

ные передачи, прогноз погоды, как признавались при устном разговоре респонденты в населенных пунктах при проведении опроса.

Из сказанного следует, что местные массмедиа в недостаточной степени удовлетворяют важные для местного сообщества ожидания

массмедийной реальности, как делают это федеральные СМИ, обладая достаточными временными и иными ресурсами (рис. 2). Оценка респондентов показывает, что в большей степени не удовлетворена их потребность в детско-юношеских, научно-популярных, образовательных, молодежных, спортивных и других передачах.

Какая аудитория не может удовлетворить потребность в детско-юношеских программах? Так, по признаку пола респондентов-женщин (12,1%), мужчин (7,9%); по возрасту: 18–19-летние (15,6%); 50–54-летние (14,2%); 35–39-летние (11,8%); 25–29-летние (10,2%). Значит, сами молодые так же, как молодые родители и более старшее поколение считает, что таких передач недостаточно. Опрошенные ощущают нехватку научно-популярных, образовательных и иных программ.

Иными словами, местные СМИ порождают лишь часть массмедийной реальности, т.е. они конструируют недостаточно полноценное *настоящее*, приемлемое для местного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

Леонтьев А.А. Психология общения. — М.: Смысл, 1999. — С. 288–290.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. — М.: Добросвет, 1997. — С. 477.

Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова и Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Вартановой. — М.: Аспект Пресс, 2004. — С. 143.

Чамкин А.С. Системно-социологический взгляд на коммуникационную деятельность: структура процесса и барьеры // Системная психология и социология. — 2011. — № 3. — С. 117–118.

D.M. Vinokurova

About the radio audience of the National Broadcasting Company «Sakha» in the context of mass media reality

Having compared the size of correlation between the federal and the regional mass media reality, the article identifies that the latter is “episodic” exemplifying this with the help of the sociological data of the radio audience of the National Broadcasting Company “Sakha”.

Keywords: mass media reality, functions of mass media, federal and regional radio stations, radio audience of the National Broadcasting Company “Sakha”, mass media reality.

УДК 316.654:(571.56)

Т.С. Ермолаев

Филиалы НБК «Саха»: состояние и перспективы развития

В статье на основе материалов формализованного интервью обобщается уникальный опыт развития районных филиалов, которые являются одним из главных элементов формирования единого информационного пространства в условиях перехода на цифровое вещание..

Ключевые слова: филиал, проблемы, контент, интеграция, взаимодействие.

Статья построена на обобщении материалов интервью с директорами восьми филиалов НБК «Саха». Хотя в эту цифру вошла всего лишь четвертая часть филиалов НБК, но, тем не менее, географическая и производственная специфика районов представлена в репрезентативном объеме. Цель интервью заключалась в выяснении позиции самих руководителей по основным проблемам функционирования фи-

лиалов и перспективам их развития. Интервью носило формализованный характер, проводилось по единой схеме, что облегчило интерпретацию полевого материала. Вкратце излагаю основные результаты исследования.

Численность персонала филиалов. С 2009 г. на фоне глобального экономического кризиса происходит оптимизация структуры НБК. В филиалах проведено радикальное сокращение

штатов, в результате чего подразделения вынуждены сегодня содержать часть работников за свой счет либо на договорных условиях. Сокращение кадров шло по принципу соответствия штата филиала численности населения района, вследствие чего от данной процедуры пострадали, прежде всего, малонаселенные северные районы. Все работники исследованных филиалов имеют хоть и не специальное, но высшее образование. Следует также отметить, что «глаза и уши» телевидения (т.е. операторы) обладают редким на сегодняшний день профессиональным образованием и солидным стажем работы, что позитивно отражается на качестве телепродукции.

Хотя вопрос об уровне заработной платы не позиционировался в схеме интервью, руководители филиалов акцентировали внимание именно на данной проблеме, справедливо увязывая ее и с кадровым вопросом, и с качеством подготовки передач, и с перспективами дальнейшей работы. Наиболее остро проблема низкого уровня заработной платы сотрудников филиалов стоит в промышленных районах. Это вполне объяснимо с точки зрения среднемесячной заработной платы, скажем, в Мирнинском районе — на фоне 40–45 тыс. руб. в среднем по району месячный доход штатного сотрудника филиала НВК выглядит весьма скромно. Непонятно, но факт: после официально объявленного руководством компании повышения заработной платы в 2011 г., работники филиалов, не только не ощутили, пусть и небольшого увеличения денежной массы в своих кошельках, наоборот, фактически не досчитались прежней месячной зарплаты, произошло снижение окладов.

Сетка вещания. Формирование сетки вещания — ключевой процесс, от которого зависит величина телевизионной аудитории. Большинство филиалов производят только выпуски новостей, некоторые пытаются готовить тематические, развлекательные передачи, но при этом основной упор делают, прежде всего, на информационные программы. Это закономерно, так как самым экономически эффективным путем для привлечения обширной аудитории является эксплуатация высокого интереса населения к местной событийной информации. Объем сетки вещания зависит от технической поддержки местного вещания со стороны ГУП ТЦТР. В некоторых местах отсутствуют радиорелейные линии для охвата всего района местными передачами. Безусловно, филиалы имеют тайное и вполне понятное желание увеличить объем ве-

щания, но оно безнадежно упирается в суровую реальность ограниченных технических, финансовых и кадровых возможностей.

Языковой контент. В данном случае почти все зависит от этнической принадлежности местной телеаудитории. Хотя есть филиалы, где проводится более гибкая языковая политика в эфире. Билингвизм в разумных пропорциях, учитывающий целевую аудиторию и поддерживающий рейтинговый показатель местных передач, — вот наиболее эффективный путь языкового контента местного телевидения. В качестве примера нестандартного решения проблем языкового контента СМИ можно привести следующий факт. В одном из промышленных районов республики выпускается частная газета, пользующаяся растущим интересом населения. Одной из опций издания является наличие вкладки на якутском языке, которая значительно расширяет аудиторию. При этом русскоязычная часть населения с пониманием и одобрением относится к данной инициативе. Здесь возникает вполне закономерный вопрос, возможен ли выпуск специальных передач культурно-образовательного профиля для жителей промышленных районов с целью просвещения и возбуждения интереса в познании территории проживания. Весьма актуально предложение — снабжение синхронным переводом или субтитрами передач на якутском языке, транслируемых НВК «Саха» на промышленные районы.

Сотрудничество с другими филиалами. Регулярное системное сотрудничество филиалов почти отсутствует. Есть примеры фрагментарного взаимодействия на фоне хороших личных связей, когда происходит редкий обмен материалами и консультациями. Наиболее тесно пытаются сотрудничать пограничные между собой территории и наиболее опытные руководители филиалов, наработавшие немалый стаж в местном вещании и наладившие профессиональные контакты со своими коллегами. Тесная интеграция филиалов с возможностью прямого выхода на общереспубликанскую аудиторию могла бы стимулировать повышение творческого уровня региональных программ и ответственности за качество передач, укрепило бы авторитет филиалов и создало возможности для формирования единого информационного пространства региона.

Учет мнения населения в составлении тематики передач. Мнение населения учитывается регулярно — это основа работы всех филиалов. Специфика местного вещания в том и состоит,

что оно находится почти в «шаговой близости» к телезрителю, что создает особую атмосферу общения. Общеизвестно, что СМИ являются подчас последней инстанцией, куда обращаются люди после долгих и безрезультатных скитаний в чиновничье-бюрократических лабиринтах.

Помощь головного учреждения. На основании материалов интервью можно сделать вывод о недостаточности системной работы НВК «Саха» с филиалами. Техническое оснащение — «ахиллесова пята» почти всех филиалов. Оборудование морально и физически устарело, большая его часть перекочевала из ранее созданных местных телестудий. Отсутствует фирменная атрибутика (спецодежда и др. аксессуары, позиционирующие и рекламирующие телеканал). Некоторым наиболее «пробивным» и опытным руководителям филиалов удается договариваться по «бартеру» с хозяйствующими субъектами районов: в обмен на рекламно-имиджевую продукцию передается в оперативное управление та или иная оргтехника. Негативно отражается на оперативности работы отсутствие транспорта и невозможность его аренды.

Комплектование кадрами — головная боль руководителя любого филиала. В телевидении профессиональный опыт бесценен. У филиалов нет возможности выбрать и пригласить качественных специалистов по следующим причинам: а) нет уверенности, что ставки будут сохранены; б) низкая заработная плата. Вот характерное мнение одного из руководителей филиалов: «Кадровый вопрос у нас стоит крайне остро. Мне кажется, что один сотрудник работает за двоих, троих. Он одновременно и оператор, и монтажер, и ведущий эфира». Универсальности не избежать в силу ограниченных людских ресурсов. Более того, это надо всячески приветствовать, однако не доводить дело до абсурда.

За последние два года для работников филиалов, по словам одного из самых опытных руководителей, не было ни одного обучающего или кустового семинара. На региональных телеканалах отсутствует система обучения кадров в «мастер-классах», проводимых ведущими телевизионными журналистами; не существует регулярной практики повышения квалификации журналистов на центральных каналах.

Планы развития филиалов. В контексте вышеизложенного это вопрос весьма сложный. Главная задача, по мнению руководителей районных подразделений НВК, — сохранить хотя бы то, что есть. У сотрудников обследованных филиалов наблюдается растущее чувство неуве-

ренности. Создаётся впечатление, что в ближайшем времени филиалы будут реорганизовывать в корреспондентские пункты, что приведет к очередному сокращению штатов. Что касается конкретных планов развития филиалов, то они вращаются, со слов руководителей, вокруг решения текущих вопросов: ремонт помещений, подготовка новых тематических передач, приобретение оборудования и т.д.

Предложения по улучшению работы филиалов. Из предложений, изложенных руководителями, позволю привести лишь два, которые в концентрированном виде отражают чаяния филиалов:

1. «Хотелось бы, чтобы связь филиала с головным учреждением перестала носить односторонний характер и со стороны компании поступали не только запросы на продукцию, но и конкретная финансовая, техническая, кадровая и юридическая помощь».

2. «На республиканском уровне должна быть разработана Программа развития телевидения на определённый период. В разделе «материально-техническое обеспечение» необходимо запланировать плановое поочерёдное снабжение филиалов мини-студиями. Материально-техническое обеспечение должно быть комплексным, и комплектование студий надо начать с северных (арктических) улусов, которым особенно тяжело в вопросах обеспечения кадрами, финансирования и материально-технической базы».

В завершение хотелось бы поразмыслить о перспективах. В ближайшем будущем состоится переход к системе цифрового вещания. Возникает судьбоносный для филиалов вопрос; каким образом это будет происходить. Смогут ли они выжить как вполне самостоятельные игроки на цифровом поле, будут ли иметь свое, пусть даже крохотное «окошко» в цифровом контенте? Между кем и чем предстоит лавировать местным студиям, чтобы обрести «цифровое дыхание»? Возможно, в ряде городов и районов местное телевидение просто исчезнет. А отсутствие самобытных телестудий может повлечь за собой постепенное стирание уникальности самосознания людей, живущих в одной республике, в одном районе. Хочется надеяться, что благодаря продуманным действиям людей, от которых зависит судьба регионального телевидения, у нас останется несколько региональных телепроектов с яркими брендами и собственной редакционной политикой, сформированной с учетом местной специфики. Уникальный опыт разви-

тия районных филиалов является одним из главных элементов формирования единого информационного пространства, приоритетной целью которого является консолидация регионального самосознания. Именно в этом, на мой взгляд, и заключается главная миссия

НБК Саха как социального института регионального сообщества. И одним из основных управленческих принципов деятельности НБК должен стать принцип «Сильные филиалы – сильная компания».

T.S.Ermolaev

Branch offices of the National Broadcasting Company “Sakha”: current state and development prospects

Based on the materials of a formalized interview the article summarizes a unique experience of the development of regional branches which act as one of the main elements of creating a single informational space during transition to digital broadcasting.

Keywords: branch, problems, content, integration, interaction.

УДК 1:37.0(571.56)

П.З. Тобуков

О проблемах образования в Республике Саха (Якутия): философские размышления

Раскрывается значение образования в разные исторические эпохи. В начале XXI в. на передовую позицию вышли технические знания, в то же время гуманитарное образование отошло на второй план, что связано с интенсивным развитием промышленного производства. Показана необходимость проведения мониторинга с целью выявления потребностей республики в кадрах гуманитарного и технического профиля.

Ключевые слова: образовательный процесс, интеллект, образовательный потенциал, гуманитарное образование, техническое знание, потребности, индустриальное развитие, реформы, мониторинг, ЕГЭ.

В самых общих чертах образование есть получение знания, а целью последнего является достижение истины познающим субъектом. Образование с древнейших времен и по сей день было и остается важнейшим средством интеллектуального развития обществ. Как учить, чему учить – всегда были актуальными вопросами. Мыслители древности уделяли серьезное внимание проблеме образования. Так, древнегреческий философ и математик Фалес (625–547 гг. до н.э.) говорил: «...блаженство ума – в знании» [Энциклопедия афоризмов. Античность. 1999, с. 24]. Знание самого себя считалось самым трудным делом, и потому он сказал: «Самое трудное – познать самого себя» [Там же, 26]. А Гераклит Эфесский (ок. 554–483 гг. до н.э.) отметил, что «мышление – великое достоинство...» [Там же, 52], «ум – бог каждого» [Там же, 53]. Интересное замечание: «Многознатьство уму не научит» [Там же, 52]. Эту же идею продолжил Эсхил (ок. 525–456 гг.

до н.э.): «Мудр не тот, кто знает много, а тот, чьи знания полезны»; «Мудр тот, кто знает не многое, а нужное» [Там же, 65]. О знании Сократ (470/469–399 гг. до н.э.): «Есть только одно благо – знание и только одно зло – невежество» [Там же, 92]; «Я знаю только то, что я ничего не знаю» [Там же, 97]. Образование воспитывает и об этом говорил Платон – один из выдающихся греческих мыслителей (428 или 427–348 или 347 гг. до н.э.): «Воспитание и наставление начинаются с самых первых лет существования и продолжаются до конца жизни» [Там же, 143]. А его ученик философ и ученый Аристотель продолжил учителя: «Воспитание нуждается в трех вещах: в даровании, науке, упражнении»; «Всего приятнее для нас те слова, которые дают нам какое-нибудь знание» [Там же, 163]. Еще: «Между человеком образованным и необразованным такая же разница, как между живым и мертвым» [Там же, 169]. Одна из главных идей это-

го философа: «Познание начинается с удивления» [Там же, 175].

А что говорили на Востоке мудрецы? Например, китайские. Конфуций (ок. 551–479 гг. до н.э.) писал: «Путь размышления — это самый благородный» [Там же, 728]; «Учение без размышления бесполезно» [Там же, 735]; «Учитесь так, словно вы постоянно ощущаете нехватку своих знаний, и так, словно вы постоянно боитесь растерять свои знания» [Там же, 736]. Сюнь-цзы (ок. 313–238 гг. до н.э.): «В учении нельзя останавливаться» [Там же, 751], еще: «Цель учения — достичь наибольшего удовлетворения в получении знаний» [Там же, 756].

В «Ветхом Завете» (VIII — I вв. до н.э.) устами Соломона сказано о главном результате образования так: «Главное — мудрость: приобретай мудрость и всем именем приобретай разум. Высоко цени ее, и она возвысит тебя» [Там же, 788]; «Приложи сердце твое к учению и уши твои к умным словам» [Там же, 800].

В новое время, названное эпохой научной революции, Ф.Бэконом (1561–1626 гг.) изречен знаменитый афоризм: «Знание есть сила, сила есть знание» [Энцикл. афоризмов, Средние века... 1999, с. 335]; «Чтение — это беседа с мудрецами» [Там же, 347]. Чешский мыслитель, педагог Ян Амос Коменский (1592–1670 гг.) писал: «Книги — это инструмент насаждения мудрости» [Там же, 371]; «Образование должно быть истинным, полным, ясным и прочным» [Там же, 372]; «Противоядием невежества является образование» [Там же, 373]. Золотые слова: «Совершенно неразумен тот, кто считает необходимым учить детей не в той мере, в какой они могут усваивать, а в какой только сам он желает» [Там же, 373].

Таковы приведенные мною разрозненные мысли выдающихся наших предков об образовании, результатом чего является знание, как основа мудрости.

В древние времена, а возможно в первобытные, образование наравне с охотой, собирательством, рыболовством было одним из видов деятельности человека. В становлении человеческих подвидов, как полагаю, оно сыграло немалую роль, поскольку оно социализировало эти подвиды — австралопитеков, неандертальцев, кроманьонцев и т.д.

К примеру, укажу на наскальные рисунки. Кстати, неизвестно, какой человеческий подвид их рисовал. Что означали наскальные рисунки? Они — определенный, идеализированный образ животных, находящихся к тому же

в динамике. Люди и тогда, видимо, подмечали красоту тела в движении. В чем цель рисунков? В том, чтобы, с одной стороны, показать, что в данной местности есть либо опасные хищники, либо животные, на которых можно охотиться. Рисунки — это своеобразные сигналы, знаки, символы, по сути являющиеся самыми первыми письменами, оставленными потомкам. Значительно позже появятся рунические письмены, они уже связаны с формированием более высокой ступени развития общественного производства, прежде всего ремесла. Думается, для фиксации образа зверей и их движения, естественно, необходим был навык, который передается, закрепляется. Наши далекие предки учились самостоятельно и многократно повторять увиденное на каменных скалах.

Иногда говорят о том, что эти рисунки имеют ритуальное значение, особенно перед охотой. С этим можно согласиться, но с оговоркой. Дело в том, что охотникам необходимо было потренироваться в ловкости, меткости, силе, точном расчете расстояния и т.д. Для этого надо рисовать зверей, на которых собирались охотиться, на уровне глаз, а не на большой высоте. На самом деле, наскальные рисунки находят на такой высоте, куда не попадет даже маленький камушек, брошенный сильным и ловким охотником.

С другой стороны, видимо, не каждому дан талант художника, умеющего подмечать самые характерные черты животных, притом находящихся в движении. Среди первобытных людей образовалась какая-то особая когорта или группа, исключительно занятая только этим ремеслом. Данное занятие имело цель — найти местность, где паслись крупные стада животных или часто встречались опасные для человека хищники, а затем фиксировать на камне, на большой высоте. Одному, естественно, подниматься на такую высоту не под силу — нужны помощники. Эти люди, накапливая большой художественно-творческий опыт, передавали его следующему поколению. Возможно, поколение училось творчеству посредством подражания и натаскивания («делай как я»). Думается, это первый опыт образования, способствующий развитию художественных навыков.

У первобытных людей легкой жизни не было. Жизнь диктовала жесткий алгоритм выживания: коллектив — его жизнедеятельность (охота, собирательство, рыболовство, обработка шкур убитых зверей, сохранение огня) — на-

копление житейского индивидуального и коллективного опыта посредством подражания — первичной формы образования.

С переходом к другим формам производства, соответственно, на другую ступень социализации человека названный алгоритм несколько видоизменился. В частности, усложнились многие виды производственной деятельности, социальная инфраструктура и т.д. Все это требовало применения не столько производственных навыков, сколько их углубления, расширения познавательных потенциалов. Последние получили сильный толчок в эпохи античного Запада и Востока, Возрождения, Просвещения, научных революций. Весь XX в. — это уже время роста научно-технических знаний. А с конца XX — начала XXI в. наблюдается снижение роли гуманитарных знаний, поскольку они, мол, «выполнили» свою познавательную, социальную функцию. Так дело представляют не только в цивилизованных странах Запада и Востока, но и в России, в том числе и в Якутии. Миссия этих наук считается оконченной, так как они не выступают в роли непосредственной производительной силы общества, хотя признается, что опосредственно способствуют ее развитию в современном обществе.

Сегодня в нашей республике у части учащейся молодежи наблюдается факт отчуждения гуманитарного знания. Не могу характеризовать сей факт по-иному. У нее нет интереса к истории, литературе, этике и т.д. В этом смысле у нее не очень высок образовательный потенциал. Исследуют ли коэффициент интеллекта (IQ), формируемый гуманитарным образованием, — психологи не занимаются исследованием IQ молодежи, в основном учащихся школ (выпускных классов) и ССУЗов и ВУЗов (первокурсников). Мною проведен опрос среди студентов-первокурсников Педагогического института и третьекурсников Института языка, культуры народов Северо-Востока РФ при Северо-Восточном федеральном университете им. М.К. Аммосова. Всего охвачено опросом — 184 студента (11 групп). Вопросы сформулированы из программы средних школ. Они очень простые, например, кто такие Троекуров, Беликов, с кем на балу танцевала Наташа Ростова. Какое событие в России 1917 г. потрясло мир, что такое ГОЭЛРО и т.д. Более четкий ответ дали единицы из 184 студентов (18,2%). Много?

Вопрос: почему такое слабое знание гуманитарных дисциплин, в частности литературы и истории? Прежде всего, у будущих гумани-

тариев не формировалась потребность в знании этих предметов. У них не пробудилось любопытство. А что тогда знают? К чему тяга? Таких вопросов — много. Для ответа на подобные вопросы необходим мониторинг, чего, к сожалению, сегодня нет. Он дал бы реальную картину образовательного уровня молодежи (учащейся) Якутии и образовательного процесса. Узнали бы происходящее — снижение потребности учиться или нечто другое. Думаю, что, если идет процесс снижения, то он по-настоящему зависит от множества факторов и условий, о которых надо говорить детально и в исторической ретроспективе. Проблема сия требует отдельного рассмотрения.

Наверное, отчасти эти условия и факторы известны всем, кто интересуется проблемой гуманитарного образования. Итак, факт первый, способствующий снижению потребности учиться: это развитие индустриального производства. Оно значительно снизило интерес к чтению классических художественных произведений отечественных и зарубежных авторов. Кстати, подобное явление наблюдаем и в сфере музыки — на передний план вышла ритмическая музыка типа рок, поп и т.д. Эта музыка не вызывает никакой интеллектуальной напряженности, никакой ностальгии, ассоциаций.

Далее, сегодня значительной стала потребность в чтении легких жанров, не вызывающих серьезных игр чувств и разума. Боевики стали заменять классику. В настоящее время они нашли свое место в компьютерных играх. Начался как бы переход от смысла к бессмыслице, от супернатурализма к эрзацреальности. Вот почему классика прошлых эпох ушла на вторую позицию. Она фактически забыта, и интеллект учащихся формируется эрзацпродукцией.

Такие метаморфозы в познавательном процессе имеют две взаимоисключающие тенденции: позитивную и негативную. На них следует обратить внимание, они должны быть учтены в деле образования.

Современная быстротекущая жизнь, так или иначе, вызывает за собой рост и развитие конкретных видов знания, дающих эмпирические результаты, применяемые в производстве, особенно в индустриальном. Закономерность такой связи конкретных научных знаний и технизированных форм производства наблюдается во всех индустриально развитых странах мира. Особенно важно подчеркнуть, что там детей с раннего возраста умеют заинтересовать сложной электронно-вычислительной техникой.

Дети буквально растут в органическом единстве с электроникой. Чем сложнее техника, тем интерес глубже и разносторонней. Дело только в том, чтобы уметь управлять этим взаимодействием. Энгельс был прав, когда говорил о том, что одна техническая потребность может заменить десятки университетов*. Это в том смысле, что потребности в познании, интересы, любопытство могут стать движущей силой развития интеллекта ребенка. В свою очередь интеллектом обусловлено развитие познавательной потребности.

Нынче значительная часть учащейся молодежи «игнорирует» классику — в целом ориентирована на легкое чтение. Оснований довольно много. Сегодня в школах количество предметов растет, сюда надо добавить всевозможные факультативы, кружки (не всегда по выбору, иной раз учащиеся привлекаются принудительно). Учащийся находится между двумя необходимостями: фактически у него отсутствует свобода выбора предметов, над его головой висит дамоклов меч — долженствование и только долженствование. Школа, над которой стоят министерства, ведомства и прочие организации занимает положение буфера. Министерство образования требует, школа обязана выполнять, ученики должны выучить уроки. В это время перманентные реформы еще больше усложняют положение школ, учителей и учащихся. В школе введено много предметов.

Многопредметность, наоборот, вредит и тормозит развитие способностей учащихся. Она же — есть один из факторов негативного отношения учащихся к чтению и учебе. В этой связи следует сказать, что некоторые гуманитарные дисциплины можно вовсе убрать из учебных программ. По своему опыту знаю, как у меня отбивали охоту учиться языкам. До сих пор считаю обучение грамматике (синтаксису, фонетике, морфологии) чрезмерно усложненным: нужно учить этим премудростям тех, кто в дальнейшем хочет специализироваться по грамматике. А будущим представителям точных и естественных наук такой метод обучения языкам ни к чему — зряшная трата интеллектуальной энергии учащихся.

Разумеется, это не означает полного отчуждения от гуманитарных дисциплин, которые в сумме составляют основу жизненно важного и научно ориентированного мировоззрения. Речь

идет только о формировании способа экономной передачи сути преподаваемого предмета. Метод преподавания, как полагаю, должен быть адекватным, во-первых, изучаемому предмету и, во-вторых, соответствовать возрасту, психическому складу учащихся, если угодно, еще половой принадлежности.

В школах республики должен быть проведен мониторинг по усвоению основ гуманитарных и отдельно — естественных наук. Идет какой-то стихийный процесс внедрения в сознание учащихся этих двух разных, взаимоисключающих комплексов дисциплин. Мне представляется, что и школа может следовать принципу: идти в ногу со временем. А время такое, что современная жизнь коренным образом связана с развитием самой передовой техники и технологии. Поэтому школе придется держать курс на индустриальное производство, основанное на применении лучших образцов техники. Вообще-то и школа обязана пропагандировать достижения прикладных наук. Необходимость такова, что профориентационная работа в школах должна вестись с учетом потребностей развития индустриального производства, промышленного освоения региона и не только.

Нынче, действительно, во всем мире на первое место ставят прикладные исследования, связанные с необходимостью развития и внедрения в производство новой техники и технологии. Будущее связано с наукоемкой технологией. А потому роль фундаментальных исследований оказалась соподчиненной прикладным. Что же касается гуманитарных, то тут уже бум проходит. Разве только прежние позиции занимают философия (в частности, философская антропология, социальная философия), логика, социология, психология и политология. В целом можно сказать, что гуманитарное образование, продолжая выполнять свою историко-методологическую, социально-культурологическую функцию, отошло на вторую позицию, уступив место другому образованию, обусловленному потребностями сегодняшнего развития. Вот поэтому должен быть проведен этот мониторинг по двум линиям — гуманитарной и естественно-научной.

Школы так же, как и вузы, могут, начиная с подросткового возраста (психологи знают), ориентировать учащихся на получение той или

* Подроб. см. Ф.Энгельс. Диалектика природы. — М.: Политиздат, 1987.

иной специальности. Все это требует изменения «в методах обучения (активные, интерактивные, лабораторные, опытно-экспериментальные)», «введения предпрофильной подготовки» [Методологич. сопровождение..., с. 303], очень важное место, как отмечено З.Н. Платоновой, в образовательном процессе в школе занимает «проектно-исследовательская деятельность» [Там же, 306].

Получение знания через информационные каналы отличается от других способов. Оно — скоростное. Современной молодежи, ее характеру как раз такая форма получения и подачи информации более соответствует, более импонирует, чем вербальная форма передачи и получения знания. Но это чревато, так как за быстротой не успевает процесс усвоения. Мне представляется, что, несмотря на огромное количество нейроцитов (100 млрд.) [Мозг на 100%..., с. 30], человек, тем более молодой, поэтому неопытный, мыслит, обобщает намного медленнее, чем компьютер, «мышление» которого проще, схематичнее. Последнее фактически оказало прямое влияние на тип мышления учащихся — схематичное, без аргументаций, без логической последовательности. Как раз этим удобен ЕГЭ — государственный тип «угадайки».

В школьном образовании часто проводятся реформы, которые можно назвать экспериментами над учащимися и учителями. Некоторые из них дали весьма положительные результаты, одним из которых является раннее окончание средних школ и поступление в ВУЗы негуманитарного профиля. Например, выпускники экспериментальной школы А. Алексеевой в г. Якутске и физико-математического колледжа им. М.А. Алексеева в Верхневилуйском районе. Это заслуга учителей, поскольку они занимаются отбором, более талантливых детей, имеющих склонность к конкретным (частным) наукам. Почему же нельзя открывать школы с гуманитарным уклоном? Можно. Результат будет, но. Но найдут ли выпускники этих школ после окончания вузов подобного профиля рабочее место, когда потребность в них в регионе удовлетворена, — сомнительно. Сегодня найдут, а завтра?

А нынче, чего скрывать правду, в гуманитарные институты СВФУ им. М.К. Аммосова многие абитуриенты поступают по остаточному принципу. Насчет других гуманитарных вузов региона не могу сказать определенно. Видимо, картина аналогичная. Кто в основном

из выпускников вузов не находит вакантного места — те же гуманитарии.

Нынче важен практический, зримый результат, чего нет в гуманитарном образовании, тем более в нем важен лишь вопрос, а не ответ, как мне представляется. Современному молодому человеку, чей слух насыщен информацией о всевозможных технических чудесах и удивительных открытиях, более интересен технический уровень образования. У него пробуждается интерес, любопытство и в последующем ему будет интересно учиться и обязательно будут успехи и, соответственно, место в жизни.

Гуманитарные дисциплины, в особенности литературоведение, история, эстетика, религиоведение, социальная антропология и т.д., требуют для хорошего усвоения долгого и утомительного размышления. К этим занятиям большой талант проявляют девочки. «Отчасти объяснение может лежать в области биологии. Левое полушарие головного мозга, в котором сосредоточены все центры речи, вероятно, быстрее созревает у девушек. Однако опыт тоже нельзя не принимать в расчет. Чтение, например, часто считается типичным занятием девушек. Следовательно, они более склонны, чем юноши, тратить время и усилия на то, чтобы овладеть вербальными навыками», — О. Кинякина [Там же, 54]. В школьном образовании эту особенность пола следовало бы учесть.

Дети уже к 5–6 годам, а может быть и раньше, отличаются друг от друга степенью развития вербальных, математических и пространственных способностей. Всем известно, что девочки-дошкольники в своем интеллектуальном развитии превосходят мальчиков того же возраста. Но со временем до 20 лет среднестатистические показатели схожи. Тем не менее, наблюдается факт: среди мальчиков есть интеллектуально отстающие, есть и интеллектуально сильные, а у девочек такой картины нет. Эту особенность тоже следовало бы учесть при проведении школьных реформ, которыми частенько увлекаются в России и Якутии.

Интеллектуально отстающие (слабые) в последующем не проявляют особой тяги к учению вообще или усвоению дисциплин, «ненавистных» для них. Склонность — фактор биологический и психологический, но если нет склонности к учебе плюс еще негативная, в социальном плане неблагоприятная среда, то будет весьма сомнительным «образовать» «не-

образованного» в силу отсутствия интеллектуального основания. Пустая трата времени и нервной энергии продолжать обучать такого.

Интеллектуально развивающийся учащийся довольно быстро усваивает абстрактные понятия, у него склонность к абстракции, отвлечению от частного выражена значительно сильнее, ярче, чем у тех, у кого слаба эта склонность в силу субъективных и иных факторов. Учителям труднее всего работать с таким учащимся, к тому же у него либо нет любопытства, интереса, либо «отбили» у него это субъективное основание — дальше учиться. Скорей всего имело место второе, потому что любопытство есть у каждого маленького ребенка. Посмотрим на примере постижения абстрактных понятий дошкольниками. Для обучения четырем действиям арифметики необходима наглядность с обязательным использованием каких-либо предметов (палочки, карандаши, конфеты и т.п.). У ребенка пока нет абстрактного мышления, он воспринимает мир предметно. У него до усвоения абстрактных чисел мышление сходно с мышлением первобытных людей, которые, по словам Леви-Брюля, умели считать только до трех (а дальше у них идет множественное число). Мышление дошкольника чувственно конкретно, без абстрагирования общих свойств предметов определенного класса явлений. В ходе развития вербальной речи дети запоминают абстрактные понятия, возможно, не вникая в смысл этих понятий.

Самое трудное для учащегося пересказывать прочитанное, перед ним стоит задача самостоятельного осмысления текстов, например, литературы. А по программе учащийся вынужден следовать за интерпретацией составителей учебников, учебно-методических пособий. Это заставляет не думать, а вызубрить текст — интерпретацию (например, «Забава помещика» — произведение А.С. Пушкина «Дубровский» или «Луч света в темном царстве» — анализ «Грозы» А.Н. Островского и т.д.).

Учащиеся не успевают самостоятельно проанализировать художественное произведение целиком, поскольку произведения классиков не читают и даже не любят их. Об этом говорили первокурсники Педагогического института и студенты отделений ИЯКНСВ РВ СВФУ им. М.К. Аммосова. Опрос в основном показал, что значительный процент, больше половины опрошенных, выбрали эти институты по тому, что поступать в технические, физико-математические, естественно-научные инсти-

туты не позволяют низкие оценки по соответствующим предметам. Поэтому поступают в гуманитарные вузы.

Многу проведен опрос и по историческим дисциплинам. Здесь картина аналогичная. Учащиеся часто обращаются к Интернету, что не дает возможности поразмыслить. Интернет насыщен только разрозненными фактами без обобщения, доказательств, логической последовательности.

В настоящее время в образовательном процессе заметно одно явление — предметов, или школьных дисциплин, становится все больше и больше, что негативно сказывается на качестве усвоения материала. Стоит напомнить мудрые слова древних, например Демокрита, о том, что *«не стремись знать все, чтобы не стать во всем невеждой»* (курс. мой. — П.Т.) [Энциклопедия афоризмов. Античность..., с. 111] или *«суть дела не в полноте знания, а в полноте разумения»* [Энциклопедия афоризмов. Средние века..., с. 215].

В классе есть особо организованные учащиеся и не особо. Последним под силу может быть два-три предмета, а остальные могут остаться вне их интереса. Они не могут усвоить то, что не отвечает их интересам. В целом отсутствие интереса к этим «неинтересным», следовательно, с точки зрения прагматики «ненужным» предметам отчуждает учащихся от учебы вообще. Прилежности ко всем предметам вообще может и не быть. И не нужно.

Ряд лет работы в системе высшего образования дает достаточное основание сделать кое-какие обобщения. Часть студентов младших курсов не рассказывает развернуто с применением логических доказательств, не обращаются к фактам и т.д. Ответы односложные — «да-да», «нет-нет». Это уже упущение школы, родителей. Не научили искусству диалога. Часто, когда разговаривают между собой, вместо того, чтобы изложить логически последовательно, аргументировано говорят: «короче». Такие же «укороченные» записи видны на стенах домов, вроде «чмо», «лох», «крутой» и т.д. Такие формы «укороченного» мышления встречаются у некоторой части первокурсников — этаких Булгаковских «Эллочек Людоедочек».

Как раз этим «экономически мыслящим» на руку эти ЕГЭ — угадайчики. ЕГЭ хорош только тем, кто действительно учится старательно, умеет самостоятельно и инвариантно думать. Об этой форме экзамена много пишут специалисты, сами учителя. Один из сильных

аргументов: нет живой контактной связи с экзаменуемым, у экзаменатора начисто отсутствует возможность реальной, самоделишной проверки знания учащихся, возможность проверки абитуриентов. Ведь известно, что основная передача знания осуществляется через вербальное общение.

В образовании очень важно учесть опыт наших мудрых предков, а не проводить перманентные школьные реформы. Мы не знаем, как учили в 19 и 20 вв. в России и других странах, какими методами пользовались в гимназиях, университетах. Известно, что XIX и XX вв. дали много выдающихся талантов в любой сфере общественной жизни. Учитываются ли опыт, методы, педагогическое мастерство учителей прошлых эпох при составлении учебных программ. Это очень важный момент. Думаю, что здесь фактически потеряна преемственная связь поколений педагогов. В современной педагогике нет исследования опыта учителей прошлых эпох, а ведь это колоссальное интеллектуальное богатство. Мы даже не знаем, как и что выбрать из всей суммы знаний, что пригодится в будущем. На первый взгляд, все нужно, все полезно. Но, если вдуматься, то зачем молодому человеку с естественно-научным, математическим складом ума нужно знать, скажем, литературу, историю. Он, повзрослев, сам восполнит свои пробелы в этих

областях знания. И это будет уже сознательная, целенаправленная работа ума. Но если молодого человека, склонного к точным наукам и естествознанию, заставить учить тому, к чему «душа не тяготеет», то такое насилие над учащимся на всю жизнь отобьет у него охоту читать, познать то, что было бы ему не под силу. Насилие — не лучший метод воспитания учащегося и роста его интеллекта. Так же дело обстоит с теми ребятами, которые проявляют любопытство к гуманитарным наукам, но зато для них конкретные науки — дремучая тайга.

Новое время предъявляет новые, повышенные требования к организации образования с учетом склонностей, талантов учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

- Леви-Брюль.* Первобытное мышление. — М., 1994.
Методологическое сопровождение современного школьного образования. — Якутск: Издательско-полиграфический комплекс СВФУ, 2011. — 328 с.
Мозг на 100%. Интеллект. Память. Креатив. Интуиция. Интенсив-тренинг по развитию суперспособностей. — Москва: Эксмо, 2010. — 847 с.
Энциклопедия афоризмов. Античность. Древняя Индия. Древний Китай. — Минск: Современный литератор, 1999. — 830 с.
Энциклопедия афоризмов. Средние века. Эпоха возрождения. Эпоха научной революции. Эпоха Просвещения. — Минск: Современный литератор, 1999. — 990 с.

P.Z. Tobukov

On education problems in the Sakha Republic (Yakutia): philosophical ponderings

The article uncovers the meaning of education in different historical epochs. The beginning of the 21st century witnessed the advancement of technical knowledge to the forefront while liberal education in humanities has taken a back seat which is due to the intensive development of industrial production. We show the need for conducting monitoring with the goal of revealing the demands of the republic for the staff in humanities and the technical staff.

Keywords: education process, intellect, education potential, humanities education, technical knowledge, demands, industrial development, reforms, monitoring, Unified State Exam.

ФИЛОЛОГИЯ

К 95-летию доктора филологических наук Евдокии Иннокентьевны Коркиной

УДК 81—057.4(571.56)

П.А. Слепцов

Слово об Ученом

Е.И. Коркина — доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Она была замечательной представительницей якутского народа, ровесницей Октября. Свою трудовую деятельность начала начальником землеустроительного отряда по упорядочению земель колхозов. Затем плодотворно работала секретарем обкома комсомола, заместителем министра просвещения, заместителем председателя горсовета столицы республики. В течение 21 года была директором Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР (ныне ИГиЛМНС СО РАН). Она внесла большой личный вклад в развитие якутского языкознания, создала уникальные книги.

Ключевые слова: землеустроительный отдел, годы войны, комсомольская работа, партийная школа, минпрос, исследование языка, наклонение глагола, дееспричастия, история культуры, директор, диалекты, словари, конференции.

Вся жизнь и деятельность Евдокии Иннокентьевны Коркиной неразрывно связаны с жизнью родного народа. По ее глубокому убеждению, Октябрь принес якутскому народу и ей, якутской женщине, полное раскрепощение, большую светлую жизнь, полную творческих дерзаний, радости и счастья. И как бы мы ни относились к нашей прошлой советской действительности, мы должны уважать ее убеждения и преклоняться перед цельностью ее натуры.

После окончания землеустроительного отделения сельхозтехникума в 19 лет она стала начальником землеустроительного отряда из 14 человек. В те годы закрепляли земли за колхозами в вечное (бессрочное) пользование. Задача землеустроителей заключалась в установлении точных границ земельных угодий и составлении карт колхозного землепользования с занесением в государственный акт.

Отработав положенные три года в землеустроительном отряде, Евдокия Иннокентьевна выехала в Москву для продолжения образования. Но не по имеющейся специальности, а по совету учителя немецкого языка, который об-

наружил у нее способности к освоению языков, в Институте философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского на филологическом факультете. Началась война, институт закрылся, и она с превеликим трудом добралась до Якутска.

Во время войны и после Евдокия Иннокентьевна с присущим ей энтузиазмом стала заниматься комсомольской работой в должности секретаря обкома комсомола по пропаганде и агитации. Задача комсомола в годы войны заключалась в мобилизации всех сил молодежи на дело скорого и полного разгрома фашизма, на активизацию участия молодежи в работе всех отраслей народного хозяйства республики. Организовывали комсомольско-молодежные бригады и звенья, а между ними социалистическое соревнование за лучшие показатели в работе. Комсомольцы и молодежь республики участвовали в сборе средств на строительство танковых колонн и эскадрилий боевых самолётов, отправлении на фронт посылок. Комсомол Якутии за годы войны трижды получал благодарность Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами СССР

И.В.Сталина за производственные показатели, активный сбор средств на строительство танковых колонн.

Заметным показателем работы комсомола среди творческой молодежи была организация при обкомле литературного объединения начинающих писателей, куда входили ставшие широко известными прозаики и поэты: Леонид Попов, Софрон Данилов, Пантелеймон Туласынов, Тимофей Сметанин, Юрий Шамшурин, Николай Габышев, Феоктист Софонов, Дмитрий Таас и другие. Душой литобъединения была Евдокия Иннокентьевна. Она с удовольствием вспоминала, как члены литобъединения устроили замечательный многолюдный вечер встречи молодежи города с вернувшимся из армии поэтом С.Р.Кулачиковым—Элляем. Молодые авторы читали свои произведения, посвященные любимому поэту, подарили ему альбом с этими произведениями. По окончании войны, в 1945 г., был издан сборник произведений членов литобъединения «Кыайыы ыһыаба (Ысыах победы)».

Об этих годах она вспоминала: «Через много лет я по-настоящему оценила, как мне повезло, что юность моя прошла в комсомольской среде».

Затем ей пришлось несколько лет работать зампреда Якутского горисполкома, где она курировала отдел народного образования, культуры, физкультуры и спорта, здравоохранения, отдел социального обеспечения. Были трудные годы восстановления после опустошительной войны народного хозяйства. Об этих годах она вспоминала: «Горожане хорошо понимали, что основные силы государства направлялись в то время на восстановление разрушенного войной хозяйства, в районы и области, по которым пронесся огонь войны. Каждый старался сделать все, что он мог во имя развития хозяйства и культуры родного города. Я не помню ни одного случая, чтобы работники аппарата исполкома отказывались от какого-нибудь задания, какой-либо работы».

После этого по заданию обкома партии ей пришлось учиться в Якутской партийной школе и заочно — на историческом отделении пединститута. Слушателями школы были умудренные жизненным опытом руководители колхозов, партийные и советские работники, в том числе первые секретари райкомов партии, председатели райисполкомов, общение с которыми было весьма интересно и полезно.

Евдокия Иннокентьевна вспоминала: «Итак, за два года мне удалось получить диплом с от-

личием об окончании Якутской партийной школы и за три года закончить с отличием исторический факультет Якутского пединститута». По окончании партшколы Евдокия Иннокентьевна была направлена в Министерство просвещения на должность заместителя министра. Об этих годах работы в Минпросе Евдокия Иннокентьевна вспоминала: «Годы моей работы в Минпросе совпали с периодом большой целеустремленной борьбы за осуществление всеобщего среднего образования в республике. Ежегодно из вузов и педучилищ центральных городов страны приезжали более 400 молодых специалистов народного образования, которые распределялись по разным улусам республики».

Но все это было, по ее мнению, совсем не то. Ее радужная мечта о МИФЛИ им. Чернышевского, первый курс которого перед самой войной она закончила на сплошные пятерки, где так увлеченно изучала языки, улетучилась, так как института не стало.

В 1947 г., работая еще в ОК ВЛКСМ, она сходила на научную конференцию Института языка, литературы и истории и услышала доклад Г.У. Эргиса. Все услышанное для нее было внове, столь интересно и представляло подлинное «открытие Америки». Она вспоминала: «Я впервые узнала о работе научно-исследовательского института, сотрудники которого занимались изучением прошлой истории, языка и культуры якутского народа. Во мне загорелся большой живой интерес к его работе, более того — страстное желание как-нибудь попасть под его крыло».

И вот летом 1954 г. с решительным намерением заняться якутским языком «как постоянной пожизненной научной специальностью» она приходит к профессору Л.Н.Харитонову. «Сначала он говорил со мной благосклонно, вспоминала позже она, но потом разглядев, что диплом мой об окончании исторического факультета, а не по языку, он прямо заявил, что принять они меня не могут и что мне нужно поступать в аспирантуру по специальности история». Кроме того ему не понравился её послужной список. Большой учёный недолюбливал чиновничью братию. Выпроводив её из кабинета, говорят, он разочарованно обронил по-якутски: «Ээ, эмиэ да хотун эбит дии» (примерный перевод: «оказывается, она ещё и чиновник...»). Хорошо подготовившись, Евдокия Иннокентьевна вновь пришла сдавать экзамен по якутскому языку. С радостью узнала, что Л.Н. Харитонов на месте нет: он уехал в от-

пуск на курорт. Лука Никифорович приехал, когда она, успешно сдав все вступительные экзамены, уже стала аспиранткой. С тех пор около полувека Евдокия Иннокентьевна занималась исследованием родного языка, занималась увлеченно, с энтузиазмом.

В 1970 г. в Москве, в издательстве «Наука», вышла её капитальная монография о наклонениях глагола в якутском языке. Категория наклонения — одна из самых емких и фактически охватывающих все глагольные слова без исключения, требующая от исследователя глубоких теоретических знаний и скрупулезного владения практическим материалом.

В своей превосходной монографии Евдокия Иннокентьевна выявила, подробно описала, сделала грамматическую классификацию всех форм наклонений и времен, дала их строгую парадигматику.

Работа сразу привлекла внимание широкого круга тюркологов. О ней писали в восторженных тонах якутские учёные Н.Е. Петров, Н.К. Антонов, Н.Д. Дьячковский, Г.Г. Филиппов, П.А. Слепцов, тюркологи: академик С.К. Кенесбаев, профессора М.Ш. Рагимов, Д.М. Насилов, М.З. Закиев, Б.О. Орузбаева и другие. Наиболее развёрнутую рецензию в журнале «Советская тюркология» [№ 2, 1971 г.] опубликовал известный тюрколог А.А. Юлдашев, глубоко изучавший башкирский глагол, а затем исследовавший в теоретическом плане категорию глагола в тюркских языках. Он выразил общее мнение специалистов: «В результате изучения якутского фактического материала, почерпнутого из самых разнообразных печатных и устных первоисточников и отражающего основные жанры и стили современного якутского литературного языка, Е.И. Коркина выявила едва ли не весь состав якутских регулярных глагольных парадигм и, основываясь на достижениях современного тюркского языкознания, предложила их наиболее полную и строгую грамматическую классификацию. Е.И. Коркина успешно разрешила, на наш взгляд, задачу определения места каждой формы времени и собственно наклонения в соответствующем узле путём установления реального соотношения между исследуемыми формами. Работа Е.И. Коркиной имеет большое научное и практическое значение как одно из лучших современных исследований по якутскому языку».

Вышли весьма позитивные рецензии западных учёных, крупнейших тюркологов мирового уровня. В 1971 г. в 43-м томе *Ural-*

Altaische Jahrbücher. Wiesbaden появился отзыв Н.Н. Поппе-старшего (отца), учёного тюрколога и монголиста, автора «Учебной грамматики якутского языка» 1926 г. издания. Он писал: «Многие вопросы истории якутского языка неясны. По этой причине происхождение некоторых форм не удаётся установить бесспорно. Коркина решила многие вопросы полно и убедительно. Во многих случаях её отношение к глагольным формам и сравнение с данными других языков можно принять безоговорочно. Книга написана на огромном материале. Книга Коркиной может быть рекомендована как серьёзная, тщательно выполненная работа».

В 1973 г. в *Orientalistische Literaturzeitung*, № 9/10. Leipzig был опубликован отзыв профессора Гёттингенского университета известного тюрколога Герхарда Дёрфера: «Работа Е.И. Коркиной достойна признания. Автор даёт полный анализ выпущенной после академика Бётлингера литературы по глаголу. Ею обнаружены точные значения, также в большинстве случаев даётся происхождение исследуемых временных форм. В работе много новых выводов, глубокие взгляды автора заслуживают признания. Подробная и основательная работа, как мне кажется, почти лишена ошибок и является безупречной. Работа может быть рекомендована тюркологам. Была бы также полезна для языковедов школы Хомского, которые в своих исследованиях больше опираются на примеры английского языка».

Работа в 1970 г. была успешно защищена в качестве докторской диссертации. Выступившая оппонентом проф. Е.И. Убрятова назвала защиту Евдокии Иннокентьевны праздником якутского языкознания и подчеркнула очень важную мысль, что Евдокия Иннокентьевна в своей работе, будучи тонким знатоком родного языка, дала блестящую дифференциацию различных оттенков и нюансов значений различных форм наклонений.

Евдокия Иннокентьевна сумела подготовить и издать ещё два исследования по якутскому глаголу: «Глагольные лично-отнесённые модальные конструкции в якутском языке» и «Деепричастия в якутском языке». В первой работе исследованы формы, которые ранее не были предметом специального изучения в якутском языкознании. Было установлено, что часть из них это вполне грамматикализовавшиеся явления, перешедшие в разряд аналитических глагольных форм, а часть — свободные сочетания. Другая книга

представляет собой первое монографическое исследование якутских деепричастий в морфологическом и синтаксическом плане, рассматриваются также изолированные деепричастные формы, превратившиеся в наречия, служебные слова и т.п.

Евдокия Иннокентьевна провела огромную работу по сохранению и изучению истории культуры якутского народа. Она подготовила к печати и издала две великолепные книги, составленные на основе архива, создателя первой массовой якутской письменности С.А.Новгородова, Это книги: «Первые шаги якутской письменности» (М., 1977), «Во имя просвещения родного народа» (Якутск, 1991). К столетию со дня рождения С.А. Новгородова по её инициативе была проведена республиканская конференция, материалы которой были изданы («Внемлите моим заветным словам, друзья прекрасные мои». — Якутск: ЯНЦ, 1992).

Евдокия Иннокентьевна по крупицам собрала наследие М.Н. Андросовой-Ионовой, первой женщины-якутки, которая ещё в дореволюционное время приобщилась к науке и была награждена золотой медалью Императорского Географического общества. Её богатое фольклорное и литературно-художественное наследие (олонхо, песни, скороговорки, загадки), а также материалы на историко-этнографические темы собраны и изданы в 1998 г. под названием «М.Н.Андросова-Ионова. Олонхолор, ырыалар, этнографическай бэлиэтээһиннэр, ыстатыйалар» (Якутский: Кудук, 733 с.).

После освобождения от должности директора института Евдокия Иннокентьевна взялась за самую трудоёмкую и хлопотливую работу — изучение северо-восточной диалектной зоны якутского языка. Ей пришлось в течение нескольких лет совершать экспедиционные поездки по сбору и проверке ранее собранного материала в четыре индигирских (Аллаиховский, Абыйский, Момский и Оймяконский), три колымских (Нижнеколымский, Среднеколымский, Верхнеколымский) два янских (Усть-Янский и Верхоянский) улуса, а также в Сусуманский район Магаданской области. После обработки уникального экспедиционного материала она написала крупную монографию о фонетических, грамматических и лексических особенностях говоров и подговоров всех этих улусов. Материал этот будет ценным не только для лингвистов, но и для историков, особенно исследователей исторической этнографии якутов.

Евдокия Иннокентьевна в последние годы работала над составлением и редактированием большого многотомного толкового словаря якутского языка. Этой своей деятельностью она гордилась, ибо считала, что этот огромный труд коллектива лингвистов будет иметь большое культурное и научное значение.

Евдокия Иннокентьевна в течение 21 года была директором Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР. Это были годы трудного, иногда болезненного становления и укрепления института как единственного гуманитарного академического учреждения Якутии. При этом за время директорства Евдокии Иннокентьевны все ещё продолжалось ожесточённое противостояние различных групп вокруг литературного наследия и вопросов истории Якутии. Но со временем в институте установилась нормальная рабочая атмосфера, в чём, безусловно, немалая заслуга директора. Евдокия Иннокентьевна постепенно сумела укрепить количественно и качественно институт, о чём говорят цифры. Так, на время сдачи директорских дел В.Н.Иванову количество сотрудников составляло 110 чел. в том числе 5 докторов и 45 кандидатов наук, а в 1963 г. было 44 сотрудника, из них один доктор и 10 кандидатов наук. Расширились научные направления, и в соответствии с этим к 1972 г. было создано девять секторов при трёх отделах: сектор истории советского периода, истории досоветского периода, лаборатория археологии, сектора социологии, якутской литературы, якутского фольклора, якутской грамматики и диалектологии, якутской лексикологии и лексикографии, северных языков.

Одним из ярких показателей научного роста института во времена директорства Евдокии Иннокентьевны стало активное участие сотрудников института в конференциях различного уровня. Она с большим удовольствием вспоминала, например, алма-атинскую конференцию, на которой возглавляла якутскую делегацию из 10 участников и выступила с докладом о состоянии якутского языкознания. Она вспоминала конференцию в Ташкенте, проведённую в сентябре 1980 г. Участников было около 500 человек, в том числе казахская группа из 40 человек, якутская — из 10.

Значительно возросли научный уровень и расширилась издательская деятельность института. Из изданных важнейших трудов можно назвать «Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — сер. XIX в.» Ф.Г. Сафронова, «Русские

учёные о народах Северо-Востока (XVII – нач. XX в.)» В.Н. Иванова, «Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии» Ю.А. Мочанова, «Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Востока Азии» С.А. Федосеевой, «Якутия в годы Великой Отечественной войны» Д.Д. Петрова, «Модальные слова в якутском языке» Н.Е. Петрова, «Говор верхоянских якутов» П.С. Афанасьева, «Сложные имена существительные в юкагирском языке» Г.Н. Курилова, «Очерк якутской диалектологии» М.С. Воронкина, коллективные труды: «Диалектологический словарь эвенкийского языка», «Русско-якутский словарь», «Якутско-русский словарь», «Грамматика современного якутского литературного языка» в двух томах, «Диалектологический словарь якутского языка», «Якутские сказки» в двух томах, «Якутские народные

песни» в четырёх томах, «Сборник якутских пословиц и поговорок», «Якутские загадки», собранные С.П. Ойунской, «Вопросы сюжета и композиции в якутской прозе» Г.П. Боеско-рова, «Якутская советская литература (1941–1962 гг.)» Н.П. Канаева, «Якутское стихосложение», «Живой родник» Г.М. Васильева и мн. др.

Евдокия Иннокентьевна всегда искренне радовалась успехам института, гордилась его сегодняшним состоянием как крупнейшего научного центра на Северо-Востоке Сибири. Среди научных сотрудников института трудятся многие доктора наук, крупные специалисты по различным отраслям гуманитарной науки, многие из которых кадры Е.И. Коркиной.

Мы, её коллеги и друзья, до сих пор с благодарностью и умилением вспоминаем её заразительный смех, остроумное веселье – воистину она была украшением жизни.

P.A. Sleptsov

A word about the Scientist

E.I. Korkina is a doctor of philological sciences, professor, honored scientist of RSFSR. She was a remarkable representative of the Yakut people, a coeval of October. She started her work career as a head of a land management planning brigade formed to regulate kolkhoz lands. Afterwards she worked fruitfully as a secretary of the regional Komsomol committee, deputy minister of education, deputy chairperson of the city council of the republic's capital. For 21 years she served as a director of the Institute of language, literature and history of the Yakut subsidiary of the Siberian branch of the Academy of Sciences of the USSR (present-day Institute of humanities and indigenous peoples of the North). She made an important personal contribution to the development of Yakut linguistics, authored unique books on the history of Yakut philology.

Keywords: land management planning brigade, war years, Komsomol work, party school, ministry of education, scientific study of language, mood.

УДК 81–057.4:069(571.56)

P.B. Шелехова

Личный фонд Е.И. Коркиной в музее истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГИиПМНС

Коркина Евдокия Иннокентьевна (17.12.1917–2009 гг.) – первая женщина из народа саха доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный ветеран СО РАН*.

Личный фонд № 1 Е.И. Коркиной в музее истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГИиПМНС начал создаваться при ее жизни. Ковер сувенирный

«Максим Аммосов. 100 лет», преподнесенный Евдокией Иннокентьевной в дар музею 23 декабря 1997 г. (Акт № 1) стал первым экспонатом музея. Ковер был вручен ей депутатом Ил Тумен А.Н. Жирковым во время чествования в связи с 80-летием.

В ноябре–декабре 2000г. (Акт № 10, 14, 16) Е.И. Коркина сдала музею ксерокопии личных документов, дарственные книги видных

* Краткая биография фондообразователя отсутствует; так как в этом же номере журнала опубликована специальная статья.

ученых, и общественных деятелей, письма Е.И. Убрятовой, Л.Н. Харитонова, В.Д. Лебедева, статьи, подготовленную к печати рукопись — М.Н. Андросова-Ионова «Олонхо, песни, этнографические заметки, статьи», стенограмму (копию) заседания Объединенного ученого совета по историко-филологическим и философским наукам СО АН СССР по защите ученой степени д.ф.н..

Ныне фонд состоит из 57 ед. основного и 11 ед. научно-вспомогательного фонда, фотографий, часть которых находится в компьютерном фонде музея. Личный фонд Е.И. Коркиной разбит по содержанию на 6 разделов.

1. Личные документы

Первый документ — *Аттестат* об окончании Якутского сельскохозяйственного техникума и присвоении ей Постановлением Квалификационной комиссии техникума от 14 мая 1936г. за № 5 квалификации *техника землеустроителя*. В Аттестате имеются все оценки по предметам и практическим работам и в конце приписка: «Просить НКЗ ЯАССР по использованию на производстве, командировать в ВУЗ в первую очередь».

После окончания техникума Е.И. Коркина три года работала сначала техником-землеустроителем, а затем начальником землеустроительного отряда в Мегино-Кангаласском районе. Весной 1939г. она выехала в Москву для продолжения образования.

Сохранилась *Зачетная книжка* № М-80 студентки первого курса филологического факультета Московского института истории, филологии и философии им. Н.Г. Чернышевского Е.И. Коркиной, выданная 27 июля 1940 г. В книжке проставлены оценки и зачеты за 1-й и 2-й семестры. В связи с начавшейся Великой Отечественной войной, закрытием и эвакуацией института в 1941 г. она вернулась в Якутск.

Диплом с отличием № 027629 Е.И. Коркиной об окончании в 1951 г. двухгодичной партийной школы. Регистрационный № 10, выдан 1 августа 1951 г.

Диплом с отличием № 782590 Е.И. Коркиной об окончании в 1953 г. Якутского государственного педагогического института по специальности «история». Решением Государственной экзаменационной комиссии от 3 августа 1953 г. ей присвоена квалификация учителя средней школы. Регистрационный № 1383.

В музее также имеются документы о присвоении Е.И. Коркиной ученых званий.

Диплом кандидата наук. мфл № 000207.

Решением Совета Института языкознания АН СССР от 25 марта 1960 г. (протокол № 5) Евдокии Иннокентьевне Коркиной присуждена ученая степень кандидата филологических наук.

Аттестат старшего научного сотрудника мсн № 022329.

Решением Президиума АН СССР от 28 июня 1967 г. Коркина Евдокия Иннокентьевна утверждена в ученом звании старшего научного сотрудника по специальности «тюркские языки».

Диплом доктора наук мфл № 000800. Решением Высшей аттестационной комиссии от 14 мая 1971 г. (протокол № 31) Коркиной Евдокии Иннокентьевне присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Аттестат профессора пр № 012356. Решением аттестационной комиссии при Совете министров СССР от 12 апреля 1985г. (протокол № 12 пк/2). Коркиной Евдокии Иннокентьевне присвоено ученое звание *профессора* по кафедре якутского языка и литературы.

Диплом Академии наук РС(Я) от 27 марта 2004 г.

Коркина Евдокия Иннокентьевна избрана почетным членом Академии наук Республики Саха (Якутия).

Далее приводится список личных документов, переданных музеем невесткой Е.И. Коркиной А.А. Тихоновой из домашнего архива 26 мая 2011 г. (Акт № 75).

Удостоверение № 304 выдано Коркиной Евдокии Иннокентьевне — директору Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР.

Подпись вице-президента АН СССР М.А. Лаврентьева. Без даты. На правой стороне фото Е.И. Коркиной, гербовая печать АН СССР, Сибирское отделение.

Билет № 18, удостоверяющий, что тов. Коркина Евдокия Иннокентьевна является кандидатом Якутского областного комитета КПСС, избранным XXV Якутской областной конференцией КПСС.

Без даты. Подпись — секретарь Якутского обкома КПСС С.Борисов. На обложке билета (дермантиновая красная) золотистая надпись «КПСС Якутский областной комитет».

Мандат № 580: тов. Коркина Е.И. избрана делегатом на XXXI Якутскую областную конференцию от Якутской городской партийной организации.

Без даты. Мандатная комиссия.

Депутатский билет № 54, предъявитель тов. Коркина Е.И. избрана депутатом Якутского го-

родского Совета депутатов трудящихся от избирательного округа № 54.

Без даты. Председатель Исполнительного комитета Совета — подпись неразборчива. Секретарь Исполнительного комитета Совета — подпись неразборчива.

Пропуск № 266 тов. Коркиной Е.И. на вход в дни заседаний Верховного Совета Якутской АССР декабрь 1971 г. Президиум Верховного Совета Якутской АССР.

Записная книжка Коркиной. Начата с января 1945 г.

Записи сделаны четким, ясным почерком и имеют заголовки: Прочти!; В первую очередь заняться городом: Nota bene!; Вызвать и поговорить; далее стихи: А. Церетели, К. Уткин, С. Щипачев, М. Горький, С.А. Новгородов и карандашные записи.

2. Награды

В музейном фонде, к сожалению, отложились не все награды, полученные Е.И. Коркиной.

Удостоверение Е.И. Коркиной к медали «Ветеран труда», выданной 7 февраля 1978 г. согласно Указу Президиума Верховного Совета ЯАССР.

Приказ Госкомзема РС(Я) № 19-к от 29 июня 2000 г. на основании Решения Коллегии Госкомзема РС(Я) от 29 июня 2000 г. Коркиной Евдокии Иннокентьевне присвоено звание *Почетный землеустроитель Республики Саха (Якутия)* с вручением нагрудного знака.

Удостоверение Е.И. Коркиной о присвоении звания «Почетный гражданин Чурапчинского улуса» за заслуги в развитии экономики, культуры и активное участие в воспитании подрастающего поколения совместным собранием президиума улусного Собрания и администрации улуса от 9 декабря 2000 г.

Свидетельство дано администрацией Чурапчинского улуса Коркиной Евдокии Иннокентьевне, доктору филологических наук, профессору в том, что она Постановлением Совета администрации № 300 от 29 декабря 2000 года включена в число *100 лучших людей Чурапчинского улуса XX века*.

Министерство науки и профессионального образования РС(Я) присудило *Премии имени Новгорода Семёна Андреевича за 2008 год* Коркиной Евдокии Иннокентьевне за личный вклад в обновление и совершенствование якутского букваря, развитие школьного языкового образования РС(Я). 13 февраля 2008 года.

Е.И. Коркина награждена орденом «Знак почёта», знаком отличия «Гражданская доблесть», медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «Ветеран тыла», «За заслуги в развитии науки РС(Я)» и другими. К сожалению, они не стали достоянием музейного фонда.

3. Личные предметы Е.И. Коркиной

Ковер — сувенирный «Максим Аммосов. 100 лет» жаккардовый, двухполосный. Изготовлен в Республике Казахстан в г. Алматы Акционерным обществом «Алматы клем» из ворсовой шерстяной пряжи. Техника фабричная, размер 1,05×0,62 см.

В музее хранятся предметы, переданные музеем А.А. Тихоновой из домашнего архива Е.И. Коркиной 26 мая 2011 г.

Большие настольные *часы* из пластмассы черного цвета с желтым циферблатом и надписью «Евдокии Иннокентьевне с 60-летием. Общество “Знание”».

Портфель кожаный черного цвета. Внутри три больших отдела и плюс карманный. Изношенность 80%. Сильно потерты все бока и крышка портфеля, ручка обернута черной изолентой. Очевидно, это был самый удобный для носки портфель и поэтому хорошо послужил хозяйке.

В сентябре 2011 г. племянница Е.И. Коркиной, д.с.-х.н. Наталья Владимировна Барашкова, передала в дар музею портфель, который ей подарила Евдокия Иннокентьевна.

Портфель кожаный коричневого цвета. Внутри имеет три отдела и металлический замок. В целом состояние портфеля удовлетворительное, но местами потертый — на сгибах крышки и боках.

4. Книги, подаренные Е.И. Коркиной учеными и общественными деятелями

Круг общения у Евдокии Иннокентьевны был широкий, и это видно по дарственным книгам: ученые-языковеды, ученые Якутского научного центра СО РАН и ученые Сибирского отделения РАН, общественные деятели.

Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. — М.; Л., 1960.

«Многоуважаемой Евдокии Иннокентьевне Коркиной от автора Л. Харитонova. Якутск, 6/I 1961».

Г.У. Эргис, П.П. Барашков. Саха тылын грамматиката. Синтаксис VII — VIII кылаастарга уорэнэр кинигэ. — Якутскай, 1966.

«Многоуважаемой Евдокии Иннокентьевне от авторов, Г. Эргис, П. Барашков, 14/VIII–66, г. Якутск».

Н.Д. Дьячковский. Звуковой строй якутского языка. Ч. II. Консонантизм. — Якутск, 1977.

«Дорогой Евдокии Иннокентьевне Коркиной с глубокой благодарностью за большую моральную поддержку и содействие!

Искренне Н. Дьячковский, 3. II. 77».

Е.А. Крейнович. Исследования и материалы по юкагирскому языку. — Л., 1982.

«Глубокоуважаемой Евдокии Иннокентьевне Коркиной. 28.V.82. Автор».

В.И. Цинциус. Негидальский язык. Исследования и материалы. — Л., 1982.

«Глубокоуважаемой Евдокии Иннокентьевне от автора. 20 декабря 1982 г.».

Приписка Е.И. Коркиной «Последний подарок Веры Ивановны, которая скончалась 15.01.83 г.»

А.А. Петросян. История народа и его эпос. — М., 1982.

«Евдокии Иннокентьевне Коркиной с глубоким уважением от автора. А. Петросян. 20/II — 83 г.»

А.А. Юлдашев. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. — М., 1977.

«Глубокоуважаемой Евдокии Иннокентьевне Коркиной. Юлдашев. 7/I -86 г.».

О.Н. Бетлингк. О языке якутов / Перевод с немецкого доктора филологических наук В.И. Рассадина. — Новосибирск, 1990.

«Дорогой Евдокии Иннокентьевне Коркиной с самыми добрыми пожеланиями здоровья, успехов в трудах. Е. Убрятова. 5/ II — 1990 г.».

И.С. Рожков, А.П. Мороз. Золото (историко-экономический очерк). — Якутск, 1963.

«Многоуважаемой Евдокии Иннокентьевне Коркиной. И. Рожков. 20/IV-64 г.».

А.П. Окладников, В.Д. Запорожская. Петроглифы средней Лены. — Л., 1972.

«Дорогой Евдокии Иннокентьевне с глубоким уважением. А.П. Окладников» [Без даты]

А.П. Деревянко. В поисках оленя золотые рога. — Благовещенск, 1978.

«Дорогой Евдокии Иннокентьевне Коркиной от объекта сей книги к новому году. 28/ XII — 1979 г. А.Окладников»

Н. Мординов. Друзья — товарищи. Повести. — Якутск, 1976.

Уважаемой Е.И. Коркиной, особенно любимой и родной мне по незабвенной памяти ее брата — Васи Коркина, одного из первых

героических комсомольцев Якутии, ближайшего моего друга и воспитателя. Н. Мординов. 27/II — 76 г.».

Д.С. Жиркова. 50 лет в партии Ленина. Воспоминания. — Якутск, 1976.

«Дорогой Евдокии Иннокентьевне на память о борьбе за Советскую Якутию старшего поколения коммунистов, пускай будет памятью для поколения. Автор Д. Жиркова, г. Москва, 2/IV — 76 г.».

Ф.Г. Сафронов. Дохристианские личные имена народов северо-востока Сибири. (Историко-этнографический обзор и именник). — Якутск, 1985.

«Дорогому моему редактору Евдокии Иннокентьевне с наилучшими пожеланиями от автора. Якутск, 3.10.85.»

Ефим Николаевич Андреев. — Якутск, 2000.

«Глубокоуважаемой Евдокии Иннокентьевне на память о Е.Н. Андрееве — основателе фтизиатрической службы в Якутии и верном добром соседе от дочери Е.Н. Андреева — З.Е. Леновой-Андреевой. 05.08.01.»

В.П. Ларионов. Время забот и надежд. Некоторые выступления и публикации последних лет. — Якутск, 1997.

«Эдьийдээтэр эдьийбит,
төлөннөөх сүрэбин сабытынан
дьонун-сэргэн, дойдун тустарыгар
үрүлүйэн-харалыйан
өрүү холобур буоларгар сүгүрүйэн.

В.П. Ларионов. 27.01.1999».

С. Тока. Слово Арата. — Кызыл, 1957.

«т. Коркиной Е.И. На добрую память от автора. С. Тока. 19/III — 64.»

В 1964 г. Е.И. Коркина вместе с Ф.Е. Донской (работницей аппарата Совмина ЯАССР) были командированы на 1-й республиканский хурал женщин Тувы в город Кызыл.

Как вспоминает в своей книге Евдокия Иннокентьевна: «Первым секретарем Тувинского ОК КПСС в ту пору работал видный государственный и общественный деятель Тувы, писатель Солчак Тока. До сих пор с любовью храню его книгу «Слово арата», удостоенную в 1950 году Сталинской премии. Эту книгу он в числе других гостей — участниц женского хурала с дарственной надписью подарил и мне на устроенном в нашу честь приеме»*.

В 1975 г. в Москве Е.И. Коркина была участницей Всемирного форума девушек, созданного ЦК ВЛКСМ, в качестве почетной гостьи —

* Коркина Е.И. Коротко о прожитой жизни. — Якутск, 2000. — С. 81.

ветерана комсомола и женского движения Якутии. Советская делегация на этом Всемирном форуме девушек составляла 50 человек – представительниц разных республик, городов страны, передовиков производства, студенток, представительниц интеллигенции. Евдокия Иннокентьевна познакомилась со многими замечательными женщинами и некоторые из них подарили ей книги о своей работе.

Т. Федорова. Наверху Москва. – М., 1975.

«Коркиной Евдокии Иннокентьевне в память о встрече в Москве на Всемирном форуме девушек с огромным уважением и добрыми пожеланиями. Ваша Татьяна Федорова» [Без даты].

Татьяна Викторовна Федорова – Герой Социалистического Труда, одна из знатных строителей Московского метрополитена, заместитель начальника Московского метрополитена, член Комитета советских женщин. В своей книге она рассказывает о своей комсомольской молодости, своем участии в строительстве Московского метрополитена в 30-е годы.

М.П. Чечнева. Боевые подруги мои. – М., 1975.

«Замечательному человеку и выдающемуся ученому, милой Евдокии Иннокентьевне Коркиной с любовью, дружбой и глубоким уважением от автора. Будьте счастливы и благополучны! Ваша Марина Чечнева – 18/X – 75 г. г. Москва»

Марина Павловна Чечнева – Герой Советского Союза, летчица Таманского женского полка. Ее книга – документальный очерк о летчицах, штурманах, техниках, политработниках 46-го гвардейского Таманского женского авиационного полка, отважно сражавшихся в годы Великой Отечественной войны.

П.А. Малинина. Волжские ветры. – М., 1978.

«Дорогой Евдокии Иннокентьевне от автора. П. Малинина 2/IV – 1978 г.»

Прасковья Андреевна Малинина – дважды Герой Социалистического Труда, награждена 6 орденами Ленина, 2 орденами Трудового Красного Знамени. 42 года председательствовала в колхозе «12 лет Октября» села Саметь Костромской области. В книге автор рассказывает искренне и правдиво о своей жизни и жизни своих односельчан.

100 интервью с советскими женщинами. – М., 1975.

Эту книгу Е.И. Коркина привезла со Всемирного форума девушек 1975г., участницей которого она была. Десять женщин – участни-

ков форума оставили свои автографы на первой странице книги. Среди них Т.В. Федорова, М.П. Чечнева, П.А. Малинина, Р.К. Островская (жена Н.А. Островского, автора бессмертных книг «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей»), А.Т. Гагарина (мать первого космонавта Ю.А. Гагарина), А.И. Щетинина (единственная в те годы женщина – капитан дальнего плавания), Л.Т. Космодемьянская (мать Героя Советского Союза Зои Космодемьянской).

В книге «100 интервью с советскими женщинами» представлены женщины разных поколений, национальностей и профессий. По просьбе издательства «Молодая гвардия» они ответили на ряд вопросов о себе, о том, как, на их взгляд, осуществляется равноправие в стране, как они участвуют в созидательном труде и др. На страницах 144–147 интервью с Александрой Яковлевной Овчинниковой – Председателем Президиума Верховного Совета Якутской АССР, депутатом Верховного Совета РСФСР.

Кроме дарственных книг в фонд поступили следующие книги из личной библиотеки Е.И. Коркиной.

В.А. Богородицкий (чл.-кор. АН СССР). Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. – Казань, 1933.

М.Н. Андросова-Ионова. Олонхо, песни, этнографические заметки, статьи / Составитель и автор предисловия Е.И. Коркина. – Якутск, 1998.

Лидер, трибун, государственный деятель: (Сборник воспоминаний, публикаций и документов о почетном гражданине РС(Я) Егоре Дмитриевиче Кычкине). – Якутск, 2000.

Е.И. Коркина. Коротко о прожитой жизни. – Якутск, 2000.

5. Письма из личного архива Е.И. Коркиной

В фонд поступили письма Елизаветы Ивановны Убратовой, Евдокия Иннокентьевна вела переписку с 1960 по 1989 год почти до ее кончины. Всего в фонде хранятся 36 писем, два из них без даты, 4 поздравительных открытки и 4 телеграммы.

Письмо Е.И. Убратовой из Иркутска от 13 ноября 1960 г. Е.И. Коркиной, которое ею было написано во время задержки вылета самолета в Монголию.

Основное содержание письма – это объяснение задержки ответа на письмо Е.И. Коркиной. Она пишет «Ответить на Ваше письмо поручено мне. Но это не простой ответ. Надо внимательно прочесть и дать обстоятельный

разбор труда. А мне все не удается это сделать». И далее объясняет почему — командировки с докладами, плановая работа, поездка в Монголию.

Письмо Е.И. Убрятовой из Москвы от 31 сентября 1961 г. Е.И. Коркиной, в котором она просит Е.И. срочно сообщить в издательство Академии наук точное название работы по диалектологии, готовящейся к изданию. [«Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР» (М., 1960)]

Письмо Е.И. Убрятовой из Москвы от 14 февраля 1962 г. Е.И. Коркиной: отвечает на ряд вопросов о том, что опоздала с телеграммой по случаю 75-летия С.А. Новгородова; о статье Н.К. Антонова, которая ей не понравилась и поэтому тоже опаздывает с ответом. Далее благодарит Ев. Ин. и Луку Никифоровича за работу об издании ее работы. Спрашивает, кто ездил на Оленек, какой материал там собран.

Пишет: «У меня сейчас возникла большая необходимость сравнить мои долганские материалы с языком северных якутов, пограничных с долганами районов...».

Письмо-открытка Е.И. Убрятовой из Саскылаха от 22 апреля 1964 г. Е.И. Коркиной — поздравляет с 1 мая и сообщает, что «путешествие идет пока без особых приключений. Пробыли 4 дня в Кюсюре — теперь 4 дня в Саскылахе, я проверила все свои материалы с несколькими стариками. Михаил Спиридонович и Прокопий Елисеевич также сделали свои записи. Готовимся к главному прыжку на [одно слово неразборчиво]».

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 22 июня 1964 г. Е.И. Коркиной, в котором уведомляет о посылке билета и командировочного удостоверения и благополучном прибытии домой после экспедиции на Оленек. Благодарит за экспедицию, за внимание и заботу, за отзыв на работу.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 14 сентября 1965 г. Е.И. Коркиной. В начале письма сообщает о написании отзыва на ее работу. Названия нет, но, очевидно, рукопись «Наклонения глагола в якутском языке». Пишет о сильных и слабых местах работы и предлагает после доработки защитить как докторскую диссертацию. Далее о текущих делах.

Письмо-открытка Е.И. Убрятовой из Москвы от 25 декабря 1965 г. Е.И. Коркиной. Поздравле-

ние с наступающим Новым годом. И далее свое мнение об очерках диалектов якутского языка П.П. Барашкова.

Письмо-открытка Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 28 декабря 1966 г. Е.И. Коркиной. Поздравляет с Новым годом и передает просьбу А.П. Окладникова не отказываться от поста директора института.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 1 августа 1967 г. Е.И. Коркиной, в котором речь идет о статье Н.Д. Дьячковского.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 2 октября 1967 г. Е.И. Коркиной. Сообщает о допуске к защите кандидатской диссертации Н.П. Канаева и о том, что пишет отзыв на работу Г.М. Васильева, о письме И.В. Пухова, которому поручили литературно обработать перевод А.А. Попова олонхо Кулун Кулуустуур.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 7 июля 1968 г. Е.И. Коркиной. Пишет о назначенной защите кандидатской диссертации В.Н. Чемезова, просит выслать его книгу [«Из истории Якутской организации РКПб». Якутск, 1967] для себя и А.П. Окладникова. Также пишет о своих студентках Л.Д. Русалиной и Н. Широковой*, которые заканчивают университет и защищают дипломные работы по якутскому языку. [В.Н. Чемезов защитил кандидатскую диссертацию в 1968 г. по указанной выше книге].

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 24 сентября 1968 г. Е.И. Коркиной. Уведомляет, что материалы к переводу работы В.В. Радлова получила, а далее о трудностях работы, поскольку каждое положение В.В. Радлова требует или поправки, или уточнения. Сообщает об отъезде В.А. Аврорина и возложении обязанностей на неё.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 13 апреля 1969 г. Е.И. Коркиной, в котором она отвечает на поручения Е.И. Коркиной: 1) в отношении аспирантуры советует обратиться с ходатайством в СО АН СССР; 2) А.П. Окладников положительно решил вопрос об издании олонхо А.А. Попова; 3) предисловие к «Элэйаде» А.П. Окладников обещал написать после возвращения из Австрии и другие вопросы.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 15 сентября 1970 г. Е.И. Коркиной. В начале письма пишет о своих впечатлениях о пребывании в Якутске, о своем неважном самочув-

* Н.Н. Широкова ныне д.ф.н., замдиректора Института филологии СО РАН. Защитила канд. и докт. дисс. по истории якутского языка.

ствии. Один из важных моментов письма — о том, как начать оформление защиты Евдокией Иннокентьевной докторской диссертации.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 3 февраля 1971 г. Е.И. Коркиной. В письме Ел. И. благодарит Е.Ин. за гостинцы и внимание. Рассказывает, как она угощала строганиной Веру Дмитриевну и Алексея Павловича Окладникова с Леночкой.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 6 августа 1971 г. Е.И. Коркиной. Отвечает на один вопрос Ев.Ин. о Гамбо Рингиновиче Ринчино (бурят).

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 20 октября 1971 г. Е.И. Коркиной. В начале сообщает, что в просмотренном ею сборнике «К изучению бурятского языка (Улан-Удэ, 1969 г.) и в статье Ц.Б. Цыденбаева на стр. 5 есть упоминание о Г.Р. Ринчино. Далее пишет о себе и подготовленных докладах.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 25 января 1972 г. Е.И. Коркиной, в котором высказывает большую печаль в связи с кончиной Л.Н. Харитонова и том, что не смогла выехать на похороны.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 24 июня 1972 г. Е.И. Коркиной.

По приезду из Якутска сразу обратилась к Ев. Ин. с просьбой сообщить ей полные имена и адрес учительницы, у которой гостевали целый день, и директора Чурапчинского интерната. Далее делится впечатлениями о полете из Якутска в Новосибирск.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 23 июля 1972 г. Е.И. Коркиной.

Обращается к Ев. Ин. с просьбой: «Я решила написать об отношениях Бетлингга с тюркологами, ... Оказывается Бетлингк еще в 1848 г. написал рецензию на книгу Казем-Бека и ее перевод на немецкий язык». Далее она называет 2 его книги на немецком языке и просит найти в Якутске и по возможности выслать через межбиблиотечный фонд.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 6 июля 1973 г. Е.И. Коркиной, сначала поздравляет Ев. Ин. с избранием депутатом в Верховный Совет ЯАССР, а далее пишет, что вычитывает свою монографию по синтаксису и думает по-

слать статью в сборник, посвященный памяти Л.Н. Харитонова.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 14 сентября 1973 г. Е.И. Коркиной, в котором сообщает о переносе А.П. Деревянко конференции на другую дату и списке лиц, которым она уже выслала «Словарь якутского языка».

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 10 ноября 1973 г. Е.И. Коркиной.

Благодарит за поздравления и добрые пожелания. Поздравляет Ев. Ин. с хвалебной рецензией д. Дерфера* на ее книгу [«Наклонение глагола в якутском языке». (М., 1970).]

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 22 дек. 1974 г. Е.И. Коркиной с новогодними поздравлениями и с просьбой о покупке унтов.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 28 апреля 1976 г. Е.И. Коркиной.

В письме выражает беспокойство, что давно нет никаких вестей от Ев. Ин. Далее пишет о том, что ждала Ев. Ин. в Москве, особенно М.Я. Жорницкая. И рассказала, что с А.П. Окладниковым были у нее в гостях. М.Я. показала свои слайды А.П.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска [ноябрь] 1977 г. Е.И. Коркиной, в котором поздравляет с 60-летием Великого Октября. Пишет: «Большое Вам спасибо за сердечность и дружбу, так горячо проявившиеся на моем 70-лети. Сейчас я начинаю приходить в себя и понимать, как Вы добры ко мне и как Вы меня избаловали. Этак и в самом деле начнешь «понимать о себе» слишком много».

Письмо-открытка Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 1977 г. Е.И. Коркиной, сердечно благодарит за присланные книги и сообщает, что с 6. II уедет в Кемерово до 25 II.

Письмо Е.И. Убрятовой от 25 июля 1977 г. из Новосибирска Е.И. Коркиной. Сообщает, что доехала после поездки в Якутск хорошо. Написала огромное письмо А.Н. Кононову о Дм. Попове и пишет статью о своих впечатлениях от виденного и слышанного в газету «Кыым».

Письмо-открытка Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 27 апр. 1978 г. Е.И. Коркиной, в котором поздравляет с выходом в свет книги о С.А. Новгородове. [«Первые шаги якутской письменности» (М., 1977)]

* Речь идет об отзыве профессора Геттингенского университета, всемирно известного тюрколога и монголиста Герхарда Дерфера, опубликованном в серийном издании «Востоковедный каталог (Лейпциг, 1973, № 9/10). В подробной рецензии Г.Дерфер писал: «Подробная и основательная работа, как мне кажется, почти лишена ошибок и является безупречной. Работа всем тюркологам может быть только рекомендована».

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 21 августа 1979 г. Е.И. Коркиной, в котором отвечает на ряд вопросов Ев. Ин. к А.П. Окладникову, о статьях Е.И.Оконешникова, известных тюркологов К.Г. Менгеса, книге А. Габэн.

Письмо-открытка Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 23 мая 1982 г. Е.И. Коркиной, в котором вместе с приветом пересылает открытку В.И. Рассадина о переводе словаря Бетлингга.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 25 июля 1988 г. Е.И. Коркиной по поводу рецензии Ю.А. Тамбовцева о «Грамматике современного якутского литературного языка».

Письмо-открытка Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 20 декабря 1988 г. Е.И. Коркиной, поздравляет с Новым годом, сообщает о получении от Ев. Ин. очень интересных примеров, а также о конференции В.М. Наделяева.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 2 августа 1989 г. Е.И. Коркиной. Пишет о получении статьи и письма от польского ученого Марека Стаховского, работающего в Кракове. Вместе с письмом послала Ев. Ин. и Федоту Григорьевичу Сафронову отгиск из журнала Московской патриархии (1989, №6) статьи о защите магистерской диссертации Б.И. Пивоваровым.

Письмо Е.И. Убрятовой из Новосибирска от 29 декабря 1989 г. Е.И. Коркиной. Сообщает о том, что скоро выйдет перевод труда Бетлингга, вводную статью к которому написала Е.Ив. Прочитала книгу Д.С. Лихачева «Заметки и наблюдения из записных книжек разных лет» — Л., 1989. В этой книге Е.И. впервые встретила запись о жизни во время блокадной зимы 1941 г. в Ленинграде именно такой, какой она ее запомнила и какой ни у кого не встречала... «А тут такое совпадение, словно это я сама написала».

Письма Л.Н. Харитонova и В.Д. Лебедева Е.И. Коркиной

От Л.Н. Харитонova Е.И. Коркина получила три письма и приветственную телеграмму в связи с ее пятидесятилетием. Они хранятся в фонде Л.Н. Харитонova № 5 музея.

[декабрь 1967 г.] *Письмо-телеграмма Л.Н. Харитонova из Москвы в Якутск Е.И. Коркиной* в связи с ее пятидесятилетием.

Письмо Л.Н. Харитонova из Якутска от 2 августа 1960 г. Е.И. Коркиной перед отъездом в отпуск в Сочи с просьбой по доверенности

«...выступить от моего имени в горисполкоме и других организациях по вопросу о предоставлении мне квартиры в новом доме по ул. Ворошилова». К письму была приложена доверенность.

Письмо Л.Н. Харитонova из Москвы от 20 февраля 1968 г. Е.И. Коркиной, в котором он сообщает об отправке ценной бандеролью второй половины рукописи Евдокии Иннокентьевне со сделанными замечаниями. Далее он пишет, что с 3 по 28 марта 1968г. вместе с супругой Верой Константиновной будет находиться в санатории имени Анджиевского курорта Ессентуки. Так же он обращается с просьбой к Е.И. Коркиной отрегулировать вопрос о дальнейшей его работе в институте.

Письмо Л.Н. Харитонova из Ярославля от 28 июля 1971 г. в Якутск Е.И. Коркиной.

В начале письма он благодарит Е.И. Коркину за телеграмму о защите докторской диссертации Захаром Васильевичем Гоголевым. И сообщает ей об отправке поздравления в Новосибирск.

Далее он пишет о получении второго номера журнала «Советская тюркология», в котором он познакомился с рецензией Юлдашева на монографию Е.И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке» (М., 1970 г.). Просит в письме выслать с возвратом прошлогодние номера журнала для ознакомления, которых у него нет. Далее выдержка из письма.

«...Какие у вас события и новости? Закончили ликвидацию последствий пожара? Сильно ли пострадал рукописный фонд? Как поживает наша Мара? Когда собираетесь в отпуск? Наш план поездки в Якутск остается в прежнем виде. Точно решили в сентябре...»

Письмо В.Д. Лебедева из Ленинграда от 24 октября 1976 г. Е.И. Коркиной. На якутском языке.

В письме сообщается о том, что после мытарств наконец устроился. С 12 октября лежу в больнице Бехтерёва на лечении. 26 октября в Якутск улетает Н.В. Емельянов, а 27 — Жанна (жена В.П. Лебедева). В Ленинград из Америки приезжал Менгес*, из Франции Жак — Маркедин, с Алтая И.В. Кормушин, который едет в Москву к Баскакову. В.М. Насилов перешел в другую структуру. В.Н. Путилов приехал, Н.В. Емельянов с ним встречался. Благодарит Е.И. Коркину за командировку

* К.Г. Менгес (22.04.1908–20.03.1999) — известный славист и алтаист. Профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк).

Жанны в Ленинград. «Работаю над экспедиционными материалами».

Письмо В.Д. Лебедева из Ленинграда от 30 мая 1977 г. Е.И. Коркиной. На якутском языке.

27 мая прилетел в Ленинград и устроился в гостинице. 28 мая встретился с В.И. Циниус на даче Репина и сообщил ей об издании словаря. 31 мая вместе поехали в издательство «Наука». В Ленинград приехал К. Менгес, завтра встреча в 12 часов. Вскоре встречу с Путиловым. Здоровье хорошее, погода тоже.

6. Фотографии

При жизни Е.И. Коркина передала музею 9 фотографий из личного архива в ноябре 2001 г.

1. *Подруги*: Слева направо: Людмила Ивановна Убрятова (сестра Елизаветы Ивановны), Прасковья Михайловна Иванова, Елизавета Ивановна Убрятова.

Фото коричневого цвета, наклеено на картон. Снимок погрудный. Размер вместе с картоном 25×32 см.

2. *Юрта*. На обороте запись Е.И. Коркиной «Юрта в Жереняхском наслеге Таттинского улуса, где проживал присланный в ссылку Э.К. Пекарский». Перенесена в Череххский мемориальный музей «Якутская политическая ссылка». Фото наклеено на картон — размер: высота вместе с картоном — 23 см, ширина — 30,5 см.

3. На снимке *А.П. Окладников, которому школьница завязывает красный галстук*. Алтай — 1977 г. Мендур — Сакконская средняя школа. Размер: высота — 24 см, ширина — 36 см.

4. *Новгородов Семен Андреевич*. Родной дядя Е.И. Коркиной. Фото передано музею в ноябре 2003 г. Фото наклеено на картон, само фото овальной формы. Снимок погрудный. Поворот головы влево. Размер с картоном — высота — 33 см, ширина — 23,5 см.

5. *Члены ученого совета Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР*. Слева направо *стоят*: Петров Николай Егорович, Боскоров Гаврил Ксенофонович, Барашков Петр Петрович, Софронеев Петр Спиридонович, *сидят*: Сафронов Федот Григорьевич, Романова Агния Васильевна, Коркина Евдокия Иннокентьевна, Харитонов Лука Никифорович, Николаева Валентина Викторовна. Размер 16,5×23,5 см.

6. *Вручение Красного знамени ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР председателем президиума ЯФ СО АН СССР академиком Н.В. Черским*. Знамя принимают директор ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР Е.И. Коркина и секретарь парторганизации

М.М.Федоров. Снимок первой половины 70-х годов. Размер — 16,5×22,5 см.

7. Групповой снимок — участники IV Всесоюзной тюркологической конференции (9–12 сентября 1985 г.). Ашхабад.

Е.И. Коркина в первом ряду справа четвертая. Размер — 18,5×27,5 см.

8. Ксерокопия фото — *Е.И. Коркина молодого возраста*, в период учебы в землеустроительном техникуме. Погрудный портрет. Размер 14×20,5 см.

9. Два варианта фотопортрета — *Е.И. Коркина* (погрудный).

1) Размер 6×10 см. Снимок 1960 г. Москва. 2) 8,5×11,5 см.

В июне 2011 г. удалось пополнить фонд № 1 музея фотографиями из личного альбома Е.И. Коркиной. Эту возможность предоставила нам невестка А.А. Тихонова.

1. Фото — *Тихонов Гаврил Павлович*. Супруг Е.И. Коркиной. Последние годы работал председателем Радиокomiteта при СНК ЯАССР. Черно-белое фото, портрет погрудный. Размер 14×9 см. (На обороте фото запись — 18 февраля 1967 г.).

2. Семейный снимок: *Г.П. Тихонов, Е.И. Коркина, сыновья Иван и Василий*. Фото с коричневым оттенком, снимок погрудный, размер 11,5×17 см. (На обороте отметка — 1963, Москва).

3. Снимок сыновей: *Иван и Василий*. Фото с коричневым оттенком, снимок погрудный, размер 11,5×17 см. (На обороте — 1963 [Москва, на сыновьях та же одежда, что и на предыдущем снимке]).

4. Снимок — *Г.П. Тихонов с сыном Иваном*. Черно-белое фото, снимок погрудный, размер 8×12,5 см. (на обороте — Рига, декабрь 1966 г.).

5. Снимок — *Е.И. Коркина с внучкой Евгенией Тихоновой*. Черно-белое фото, размер 13,5×8 см (На обороте отметка — апрель 1988 г.)

Старший сын Иван Гаврилович Тихонов работал в Институте космофизики и аэронавтики ЯФ СО АН СССР. Умер в 1992 г.

Младший сын Василий Гаврилович Тихонов, кандидат биологических наук, чл.-корр. Петровской академии наук и искусств, замдиректора департамента при Министерстве охраны природы РС(Я). Умер в 2009 г.

6. *3-й республиканский съезд женщин* (6–8 октября 1952 года). Якутск, Государственный русский драматический театр.

Полностью расшифровать имена изображенных на фото женщин невозможно. Справа налево: третья — Е.И. Коркина, первая — М.Д. Нар-

тахова, слева направо: стоит А.Я. Овчинникова, размер 11×17 см.

7. 9-й республиканский съезд женщин (22–23 марта 1991 года). Якутск. Фото Мирнинской районной делегации женщин. Размер 17,5×22 см.

Расшифрованы пока лишь имена женщин, сидящих в первом ряду.

Слева направо: 1 – неизвестная, 2 – Е.Н. Горохова, 3 – А.Я. Овчинникова, 4 – Е.И. Коркина, 5 – С.А. Курчатова, 6 – неизвестная, 7 – С.Е. Николаева.

8. На ленинском коммунистическом субботнике. 11 апреля 1970 г. Женская дружина ИЯЛИ.

Слева направо: 1. З.И. Филипова, 2. Д.Е. Игнатьева, 3. С.А. Федосеева, 4. Н.М. Щербакова, 5. Л.Д. Петрова, 6. Л.Ф. Рожина, 7. М.Т. Жиркова, 8. В.Д. Кривошапкина, 9. Е.И. Коркина, 10. М.Я. Жорницкая, 11. А.А. Билокина, 12. Н.С. Евсеева, 13. Д.Е. Васильева, 14. А.Л. Новгородова, 15. К.Н. Корякина, 16. С.П. Ойунская. Размер 18×23 см.

9. I республиканский слет поколений комсомольских работников. Апрель 1967 г. Якутск. На снимке Е.И. Коркиной нет. Размер 16×22,5 см.

10. На совещании «Развитие производительных сил ЯАССР», июнь 1979 г.

Слева направо стоят: 1 – неизвестная, 2 – В.В. Ковальский, 3 – Л.Г. Еловская, 4 – Е.И. Коркина, 5 – А.А. Трофимук. Размер 11×19 см.

11. *Ысыах в с. Татта 1983 год*, посвящен 90-летию П.А. Ойунского. Фото наклеено на картон. Размер 22,5×29 см.

Справа налево: сидит вторая Е.И. Коркина и обнимает внуку Женю Тихонову, дочь сына Василия.

12. *Друзья*. Сидят слева направо: Е.И. Коркина, А.Я. Овчинникова, П.И. Докторов, стоит А.И. Паисеева. Размер 10×15 см.

13. В Институте ЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Сидят директор института З.В. Гоголев и младший научный сотрудник Н.П. Шамаева 60-е годы XX в. Черно-белое фото. Размер 10×22,5 см.

14. *Сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР*: Лебедев Василий Дмитриевич, к.ф.н., член Союза писателей СССР; Лебедева Жанна Карувна, к.и.н. и их дети Дима и Жанна. На обороте «Дорогой Евдокии Иннокентьевне от семьи Лебедевых, г. Ленинград, декабрь 1968 г.». Размер 8×11,5 см.

15. *Мария Николаевна Андросова-Ионова*. Фото-портрет – переснимок из группового снимка. Сделан в полный рост, но в сидячем положении. Черно-белое фото. Размер 21×10 см. Первая из женщин якуток, приобщившаяся к

литературно-творческой и научно-исследовательской работе. Родилась 14 окт. 1864 г.

16. *М.Н. Андросова-Ионова с дочерью Ольгой*. Черно-белое фото. Опубликовано в книге «М.Н. Андросова-Ионова. Олонхо, песни, этнографические заметки, статьи». Якутск, 1998, с. 21. Размер 8,5×15 см.

Есть в фонде и фотографии, переданные в дар музею племянницей Е.И. Коркиной, д.с.-х. наук Барашковой Натальей Владимировной, в сентябре 2011 г. (Акт № 77 основ. фонда).

1. На снимке – Е.И. Коркина в полоборота и Елена Семеновна Новгородова. г. Ленинград, 70-е годы. Погрудный снимок. Размер 16×11 см.

2. На снимке – Е.И. Коркина и профессор, д.б.н. В.Н. Андреев. На обороте рукою Е.И. написана дарственная надпись «Наташа! Дарю тебе профессора В.Н. Андреева, в придачу самую себя. Тетя Дуся. 24/V – 77г.» Размер 8×12 см.

3. На снимке – Е.И. Коркина, внука Женя, сын Василий – отец Жени. На обороте рукою Е.И. написана дарственная надпись «Дорогим Тане и Коле Барашковым. На память о нашей встрече летом 1985 года. Тетя Дуся 3/VIII 85г.» Размер 11×17 см.

Есть в фонде две ксерокопии; подлинники у Н.В. Барашковой.

4. Фото – *Барашковы*. Новоселье. 1994 г. На снимке 1-й ряд.

Слева направо: Собакин Афанасий Петрович, Собакина-Барашкова Татьяна Ивановна, Коркина Евдокия Иннокентьевна, Новгородова Екатерина Иннокентьевна, Барашков Николай Владимирович.

2-й ряд – Барашкова Наталья Владимировна, Скорикина Нина Григорьевна (жена Собакина А.П.), Барашкова Дарья Николаевна (жена Ник. Владимировича).

5. *Последняя встреча Е.И. Коркиной с родственниками – 2006 г.*

На снимке – Барашкова-Собакина Татьяна Ивановна, Филиппова (Новгородова) Елена Иннокентьевна, Коркина Евдокия Иннокентьевна, Новгородова Екатерина Иннокентьевна.

Часть снимков из домашнего альбома Е.И. Коркиной находится в компьютерном фонде музея.

Таково содержание первого основополагающего личного фонда № 1 Е.И. Коркиной в музее истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГИиПМНС.

С.А. Иванов

Роль Е.И. Коркиной в изучении якутской диалектологии

В монографии Е.И. Коркиной «Северо-восточная диалектная зона Якутского языка» были описаны свыше двадцати фонетических различий, около двадцати морфологических расхождений, бытующих в говорах северо-восточной диалектной зоны. В статье сжато излагаются некоторые из них с точки зрения исторической диалектологии якутского языка.

Ключевые слова: аффикс, говоры и диалекты, акающие и окающие варианты, гармония гласных, дифтонгизация монофтонгов, монофтонгизация дифтонгов, долгие гласные и дифтонги, показатель множественности, форма симулятивности.

Е.И. Коркина была и остается крупным специалистом в области якутской грамматики и диалектологии. Еще будучи директором Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР (1963–1984 гг.) Е.И. Коркина написала и опубликовала капитальные монографические работы, посвященные изучению грамматики якутского глагола [Коркина, 1970. 1979. 1982. 1985].

Характерной особенностью этих работ является то, что в них впервые в якутском языкознании внедряется практика умелого и уместного использования уникальных диалектных материалов, обнаруженных в своих же полевых текстах, записанных во время экспедиционных поездок в северные улусы. В результате создавались интересные и содержательные монографические сочинения с оригинальными научными трактовками.

Таинственной природой якутских говоров и диалектов Е.И. Коркина заинтересовалась еще в молодые годы, уже в шестидесятих годах прошлого века она успела описать местные особенности говоров момских (1957 г.), булунских (1959 г.), оленекских (1959 г.), нюрбинских (1960 г.) якутов. На основании собранного материала написала [Коркина, 1957, 1959а, 1959б] и опубликовала [1961а, 1961б, 1961в] ряд диалектологических работ. Некоторые любопытные сведения, зафиксированные в них, были в дальнейшем использованы в качестве иллюстративного материала.

В 90-х гг. прошлого столетия Е.И. Коркина, находясь уже в солидном возрасте, с молодым задором взялась за углубленное изучение говоров, диалектов родного языка. На этот раз опытный учёный-языковед с хорошими практическими, теоретическими познаниями орга-

низовала диалектологическую экспедиционную поездку в северо-восточные улусы Республики Саха (Якутия) и Магаданскую область.

Во время длительного, утомительного, но интересного для Е.И. Коркиной путешествия, её сопровождали молодые научные сотрудники Р.Р. Жиркова (после этого она защитила кандидатскую диссертацию об интонационных особенностях речи колымских якутов) и Н.И. Попова (занимающая сейчас должность заместителя директора ИГиИПМНС СО РАН, работающая над докторской диссертацией об одной сложной категории глагола). Экспедиция, невзирая на трудности дороги, потерю времени и сил, на месте внимательно наблюдала за живой непринужденной речью верхожанских, саккырырских, усть-янских, аллаиховских, абыйских, момских, колымских, оймьконских и магаданских якутов. В результате этой упорной поисковой работы небольшого коллектива полеводов был собран богатый материал, на основе которого Е.И. Коркиной написана монография «Северо-восточная диалектная зона якутского языка», которая издана в 1992 г.

Названная работа представляет собой систематическое описание одной из четырех диалектных зон якутского языка — северо-восточной, которая до сих пор сохранила многие архаические черты во всех областях языка. Работа не только подтвердила и уточнила ранее выявленные фонетические, грамматические диалектные явления, но и открыла новые факты, ранее не замеченные в условиях кратковременного полевого обследования.

В монографии описано более двадцати наиболее броских диалектных фонетических различий и около двадцати грамматических рас-

хождений, имеющих существенное значение не только для исторической диалектологии, но и исторической грамматики языка саха, хотя автор работы часто воздерживался давать обширные комментарии к тем или иным диалектным явлениям. Ниже мы позволим себе остановиться только на некоторых моментах.

1. В работе затрагивается проблема якутского аканья ~ оканья — фонетического диалектного различия акающих и окающих говоров современного якутского языка, возможно, диагностического признака двух древних якутских диалектных образований. Якуты северо-восточных улусов придерживаются акающего варианта произношения слов тюркского, и — преимущественно монгольского происхождения [Коркина, 1992, с. 15–19; 126–127; 178–179; 206–207; 218–22].

В якутском языкознании выдвигались различные интерпретации природы вышеупомянутого аканья ~ оканья. В работе Е.И. Коркиной вкратце изложены суждения проф. Е.И. Убрятовой, П.П. Барашкова, С.А. Иванова, высказанные по поводу происхождения, локального развития и территориального распространения этого явления. В то же время не упомянуты версии академиков О.Н. Бётлингга [1989, с. 145, § 58] и В.В. Радлова [1908, § 4], которые первыми в тюркологии, в том числе якутоведении, почти точно установили внешние и внутренние причины происхождения якутского аканья ~ оканья. Эта версия получила дальнейшее развитие в последующих исследованиях, прежде всего, проф. Е.И. Убрятовой [1960, с. 39–49].

Если происхождение якутского аканья ~ оканья, как пишет Е.И. Убрятова, довольно легко объясняется с точки зрения закономерностей фонетических модификаций и альтернатив, то гораздо труднее объяснить, почему именно в одной местности получило локальное развитие якутское аканье, а в другой — оканье. Трудности возникают из-за того, что мы не располагаем никакими древними письменными источниками, не имеем достоверных исторических сведений, археологических доказательств и фольклорных сюжетов, кроме отдельных правдоподобных предположений.

По мнению Е.И. Убрятовой, акающие и окающие варианты произношения в якутских говорах появились с установлением ныне действующих законов гармонии гласных в словах тюркского и монгольского происхождения, в которых исторически был разный состав гласных. В одних местах аканье установилось по

качеству гласного первого слога слова, в других местах оканье утвердилось по качеству гласного последнего слога.

По предположению Е.И. Убрятовой, аканье утвердилось на территории, заселенной каким-то монголоязычным населением, так как ударение в монгольских языках обычно падает на первый слог, а оканье — на территории проживания тюркоязычного населения, в языке которого ударение закрепилось в конце слова. Появление в якутских диалектах противопоставленных вариантов типа *хатын-хотун* ‘госпожа, почтенная женщина’, *дайды-дойду*, ‘страна, местность’; *сэриин-сөрүүн* ‘прохлада/прохладный’, *элиэр-өлүөр* ‘здоровый; трезвый’ произошло, по мнению Е.И. Убрятовой [Там же, с. 42, 48–49], в XVI–XVII вв.

Выводы, к которым приходит Е.И. Убрятова, хотя она специально не занималась изучением рассматриваемого явления, имели положительный отклик и оказались в центре внимания не только якутоведов и тюркологов, но и монголистов и тунгусоведов. Тем не менее, существуют моменты, требующие дополнительного обоснования, или вопросы, ожидающие ответа [Иванов, с. 18–39].

Как показывает картографирование этого явления, сосуществование ареалов акающих и окающих говоров без особо заметных взаимных проникновений их отличительных черт, а также полное совпадение изоглосс фонетических соответствий *а~о*, *э~ө* — главных признаков этих говоров [ДАЯЯ 2004, I, с. 41–46, карты 1–6; с. 67–70, карты 27–28] свидетельствуют о том, что вышеупомянутые древние диалектные образования сформировались не в результате распада на диалекты единого языка в Среднеленском крае, а в итоге объединения двух основных якутоязычных племенных групп в более позднее время. Распад древнеякутского языка произошел, по-видимому, за пределами нынешней территории Якутии, где-то в южных широтах.

2. Характерной диалектной фонетической особенностью северо-восточных говоров является преимущественное употребление дифтонгов *из*, *уо*, *үө* в исходе двусложных и трехсложных глагольных основ вместо долгих гласных *ээ*, *оо*, *өө*: *эмтиэ*- в.м. *эмтээ*- ‘лечить’, *босхолуо*- в.м. *босхолоо*- ‘освободить’, *өйдүө*- в.м. *өйдөө*- ‘помнить’ [Коркина, 1992, с. 19–23; 127–128]. В то же время наблюдается размывание данной фонетической особенности в верхоянском, усть-янском говорах и в речи оймьяконских якутов. «Затухание» излюбленного употребле-

ния дифтонгов в исходе глагольных основ, наблюдаемое в верхоянском и оймьяконском говорах, объясняется нормирующим влиянием якутского литературного языка, а сосуществование вариантов глагольных основ в усть-янском говоре связано с проникновением произносительной нормы говоров северо-восточной диалектной зоны.

Исследователи якутского языка, начиная с О.Н. Бётлингга и кончая современными якутоведами, рассматривают глагольные основы на дифтонги *-иэ-*, *-уо-*, *-өө-* как более древние, а основы на *-ээ-*, *-оо-*, *-үө-* как более поздние образования. Е.И. Коркина придерживается этого мнения, хотя давно существует мнение, согласно которому якутские фонетически сложные звуки (фонемы) *иэ*, *уо*, *үө* появились в результате дифтонгизации долгих гласных (фонем) *ээ*, *оо*, *өө*. Кроме того, по-видимому, следует учесть, что дифтонгизация монофтонгов предполагает в определенных условиях монофтонгизацию дифтонгов.

Употребление глагольных основ с дифтонгами в исходе противопоставляет северо-восточную диалектную зону северо-западной, где наблюдается предпочтительное употребление долгих гласных в этой позиции. Это резонно объясняется местным аборигенным влиянием: истари создавалась такая языковая ситуация, в условиях которой либо сохранились древнейшие долгие гласные, либо они появились на месте труднопроизносимых для здешних аборигенов дифтонгов.

Что касается преобладающего характера произношения дифтонгов в глагольных окончаниях, зарегистрированного в говорах северо-восточной диалектной зоны, то его следует считать языковой особенностью данного диалектного массива и рассматривать как черту архаическую, но отнюдь не изначальную, поскольку в якутском языке дифтонги исторически выработались, как давно было установлено, из долгих гласных [см.: СИГТЯ 1986, с. 14, 16, 17; 43, 47, 48, 49].

3. Е.И. Коркина в этой монографической работе зафиксировала одну из самых примечательных фонетико-грамматических особенностей колымских говоров. Это переход ауслаутного *p* в среднеязычный *j* в глагольных основах: *барай* в.м. общекытского *барар* 'идёт'; *олорой* в.м. *олорор* 'сидит'; *барайым* в.м. *барарым* 'я, обычно шёл'; *олоройум* в.м. *олорорум* 'я, обычно, сидел'; *бараайы* в.м. *бараары* 'чтобы идти'; *олороойу* в.м. *олороору* 'чтобы сидеть' и т.д., что довольно убедительно объясняется

влиянием юкагирского языка [см.: Коркина, 1992, с. 46–54].

Но сегодня, переход *p > j*, как пишет Е.И. Коркина, у верхнеколымских и группы аллаиховских якутов под воздействием норм литературного языка явно идет на убыль [Там же, с. 53–54].

В работе Е.И. Коркиной, как видно, отмечена внешняя причина происхождения этого фонетико-морфологического явления. Вместе с тем, как нам кажется, еще нужно учитывать и внутреннюю тенденцию, наблюдаемую в развитии и употреблении сонанта *p*.

Сонант *p* в тюркологии квалифицируется как звук неустойчивый, легко переходящий в другие звуки и даже за частую выпадающий [СИГТЯ 1984, с. 360–380]. В связи с этим интересно отметить, что «наиболее показательным в отношении изменения *-r-* в слове является уйгурский язык, в диалектах которого отмечены такие соответствия, как *r ~ j*, *r ~ l*, *r ~ z*, в середине слова. Подобная фонетическая субституция звука зависит, по мнению А.Кайдарова, прежде всего от особенности органа артикуляции речи уйгуров, а не от фонетических факторов языка» [Там же, с. 364].

В якутском языке сонант *p* — звук, легко поддающийся ассимилятивно-диссимилятивным изменениям, в силу чего весьма уязвимый для внешнего влияния.

Утверждая, что переход *r > j* основан на том, что первый отличается от второго лишь одним признаком — наличием вибрирующей смычки, исследователи констатируют: «*r > j*», иногда *r > j/ž* является характерной чертой диалектов уйгурского языка...», хотя данный переход sporadически встречается и в других тюркских языках [Там же, с. 374–375].

Таким образом, можно предположить, что переход *p > j* в якутских именных и глагольных основах своими корнями, вероятно, уходит в седую древность.

4. В колымских говорах Е.И. Коркина зафиксировала совершенно необычное для якутского языка стечение двух глухих согласных *-st* в конце слова: *киист* в.м. *киис* 'соболь', *кырынааст* в.м. *кырынаас* 'горностай', *этэрбэст* в.м. *этэрбэс* 'торбаза', *мобуст киһи* в.м. *мобус киһи* 'человек с большим аппетитом', *туост ураһа* в.м. *туос ураһа* 'берестяная ураса' и т.д., где слова с конечным согласным *s* подчеркиваются, акцентируются наращением к ним глухого взрывного *t*. Такого рода звуко сочетания Е.И. Коркина находит в «Областном словаре колымского русского наречия» В.Г. Тана-Бого-

раза — известного этнографа, писателя, языковеда, одного из зачинателей изучения народов Севера, создателя письменности для них [Юдакин, 2001, с. 86–87] — и приходит к однозначному заключению, по которому бытующее по сей день в говоре колымских якутов звуко сочетание *-ст* в конце слов связано с влиянием произносительных норм местных русских [см.: Коркина, 1992, с. 37–40].

5. В колымском, индигирском и верховьянском говорах северо-восточной диалектной зоны совместный падеж имен, выражающих родственные отношения, оформляется с помощью аффикса *-наан*, тогда как в оймяконском, усть-янском говорах и саккырыском подговоре верховьянского говора наряду с ним стал употребляться литературный аффикс *-ныын* [Там же, с. 44–45, 136, 187–188, 213, 235].

Притяжательный аффикс *-наан* развился из утраченного аффикса простого склонения *-лаан* в результате воздействия инфикса *-н-*, а *-ныын* — из *-лыын* [см.: Благова, с. 50, 242].

Ученые предполагают, что совместный падеж с аффиксом *-лыын* (...), отсутствующий в других тюркских языках, возник в якутском языке сравнительно недавно [Radloff, с. 32]. Е.И. Убрятова считала, что данный падеж перешел в якутский язык из тунгусских языков [Убрятова, 1985, с. 123–124]. Но существует мнение, согласно которому падежный форматив не заимствуется.

Картографирование данного диалектного падежного расхождения показал, что преимущественное употребление аффикса *-наан* характерно для восточного диалектного массива, а аффикс *-ныын* — для западного [ДАЯЯ, 2010, II, с. 93, карта 88].

6. Е.И. Коркина еще раз засвидетельствовала наличие в северо-восточной диалектной зоне эпизодического употребления показателя множественности *-ат* (...) в составе сложного аффикса *-ат-тар* (...): *атыыр-ат-тар* ‘оленьи быки’, *буур-ат-тар* ‘олени-самцы’, *күөл-эт-тэр* ‘озера’, *кыыл-ат-тар* ‘северные олени’, ‘волки’ *ыал-ат-тар* ‘группа юрт’, ‘соседи’ и т.д. [см.: Коркина, 1992, с. 42–43; 138, 188–189, 206, 210]. Она уверенно рассматривает аффикс *-ат* как разновидность монгольского суффикса множественности *-т*, хотя, с точки зрения современных исследователей, они разного происхождения: аффикс *-т* — согдийского происхождения [Кононов, 1980, с. 51, 147, Щербак, 1997, с. 188–189]; *-ат* — арабского, перенесенный через посредство персидского языка в не-

которые тюркские [Щербак, 1977, с. 88]. Похоже, что этот иностранный показатель множественности *-ат* сохранился в северных говорах якутского языка.

Картографирование показало, что наряду с предпочтительным употреблением показателя множественности *-лар* (...) все северные говоры, северо-восточные в особенности, характеризуются эпизодическим употреблением показателя множественности *-ат* (...) в составе сложного аффикса *-ат-тар* (...). В остальных якутских говорах господствующее положение имеет употребление аффикса *-лар* (...), хотя местами встречаются единичные случаи употребления слов с показателем множественности *-ат* (...) в составе аффикса *-ат-тар* (...) [ДАЯЯ, 2010, II, с. 88, карта 83].

7. Е.И. Коркина обратила внимание на то, что в северо-восточных говорах форма возможного наклонения образуется при помощи аффикса *-аара* (...) или *-аары* (...) с аффиксом сказуемости, тогда как в общеп якутском языке форма данного наклонения обычно образуется посредством аффикса *-аайа* (...) с аффиксом сказуемости. Таким образом, в якутском лингвистическом ареале сосуществуют две разновидности спряжения возможного наклонения: *мин бар-аайа-бын* — диал. *бар-аара-бын* ‘авось пойду’, *эн бар-аайа-бын* — диал. *бар-аара-бын* ‘авось пойдешь’, *кени бар-аарай* — диал. *бар-аарай* ‘авось пойдет’.

Первые словоформы, по всей вероятности, развились и сохранились от древнетюркского желательного наклонения на *-γай ~ -gāj*, ср., например: *Qut bir-gāj men timiř* ‘Я дам тебе счастье, — сказал он’ — якут. *Кут биэр-ээйэ-бин*, — диэбит. ... *öl-gāj men timiř* ‘Я, возможно, умру, — сказал он’ — якут. *өл-өөйө-бүн*, — диэбит [Использованы иллюстративные материалы А.Н. Кононова, 1980, с. 190, 192–193].

Форма возможного наклонения на *-аа-р-а-бын*, по-видимому, восходит к древнему причастию на *-γа+r*, где *-γа* — аффикс причастия будущего времени, *-r* — общеалтайский аффикс аориста, *-а* — инфикс, выполняющий соединительную функцию, *бын* — аффикс сказуемости. Так как древнее причастие будущего времени на *-γа* имело значение «желательности, долженствования, возможности осуществления действия, названного производящей основой» [Кононов, 1980, с. 90, § 110], что вполне соответствует значениям, выражаемым формой якутского возможного наклонения.

8. Вне внимания ученого не осталась редкая форма возвратного залога небольшого числа

переходных глаголов типа *үүннэстэбин* (от *үүн* – ‘расти’ + *-нэс* – омертвелый аффикс побудительного залога + *-т* – переобразованный аффикс возвратного залога *-н-* + *-э-* – инфикс соединительный + *-бин* – аффикс сказуемости) ‘выращиваю для себя’ – в м. лит. и общераспространенного *үүн-нэр-ин-э-бин*; *киллэстэбин* – в м. *киир-лэр-ин-э-бин* ‘приношу себе, для себя’; *алластабын* – в м. *ал-лар-ын-а-бын* ‘прорубаю прорубь себе’ (от **сал-* в значении ‘бить, ударять’, [ЭСТЯ, 2003, с. 175] (?) + *-лар* (**-тар < *-tir*) – всего 5–6 слов, зафиксированных в материалах колымских говоров Е.И.Коркиной [1992, с. 57]. Единичные случаи употребления такой же формы возвратного залога зарегистрированы в говорах северо-западной диалектной зоны.

Картографирование явно показывает, что былой сплошной диалектный ареал разрушен распространением различительных признаков южных говоров, где безраздельно господствовала словоформа возвратного залога, типа *үүннэринэбин*, *киллэринэбин*, *алларынабын*, [ДАЯЯ, 2010, II, с. 113, карта 108].

Таким образом, в области распространения якутского языка все ещё сосуществуют две разновидности спряжения формы возвратного залога:

<i>үүннэринэбин</i>	<i>үүннэстэбин</i>
<i>киллэринэбин</i>	<i>киллэстэбин</i>
<i>кыынньарынабын</i>	<i>кыынньастабын</i>
<i>көһнөрүнэбин</i>	<i>көһнөстөбүн</i> и т.д.

Всего 10–12 словоформ.

Первые образованы от основ побудительного залога *үүн-нэр*, *киир-лэр*, *кыыҥ-ньар*, *көн-нөр*, понятных и везде употребительных слов, где аффиксы *-нар*, *-нэр*, *-нор*, *-нөр* соответствуют аффиксам др. -тюрк. понуд. залога *-tur*–*-tür* [см. Кононов, 1980, с. 181, § 324] (возможно, *<-*tir*).

Вторые – от непонятных, сегодня не употребляемых слов: *үүн-нэс-*, *кил-лэс-*, *кыын-нья-с*, *көн-нөс-*, где омертвелые аффиксы *-нас*, *-нэс*, *-нос*, *-нөс* соответствуют аффиксам др. -тюрк. понуд. залога *-tiz*, *-tüz*, *-tuz*, *-tüz* [Там же, 1980, с. 181, § 324].

Основы приведенных противопоставленных вариантов *үүннэр-инэбин* ~ *үүнэс-тэбин*, *кыын-ньар-ынабын* ~ *кыынньас-табын*, *аллар-ынабын* ~ *аллас-табын*, *көһнөр-үнэбин* ~ *көһнөс-төбүн* и т.д. находят соответствующую параллель в древнетюркских письменных источниках: *altiz*– побуд. от *al-* (?) ~ *altur*– побуд. от *al-* ‘велеть, взять’ [ДТС, с. 40] ; *bildüz*– побуд. от *bil-* ‘научить

делу’ ~ *bildür* побуд. от *bil-* ‘сообщать, свидетельствовать’ [ДТС, с. 99]; *bulduz*– побуд. от *bul-* ‘заставить найти’ [ДТС, с. 122] ~ *bultur*– побуд. от *bul-* ‘заставить достигнуть’ [ДТС, с. 123] и т.д.

9. Обострённый слух Е.И. Коркиной уловил в говоре саккырырских якутов редчайший случай употребления модальных глаголов, оформленных аффиксом *-мсий-* (*-ымсий-*), придающим производным глаголам значение недействительного, притворного характера действия: *кыыһыр-ымсий-а сытар* ‘лежит, делая вид, что он сердится’; *үлэ-лээ-мсий-эн көр* ‘сделай вид, что ты работаешь’; *ыалдьы-мсий-а* (*<ыарый-ымсий-а*) *сытар* ‘лежит, притворившись больной’ [Коркина, 1992, с. 214].

В подавляющем большинстве говоров вместо них можно ожидать аналитические конструкции, состоящие из притяжательного причастия на *-быт* и глагола *буол-*, содержащего еще аффикс деепричастия *-а* или *-ан*: *кыыһырбыта буола сытар*; *үлэлээбитэ буолан көр*; *ыалдьыбыта буола сытар*. Как видно, симулятивные формы образованы от глагольных основ *кыыһыр-* ‘сердиться; гневаться’, *үлэлээ-* ‘работать; трудиться’, *ыарый-* ‘болеть, хворать’ при помощи аффиксов *-мсий* (*-ымсий*), что в якутском языке – весьма редкое явление, так как в посредством этого аффикса образуются переходные глаголы преимущественно от имен существительных и прилагательных: *тойомсуй-* ‘корчить из себя начальство’ – от *тойон* ‘господин, глава, начальник’; *ойумсуй-* ‘проявлять себя в качестве шамана’ – от *ойун* ‘шаман’; *байымсуй-* ‘показывать себя богатым’ – от *баай* ‘богатый’, *улуутумсуй-* ‘гордиться, важничать’ – от *улуу* ‘великий’ и т.д. [см.: Харитонов, с. 143–144].

Примечателен тот факт, что якутский диалектальный аффикс *-ымсий* (...) корреспондирует с древнетюркским *-msin*, *-imsin*, образующим модальные глаголы со значением симулятивности [ДТС, с. 658]: *alimsin*– симул. от *al-* ‘делать вид берущего’ [ДТС, с. 35]; *barimsin*– симул. от *bar-* ‘делать вид уходящего’ [ДТС, с. 34]; *bilimsin*– симул. от *bil-* ‘делать вид знающего’ [ДТС, с. 100] – всего в ДТС обнаружено нами около двадцати лексических единиц.

10. Лексика северо-восточных говоров, подробно описанная Е.И. Коркиной, вызывает повышенный интерес, так как почти каждое диалектное слово помогает выяснить фонетические, морфологические, лексико-семантические особенности территориальных диалектов.

В лексико-грамматическом отношении лексические диалектизмы говоров северо-восточ-

ной диалектной зоны представлены именами существительными, именами прилагательными, местоимениями, глаголами и наречиями. Всего в зоне (исключая верхоянский говор) диалектных слов, неизвестных в литературном языке, насчитывается по собранным материалам Е.И. Коркиной 471 единица: в том числе диалектизмов, встречающихся только в колымском говоре, — 69 единиц; диалектизмов, встречающихся только в индигирском говоре, — 93, в оймьяконском говоре — 60, в саккырырском подговоре — 22, в усть-янском говоре — 53. Диалектных слов, встречающихся во всех говорах зоны (общих для зоны) или в части из них, набралось 174 слова [см.: Коркина, 1992, с. 258].

В диалектной лексике изучаемой зоны Е.И. Коркиной обнаружены слова-названия, связанные с северной природой, ее ландшафтом, флорой и фауной, спецификой ведения хозяйства в северных условиях; слова, обозначающие внешние признаки, внутреннее состояние, глаголы действия и состояния; наречия и служебные слова. В работе подробно рассмотрен исторический состав лексики изучаемой диалектной зоны: исконно тюркские слова; слова, имеющие монгольские, тунгусские параллели, лексические заимствования из языка местных русских, юкагиров, а также чукчей; устаревшие и устаревающие слова, встречающиеся в якутском литературном языке очень редко, но в диалектах активно употребляющиеся. В работе также затронуты проблемы расширения и смещения значений общек якутских слов, различных метафорических переносов; образования сложных слов типа *бааһык* ~ *боһуук* 'поперечная перекладина на нарах' (от бас 'голова' + *уһук* 'край, окраина'); *уһарбаата* 'запечный простенок, запечек' (от *оһох* 'печь' + *арбаа-та* 'задняя сторона -её'); *сирэһэ* 'ягоды' (от *сир* 'земля' + *аһ-а* 'плоды -её') и т.д.

Таким образом, даже эти отрывочные извлечения из основных разделов книги Е.И. Коркиной «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» воочию свидетельствуют о том, что она, как опытный диалектолог, оставила глубокий неизгладимый след в якутской диалектологии и возобновила плодотворную идею профессора Е.И. Убрятовой — идею сравнительно-сопоставительного изучения якутских территориальных диалектов, которые до сих пор еще хранят довольно заметные следы древних тюркизов, монголизмов и других явлений.

СОКРАЩЕНИЯ

ДАЯЯ I — Диалектологический атлас якутского языка. Сводные карты: Ч. I: Фонетика / сост. С.А. Иванов. — Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2004. — 128 с.; 82 ил.

ДАЯЯ II — Диалектологический атлас якутского языка. Сводные карты: Ч. II. Морфология и лексика / сост. С.А.Иванов. — Новосибирск: Наука, 2010. — 178 с.; 90 ил.

диал. — диалектная форма.

ДТС — Древнетюркский словарь. — Л.: 1969. — 676 с.

лит. — литературная форма.

побуд. — форма побудительного залога.

понуд. — форма понудительного залога.

СИГТЯ 1984 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. — М.: Наука, 1984. — 484 с.

СИГТЯ 1986 — Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. — М.: Наука, 1986. — 303 с.

симул. — форма симулятивности.

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские, межтюркские основы на буквы Л. М. Н. П. С. — М., 2003. — 446 с.

ЛИТЕРАТУРА

Бётлингк О.Н. О языке якутов / Пер. с нем. Рассадин В.И. — Новосибирск: Наука, 1989. — 646 с.

Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. — М.: Наука, 1982. — 303 с.

Иванов С.А. Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика. — Новосибирск: Наука, 1993. — 352 с.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. — Л.: Наука, 1980. — 256 с.

Коркина Е.И. Говор якутов Момского района: Рукопись, 1957 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Ед. хр. 232, 252.

Коркина Е.И. Говор населения Оленёкского района: Рукопись, 1959а // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Ед. хр. 282.

Коркина Е.И. Говор якутов Булунского района: Рукопись, 1959б // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 6. Ед. хр. 279.

Коркина Е.И. О некоторых особенностях говора якутов Момского района // Сб. диалектологических материалов якутского языка. — Якутск: Кн. изд-во, 1961а. — С. 18–42.

Коркина Е.И. О некоторых фонетических особенностях говора населения Оленёкского района // Труды ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, вып. 3(8). — Якутск, 1961б. — С. 79–88.

Коркина Е.И. Некоторые морфологические особенности говора населения Булунского района // Научные сообщения ЯФ СО АН СССР, вып. 6. — Якутск, 1961в. — С. 59–64.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. — М.: Наука, 1970. — 308 с.

Коркина Е.И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. — Якутск: Кн. изд-во, 1979. — 95 с.

Коркина Е.И. Деепричастия в якутском языке. — Новосибирск: Наука, 1985. — 204 с.

Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. — Новосибирск: Наука, 1992. — 270 с.

Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 151 с.

Убрятова Е.И. Язык норильских долган. — Новосибирск: Наука, 1985. — 216 с.

Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. — 312 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). — Л.: Наука, 1977. — 190 с.

Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). — СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1997. — 292 с.

Юдакин А.П. Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание: Энциклопедия. — М., 2001. — 599 с.

Radkoff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. — SPb., 1908. — 86 S.

S.A. Ivanov

E.I. Korkina's role in studying of the Yakut dialectology

E.I. Korkina's monograph «North-eastern dialectal zone of the Yakut language» describes more than twenty phonetic differences, around twenty morphological discrepancies prevailing in the idioms of the north-eastern dialectal zone. The article gives a succinct exposition of these differences from the point of view of historical dialectology of the Yakut language which present most interesting linguistic data.

Keywords: affix, idioms and dialects, akaniye and okaniye variants, vowel harmony, diphthongization of monophthongs, monophthongization of diphthongs, long vowels and diphthongs, plurality marker, simulative form.

УДК 811.512.157'366.587

Г.Г. Филиппов

Вклад Е.И. Коркиной в исследование модальности глагола

В статье раскрывается вклад Е.И. Коркиной в разработку проблем модальности. Отмечается большое научное значение ее исследований в изучении видовых форм глагола, причастий и деепричастий.

Ключевые слова: категория модальности, наклонения, аналитические формы глагола, причастия, деепричастия, инфинитив, личные формы глагола, модальные глаголы, вспомогательные слова, лично-отнесенные формы глагола.

Исследование категории модальности является одним из основных направлений языкознания. Язык — средство общения, а без выражения модальности общение невозможно. Модальность — всеобъемлющая языковая категория, поэтому ни один исследователь, независимо от того, какую проблему он изучает, не может её обойти. К наиболее важным вопросам изучения модальности относятся вопросы об ее содержании, формах и способах ее выражения, об использовании тех или иных форм в разных языках.

Е.И. Коркина детально изучила наклонения глагола в якутском языке под углом теории модальности. Такой подход обусловлен тем, что определяющим признаком предложения явля-

ется модальность сказуемого, выраженного глагольной формой. А в глаголе модальность выражается через его функциональные формы и разные формы наклонения. По сравнению с предыдущими исследователями, она более углубленно рассмотрела все аспекты модальности, обобщила опыт ее изучения, систематизировала средства ее выражения. Е.И. Коркина придерживалась определения модальности как категории, выражающей отношение сообщения к действительности, устанавливаемое с точки зрения говорящего лица. Такое понимание категории языковой модальности было дано В.В. Виноградовым и принято большинством тюркологов. При этом наклонение, которое «представляет грамматическую катего-

рию в системе глагола, определяющую модальность действия», Е.И. Коркина [1970, с. 27] считала ведущим способом выражения модальности.

В соответствии с этим определением, исследовав личные формы глагола, она выявила в якутском языке десять наклонений. Кроме этого, установила существование примыкающих к наклонениям лично-глагольных конструкций, которые также выражают модальное значение, но не отвечают критериям наклонения. Первую группу составляют сочетания причастия на *-бах*, *-ар*, *-быт* со вспомогательным глаголом *буол*-. В тюркологии такие сочетания известны под названием перифрастических форм глагола. Вторую группу составляют «несвободные или полусвободные синтаксические словосочетания с модальным значением» [Там же, с. 31], образованные также на базе причастных форм. Третья группа этих конструкций представлена сочетанием причастий на *-бах*, *-ар*, *-быт* со спрягаемыми модально-эмоциональными словами.

Надо сказать, что Е.И. Коркина написала три работы по модальности глагола. Первая работа «Формы прошедшего времени в якутском языке» (1960) — диссертация на соискание ученой степени кандидата наук, вторая — «Наклонения глагола в якутском языке» (1970) и третья работа — «Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке» (1979).

В работе о наклонениях глагола в якутском языке уточнила содержание категории модальности, в связи с этим определила видовое значение глагола, которое переплетается со значением модальности. Для этого подробно изучила работы якутских и тюркских исследователей. Она отметила, что количество форм наклонения, их названия, различия в определениях наклонений зависят не только от недостатка фактического материала, но и от подхода каждого ученого. Исследовав труды грамматистов о времени и наклонениях глагола, она отмечает: «Усилиями предшествующих поколений лингвистов-якутоведов оказались зафиксированными многие формы наклонений, высказан ряд интересных догадок о происхождении отдельных наклонений, даны различные интерпретации по их значению и употреблению» [Там же, с. 17]. Е.И. Коркина отметила также, что «слабым и узким местом этих описаний является то, что в них категория наклонения рассматривается без увязки с категорией модальности, т.е. в отрыве от той базы, которая составляет

основное грамматическое содержание категории наклонения» [Там же].

Е.И. Коркина, пришла к выводу, что в якутском языке можно выделить десять наклонений (изъявительное, повелительное, условное, возможное, утвердительное, долженствовательное, наклонение несовершившегося действия, наклонение обычно совершаемого действия, сослагательное, предположительное).

В монографии «Наклонения глагола в якутском языке» Е.И. Коркина внесла много нового в исследование якутского глагола: в изъявительном наклонении выявила 8 времен, из них четыре установила сама, выделила близкое и отдаленное будущее время повелительного наклонения, формы просьбы и вопроса в утвердительном, возможном наклонениях и в наклонении обычно совершаемого действия, выявила использование в диалектах аффикса *-быһык* в утвердительном наклонении. Вкладом в изучение форм глагола является также приведенное ею описание значения и временных форм долженствовательного наклонения, функций аналитических форм на *-бах тустаах*, *-бах кэрингнээх* и значений формы на *-бах*. Основываясь на работах Е.И. Убрятовой, она подробно рассмотрела формы выражения несовершившегося и предположительного действия и включила эти формы в разряд наклонений.

Таким образом, Е.И. Коркина подробно исследовала все формы, относящиеся к категории наклонения якутского языка, другими словами, оценку говорящим действия по отношению к окружающей действительности. При этом все оттенки, краски модального значения каждого наклонения ученый подтвердила убедительными примерами. Ее исследование о наклонениях — позитивное освещение позиций известных исследователей Л.Н. Харитонов, Н.С. Григорьева, Е.И. Убрятовой, Н.Е. Петрова. Поэтому помимо модальности затрагивает и наиболее перспективные темы, что, безусловно, обогащает содержание работы и рождает новые идеи.

В тюркологии в установлении связей модального значения со значением времени имеются спорные моменты. Многие исследователи считают, что значение времени есть только в изъявительном наклонении, а в других наклонениях понятие времени отсутствует. Е.И. Коркина, начиная с работы «Формы прошедшего времени в якутском языке», акцентирует внимание на том, что в модальности имеется значение времени. Она отмечает,

что в изъявительном и долженствовательном наклонениях содержится значение настоящего, прошлого и будущего времени; в повелительном наклонении укоренилось значение близкого будущего и отдаленного будущего времени. Наклонение несовершившегося действия она рассматривала в двух временных аспектах — в настоящем и прошедшем. Е.И. Коркина отмечает, что в наклонении обычно совершаемого действия наряду с вневременным характером выражается и прошедшее время; возможное и утвердительное наклонения воспринимаются только в плане будущего времени. Действия, выражаемые формой возможного наклонения, соотносятся с будущим временем, сослагательное наклонение предполагает прошедшее и будущее время, а предположительное наклонение отличается тем, что «не обладает одним постоянным временным значением» [Коркина, с. 270].

Для определения значений времени и модальности нужно обратить внимание на два момента: во-первых, значение времени зависит от факта и реакции говорящего в момент речи, этому надо придавать особое значение. В изъявительном наклонении выражается значение прошедшего и настоящего времени, которое зависит от реального момента речи. Мы, исходя из момента речи, говорим: *ушла, ухожу и уйду*. Во-вторых, если условно изменить настоящее время, то прошедшее и будущее время тоже изменяются. Тогда форма *барыхтаах* этим с передвинутым моментом речи понимается как прошедшее время, а на самом деле, она передвинутая в прошедшее время форма настоящего времени и выражает значение будущего времени. Поэтому форма будущего времени *-ыхтаах* понимается как форма со значением прошедшего времени. Отсюда видно, что даже по отношению к нереальному времени во всех наклонениях обязательно отражается значение времени.

Как известно, значение времени в языках флективного строя связано со значением вида. В якутском языке такое явление отмечается в значениях прошедшего и настоящего времен. Некоторые аналитические формы прошедшего времени, описанные Е.И. Коркиной (некоторые наклонения тоже) выражают значение вида. При сопоставительном изучении с русскими формами времени этот факт выявился бы яснее.

Много нового Е.И. Коркина внесла в сопоставительное исследование якутского глагола. Она установила, что форма *-аайа*, имеющая в

тюркских языках значение желания, в якутском языке сформировалась как возможное наклонение. Форма на *-ыһы*, встречающаяся в тюркских языках, в якутском языке приобрела утвердительное значение. Кроме этого она отметила, что наклонения обычно совершаемого действия на *-ааччы* и несовершившегося действия на *-а/-ыы* встречаются только у тюрков Сибири. Далее она отметила, что только в якутском языке долженствовательное (*-ыхтаах, -ардаах*), условное второе (*-тахпына*), предположительное (*-табым*) наклонения используются в значениях возможного наклонения. Все это подтверждает тот факт, что якутский язык отделился от тюркских языков давно, долгое время развивался отдельно, сохранив архаичные явления. Основываясь на этих фактах, Е.И. Коркина сделала новые предположения о способах образования наклонений. Она отметила, что форма отрицания настоящего времени *-бат* имеет древнетюркские корни от *-мас* и *-мар*. Формы будущего времени повелительного наклонения *-ых* восходят к причастиям и соответствуют аффиксу *-аах*. Это спорное положение, по этому поводу высказаны разные мнения. Далее Е.И. Коркина отмечает, что форма на *-ыһы* утвердительного наклонения соответствует тюркскому аффиксу *-асы*. Она соглашается с предположениями исследователей о том, что аффикс возможного наклонения *-аайа* восходит корнями к форме на *-бай*. Ученый впервые высказала предположение о том, что аффикс обычно совершаемого действия *-ааччы* образован слиянием аффиксов *-ар* и *-чы*. Если исходить из значения этой формы, с таким мнением можно согласиться, но с точки зрения фонетики оно спорно. Надо сказать, что вывод Е.И. Убрядовой о происхождении данной формы по схеме *-бач > -аат + чы* более убедителен. Таким образом, Е.И. Коркина придерживается мнения о том, что эти формы наклонений раньше были образованы от причастий, что подтверждается их функциями в предложении. Ее выводы основательны и научно обоснованы.

Большое научное значение имеет вывод Е.И. Коркиной о статусе форм наклонения в сложном предложении. Она убедительно и на большом фактическом материале доказала, что определенные формы наклонения, принимая аффиксы падежей, используются для обозначения зависимых действий. Эти факты придают ее работе большую весомость. С этой точки зрения нуждается в уточнении статус условного наклонения в якутском языке. Е.И. Убряд-

това высказала мнение, что форма условного наклонения со значением зависимого действия имеет значение деепричастия, а со значением основного действия — наклонение желания, так предполагали и указывали многие исследователи, начиная с А.А. Иванова-Кюндэ. Как известно, одну и ту же грамматическую форму, исходя из её функции в предложении, нельзя рассматривать как разные. Но из работы Е.И. Коркиной можно сделать вывод, что данная форма в условном значении не имеет функции основного действия.

Е.И. Коркина вместе с модальными формами глагола, образующимися с помощью определенных аффиксов, детально рассмотрела аналитические формы, образуемые с помо-

щью причастий и деепричастий. Необходимость глубокого изучения этих форм она мотивировала сложностью определения их грамматического статуса и содержания. И подчеркнула, что этот вопрос требует специального изучения.

Таким образом, Е.И. Коркина, теоретически исследовав одну из сложных функциональных форм глагола якутского языка, внесла в тюркологию громадный вклад, что открыло новые горизонты в изучении модальности якутского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. — М., 1970. — 306 с.

G.G. Filippov

E.I. Korkina's contribution to research of a modal verb

The article considers E.I. Korkina's contribution to the investigation of issues in verbal modality which is expressed through tensed modal forms, derived participles, converbs and verbal moods in Turkic languages.

Keywords: category of modality, moods, analytical verbal forms, participles, converbs, infinitive, personal verbal forms, modal verbs, auxiliary words, person agreement verbal forms.

УДК 811.367.332.7

И.Е. Алексеев

О постфиксах сказуемости в вопросительном высказывании

Приобщение к научному наследию Е.И. Коркиной позволило уточнить логико-грамматические закономерности постфиксации интеррогативного предиката высказывания. Причастные и глагольные формы предиката принимают постфиксы сказуемости, свойственные наклонениям глагола и распределенные по степени реализации коммуникативной заданности.

Ключевые слова: Коркина, наклонения глагола, интеррогативность, постфиксация предиката, коммуникативные разновидности вопроса, компонентный состав.

Заслуги профессора Е.И. Коркиной в якутоведении заключаются не только в ее организаторской деятельности и многочисленных научных сочинениях, но, прежде всего, в умелом воспитании научной смены для якутского языкознания. Ее неординарная личность и для меня была путеводным лучом в поисках оригинальных решений по многим вопросам, в том числе формально-коммуникативной природе якутского вопросительного (интеррогативного) высказывания. Знакомство с книгами Е.И. Коркиной о системе наклонения глагола

и лично-отнесенных модальных конструкциях в якутском языке открыло наличие ряда грамматических закономерностей постфиксации предиката в интеррогативном высказывании.

Так, в якутских интеррогативных конструкциях, оформленных различными средствами выражения вопросительности, сказуемое принимает специализированные личные постфиксы. При этом некоторые формы глагола, образованные от причастий, принимают личные постфиксы сказуемости и постфиксы, формально перекрещивающиеся с постфиксами

личной принадлежности [Коркина, 1979, с. 22]. А в работе «Наклонения глагола в якутском языке» Е.И. Коркина в связи с раскрытием функционирования форм недавно прошедшего времени изъявительного наклонения приводит парадигму спряжения глагола с вопросительным словом и специальным постфиксом сказуемости *-й (-ый)* [Коркина, 1970, с. 61, 64]. Проф. Е.И. Убрятова в работе «Исследования по синтаксису якутского языка» также приводит вопросительные предложения с вопросительными словами и постфиксами *-й (-ый, -ный)*, вопросительные предложения с частицами *дуо*, клише *буолбат дуо*, сочетающимися с положи-

тельной или отрицательной формой сказуемого, и показывает, что вопросительные предложения одновременно становятся восклицательными с обычной заменой при этом последнего узкого гласного на дифтонг в сказуемом предложения [Убрятова, с. 22–23].

В якутском языке выделяются четыре типа постфикса сказуемости (пф. ск.). Каждому типу пф. ск. свойственны определенные формы наклонений глагола, другими словами, система постфиксации в якутском языке устроена по строгому грамматическому закону (таблица).

Личные постфиксы сказуемости (пф. ск)

Лицо	Пф. ск. I		Пф. ск. II		Пф. ск. III		Пф. ск. IV	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е	-бын	-быт	-м	-быт	-м	-быт	-пын	-пыт
2-е	-бын	-быт	-н	-быт	-н	-быт	-кын	-кыт
3-е	Ø	-лар	-а (~та)	-лара	-а (~Ø)	-лар	-а	-тара

Каждый пф. ск. формально реализуется в сказуемом высказывания с учетом типа предложения. В вопросительном типе конструирующими становятся специальные оформители интеррогативности: Ø, *-й (-ый, -ный)*, вопросительных слов, словосочетаний. Для обзора природы интеррогативного пласта пф. ск. рассматриваются изначальные грамматические параметры всех четырех видов пф. ск.

Пф. ск. I присоединяется к следующим формам изъявительного наклонения: настояще-будущему времени, прошедшему результативному времени I и II, прошедшему эпизодическому времени II (способ с *этэ*); к «косвенным» наклонениям: I и II формам условного наклонения, утвердительному наклонению, настояще-будущему и будущему времени долженствовательного наклонения, стяженной форме наклонения обычно совершаемого действия, настоящему времени наклонения еще не совершившегося действия, сослагательному наклонению на *-ых/ыа+эбит*, положительной форме сослагательного наклонения на *-ар+этэ*.

Пф. ск. II примыкает к формам изъявительного наклонения (будущее время, прошедшее преждепрошедшее повествовательное время, прошедшее эпизодическое время с *баар*, прошедшее незаконченное время, стяженный вариант давнопрошедшего эпизодического времени); к «косвенным» наклонениям (стяжен-

ный вариант прошедшего времени долженствовательного наклонения, наклонение обычно совершаемого действия с *суох*, предположительное наклонение).

Пф. ск. III присоединяется к следующим формам изъявительного наклонения: недавно прошедшему времени, прошедшему незаконченному времени с *этэ*, давнопрошедшему времени на *-быт+этэ*, давнопрошедшему эпизодическому времени на *-быт+таах+этэ*; к «косвенным» наклонениям (прошедшее время долженствовательного наклонения с *этэ*, прошедшее время наклонения несовершенного действия; сослагательное наклонение с *этэ*, отрицательное спряжение сослагательного наклонения на *-ыа+суох*, отрицательная форма сослагательного наклонения на *-ар+этэ*).

Пф. ск. IV присоединяется только к отрицательным формам будущего времени изъявительного наклонения и к особой форме предположительного наклонения о совершении действия к моменту речи.

Рассмотренные постфиксы сказуемости коммуникативной заданности в интеррогативных предложениях сочетаются с различными дополнительными средствами вопросительности.

Использование вопросительных слов в структуре вопросительных предложений якутского языка в большинстве случаев связано со специальным оформлением сказуемого интер-

рогативным постфиксом *-й*. В одних структурах этот постфикс абсолютно обязателен, в других — имеет факультативный характер, в третьих — отсутствует. Последний случай с некоторым ограничением констатируется при функционировании форм недавнопрошедшего (определенного, категорического) времени изъявительного наклонения [Убрятова, с. 61, 64] в роли сказуемого вопросительного предложения с вопросительным членом:

T_v - {*т, л, н*} -пф. ск. III {-Ø (~огранич. *-й* (-*ый*)); T_v - {*ба, на, ма*} - т - пф. ск. III - Ø (огранич. *-й* (-*ый*)).

Примеры: Мин тугу буллум? ‘Что я нашел?’ (нельзя Мин тугу буллумуй); Эн тобо кэлин? ‘Ты зачем пришел?’ (нельзя Эн тобо кэлингий); Кини хантан кэллэ? ‘Откуда он пришел?’ (нельзя Кини хантан кэллэй); Биһиги ханна бардыбыт? ‘Мы куда направились?’ (допустимо Биһиги ханна бардыбытый?); Эһиги хайдах буоллут? ‘Что с вами случилось?’ (допустимо Эһиги хайдах буоллутуй?); Кимнээх кэлилэр? ‘Кто такие прибыли?’ (допустимо Кимнээх кэлилэрий?); Тобо мин ылбатым? ‘Почему я не взял?’ (допустимо Тобо мин ылбатымый?); Эн тобо туппатын? ‘Почему ты не поймал?’ (нельзя Эн тобо туппатыный?).

Постфикс *-й* обязательно оформляет собой сказуемое интеррогативного предложения с вопросительным членом, когда в роли сказуемого функционируют следующие глагольные формы:

1) второй вариант положительных форм настоящего-будущего времени изъявительного наклонения по всем лицам и числам T_v -*ар* -пф. ск. I -(*ы*)й;

2) положительные и отрицательные формы будущего времени изъявительного наклонения по всем лицам и числам T_v -*ыа* (-*ых*) - пф. ск. II -(*ы*)й*; T_v -*ыа* (-*ых*) пф. ск. II-*суоҕа-й*; T_v -*ых* (-*мах*) -пф. ск. IV-(*ы*)й;

3) положительные формы преждепрошедшего повествовательного времени по всем лицам и числам и отрицательные формы только 3-го лица обоих чисел T_v -*быт* - пф. ск. II -(*ы*)й, T_v -*батах а* (-*тара*) -й;

4) третий вариант отрицательных форм прошедшего эпизодического времени изъявительного наклонения по всем лицам и числам T_v -*мына* (~*бакка*) *тур* (-*хаал*)-*ар-даах* - пф. ск. I -(*ы*)й;

5) положительные формы 1-го и 2-го лица множественного числа и положительные и отрицательные формы 3-го лица единственного и множественного числа прошедшего

незаконченного времени изъявительного наклонения T_v -*а*-пф. ск. II -(*ы*)й, T_v -*бат а* (-*тара*) -й;

6) положительные и отрицательные формы второго варианта давнопрошедшего эпизодического времени изъявительного наклонения по всем лицам и числам (а), положительные и отрицательные формы 3-го лица единственного и множественного числа стяженного варианта этого наклонения (б):

а) T_v -*бат* (-*батах*)-*таах*-пф. ск. I *э-т-э-й*, T_v -*ан* (-*мына* (-*бакка*))-*тур-ар-даах*-пф. ск. I *э-т-э-й*,

б) T_v -*быт* (-*батах*) -*таах-а* (-*тара*) -й, T_v -*ан* (-*мына* (-*бакка*)) -*тур-ар-даах-а* (-*тара*) -й;

7) две разновидности отрицательных форм второго варианта утвердительного наклонения по всем лицам и числам T_v -*ыа* *суох* -пф. ск. I -*уй*, T_v -*ыа* -пф. ск. II *суох-уй*;

8) отрицательные формы наклонения обычно совершаемого действия T_v - *аа* (-*ааччык*) -пф. личн. принадл. (V) *суох-уй*;

9) вторые (а) и третьи (б) варианты отрицательных форм сослагательного наклонения на *-ых/-ыа эбит* по всем лицам и числам:

а) T_v -*ыа* (-*ых*)-пф. ск. II *суох* (*суоҕа*)*э-бит-эй*;

б) T_v -*ыа* *суох*-пф. ск. III *э-бит-ий*;

10) полные положительные формы предположительного наклонения по всем лицам и числам и положительные стяженные формы 1-го и 2-го лица единственного числа этого наклонения T_v -*дах*-пф. ск. IУ-(*ы*)й, T_v -*да* -м (-*н*) -*ый*.

Примеры: 1) Дьүөгэлэрин ити тобо наһаа тизтэйэллэрий? (РБ БСБ 253) ‘Почему подруги твои так спешат?’; 2) Убаай, эн хаһан кэлиэхиний? (АА СК 417) ‘Брат, ты когда приедешь?’; 3) Эн хайдах буолуо дии санаабыккыный? (ХС 1976 4 45) ‘А как же ты думал?’; 4) Эт эрэ, биһиги хаһан былааны толорботоохтоохпуй? ‘Скажи-ка, когда же мы план сорвали?’; 5) Эйиэхэ ити туһунан тугу эппиттэрэй? ‘Об этом что тебе сказали?’; 6) Туох мэхэйтэн кинилэр кэлбэккэ хаалбыттаахтарай? ‘По какой причине они тогда не сумели приехать?’; 7) Туохтан онно барыа суоххутуй? ‘Из-за чего вам не пойти туда?’; 8) Тобо эн барааччын суобуй? ‘Почему ты обычно (туда) не ходил?’; 9) Кимтэн сылтаан хаалыахтара эбитэй? ‘Из-за кого они могли бы задержаться?’, Хайаан билиэ суохтара эбитэй? ‘Каким же образом они могли не знать?’; 10) Били дьон хайаан хойутаахтарай? ‘Почему наши так долго не идут?’, Хайдах маньык буоллаххыный? ‘Зачем же ты так?’.

В подавляющем большинстве глагольных словоформ, функционирующих в роли сказуемого вопросительных предложений с вопросительными членами, интеррогативный постфикс *-й* факультативен в оформлении этих сказуемых. Факультативное использование постфикса *-й* обусловлено коннотативными модальными значениями, сопутствующими вопросительной семантике всего предложения. А именно: постфикс формально указывает, во-первых, на подчеркивание, усиление самого вопроса, во-вторых, на желание спрашивающего получить более точный детализированный ответ, в-третьих, на отрицательное отношение спрашивающего к объекту вопроса.

Как и в других случаях, использование/неиспользование интеррогативного постфикса *-й* в факультативном функционировании оформляет словоформы любой части речи в роли сказуемого. С целью систематичности изложения в данном разделе рассматривается факультативное оформление постфиксом *-й* глагольных форм. Ниже дается перечень положительных и отрицательных форм наклонений, которые в функции сказуемого факультативно оформляются интеррогативным постфиксом *-й* с указанным выше коннотативным различием в семантике:

1) положительные и первые отрицательные формы настоящего-будущего времени изъявительного наклонения T_v -*a* (*-ap*)-пф. ск. I -ый (~Ø), T_v - бат-пф. ск. I-ый (~Ø);

2) отрицательные формы 1-го и 2-го лица множественного числа преждепрошедшего повествовательного времени изъявительного наклонения T_v -*батах-пыт* (*-кыт*)-ый (~Ø);

3) положительные и отрицательные формы первого прошедшего результативного времени изъявительного наклонения T_v -*быт* (*-батах*)-пф. ск. I-ый (~Ø);

4) положительные и отрицательные формы второго прошедшего результативного времени изъявительного наклонения T_v -*ан* (*-мына*; *~мына*)-*тур -а* (*-ар*)-пф. ск. I-ый (~Ø);

5) положительные и отрицательные формы первого и второго вариантов прошедшего эпизодического времени изъявительного наклонения T_v -*быт* (*-батах*)-*таах*-пф. ск. I-ый (~Ø); T_v -*ан тур-ар-даах*-пф. ск. I-ый (~Ø);

6) положительные и отрицательные формы прошедшего незаконченного времени (имперфекта) изъявительного наклонения T_v -*ар* (*-бат*)-*э-т*-пф. ск. III-ый (~Ø);

7) положительные и отрицательные формы всех лиц и чисел давнопрошедшего (предпрошедшего) времени изъявительного наклонения

T_v - *быт* (*-батах*)-*э-т*-пф. ск. III-ый (~Ø);

8) положительные и отрицательные формы всех лиц и чисел первого варианта давнопрошедшего эпизодического времени изъявительного наклонения T_v -*{быт* (*-батах*); *ан* (*-мына*; *~батка тур-ар*)-*таах* э-т-пф. ск. II -ый (~Ø);

9) положительные и отрицательные формы всех лиц и чисел, кроме 3-го лица единственного числа, утвердительного наклонения (а), со специализированным интеррогативным постфиксом в формах 3-го лица единственного числа (б):

а) T_v -*ыыһы* (*~ыыһык*) *-мыыһы* (*~мыыһык*)-пф. ск. I-ый (~Ø);

б) T_v - *ыыһы* (*~ыыһык*) *-мыыһы* (*~мыыһык*) - (*ы*) *ный* (~Ø);

10) положительные и отрицательные формы всех лиц и чисел настояще-будущего времени должностовательного наклонения T_v - *ар* (*-бат*) *таах*-пф. ск. I-ый (~Ø);

11) положительные и отрицательные формы всех лиц и чисел будущего времени должностовательного наклонения T_v -*ых* (*-ыа суох*) *таах*-пф. ск. I-ый (~Ø);

12) положительные и отрицательные формы всех лиц и чисел прошедшего времени должностовательного наклонения T_v -*ар* (*~ых*)*бат* (*~мыах*) *-таах* э-т-пф. ск. III-ый (~Ø);

13) положительные формы наклонения обычно совершаемого действия T_v -*ааччы* (*-ааччык*)- пф. ск. I-ый (~Ø);

14) формы всех лиц и чисел прошедшего времени наклонения несовершившегося (неосуществленного) действия T_v -*а* (*~ыа*) *илик* э-т-пф. ск. II-ый (~Ø);

15) две разновидности положительных форм всех лиц и чисел первого варианта на *-ых*/*-ыа* *этэ* сослагательного наклонения (а) и две разновидности (б, в) отрицательных форм первого варианта этого наклонения:

а) T_v -*ыа* (*~ых*) э-т-пф. ск. III-ый (~Ø) / пф. ск. II э-т-э-й (~Ø);

б) T_v -*ыа суох* (*~суоҕа*) э-т-пф. ск. III-ый (~Ø),

в) T_v -*ыа* (*~ых*)-пф. ск. II *суох* (*~суоҕа*) э-т-э-й (~Ø);

16) положительные формы всех лиц и чисел по двум видам и отрицательные формы всех лиц и чисел первого вида второго варианта на *-ых*/*-ыа* *эбит* сослагательного наклонения T_v -*ыа* (*~ыа*) / *-ыа суох* (*~суоҕа*) э-бит-пф. ск. I-ий (~Ø);

17) положительные и отрицательные формы всех лиц и чисел третьего варианта сослагательного наклонения на *-ар этэ* T_v -*ар* (*-бат*) э-т-пф. ск. III-й (~Ø).

Примеры: 1) Эн хайдах манньк буолабыный (~буолабын)? ‘Как это ты таким становишься?’; 2) Хайаан ону биһиги билбэтэхпитий (~билбэтэхпит)? ‘Каким образом мы этого не знали?’; 3) Үлэбэр тобо эрдэ кэлбэтэххиний (~кэлбэтэххин)? ‘Почему ты раньше не пришел на работу?’; 4) Хайаан миигин билиминэ турабыный (~турабын)? ‘Как это ты мог меня не узнать?’; 5) Туох иһин иннэ диэбиттээххиний (~диэбиттээххин)? ‘Из-за чего ты (тогда) так сказал?’; 6) Ити туһунан кимиэхэ этэр этининий (~этин)? ‘Про это ты обычно кому (еще) говорил?’; 7) Доботторун туһунан тобо суруйбатах этингий (~этин)? ‘Почему ты о друзьях своих не сообщил (писал)?’; 8) Олоххор бастакы быһылааны хаһан көрсөн турардаах этингий (~этин)? ‘Когда ты встретил в пути свое первое приключение?’; 9) Дойдугар хаһан тахсыһыккыный (~тахсыһыккын)? ‘Когда ты можешь (имеешь возможность) поехать к себе на родину?’; 10) Бүгүн тугу гынардааххыный (~гынардааххын)? ‘Чем ты занят сегодня?’; 11) Тобо биһиги барыа суохтаахпытый (~суохтаахпыт)? ‘Почему бы нам не поехать?’; 12) Оччолорго эһиги ханна барыахтаах этигитий (~этигит)? ‘В те времена вы куда должны были поехать?’; 13) Эһиги окко төһөбө киирээччигитий (~киирээччигит)? ‘Когда вы обычно начинаете сенокос?’; 14) Бэйи эрэ, киммит өссө аһы илик этэй (~этэ)? ‘Погоди, кто еще (из нас) не обедал?’; 15) Биһиги хайаан тийиэхпит суох этэй (~этэ)? ‘Как бы мы не могли доехать?’; 16) Кинилэр хайдах ону билиэ суох эбиттэрий (~эбиттэр)? ‘Как они могли не знать это?’; 17) Эт эрэ, булчуттар төһөбө киирэр этилэрий (~этилэр)? ‘Скажи-ка, когда обычно возвращались охотники?’.

Вопросительный постфикс *-й* в своем основном звуковом составе присоединяется к сказуемому с вокальной финалью; при присоединении его к сказуемому с консонантной финалью из-за фонической закономерности якутского языка (а именно, отсутствия сочетаний согласных на исходе словоформ, за исключением *рт, лт, лк, мп, нк* [Дьячковский, с. 142], перед ним вставляется узкий гармоничный гласный, и постфикс получает фонические разновидности *-ый, -ий, -уй, -уй*.

В глагольных словоформах трех лиц множественного числа, в их функции сказуемого вопросительных предложений, постфикс *-й* может чередоваться с постфиксом *-ный (~ний, нуй, нуй)*. Для алломорфа *-ный* характерна стабильность *н* в его звуковом составе, поэтому в обусловленных сочетаниях *н* с финальными согласными *тир* глагольных словоформ вместо

ожидаемой ассимиляции постфиксально-инициального *н* в *т* или *л* после этих финальных согласных *тир* используется гармоничный узкий гласный, и алломорф *-ный* реализуется в разновидностях *-ыный, -иний, -унуй*. Семантический анализ грамматических значений глагольных форм с интеррогативными постфиксами вскрывает некоторую градуальность в интенсивности этих значений посредством постфиксального ряда *Ø–й–ный*. При наименьшей интенсивности выражаемого грамматического значения вопроса и связанной с ним коннотацией словоформа оформляется нулевой интеррогативой (*Ø*), при наибольшей – алломорфом *-ный*, при умеренной – алломорфом *-й*. Таким образом, факультативность в использовании интеррогативных постфиксов *-й, -ный*, а также нуль-морфемы в оформлении сказуемых, выраженных глагольными словоформами, являются относительными.

Примеры к формуле *T_v-быт (-батах)-пф. ск. I -ный (-ыный) Ø*: Кинилэр ханна барбыттар? ‘Куда они ушли?’, Кинилэр ханна барбыттарый? ‘Куда это они ушли?’, Кинилэр ханна барбыттарыный? ‘Куда же они ушли?’ О чередовании в финальном слоге *ы* с дифтонгом *ыа*, также выражающем степень интенсивности грамматического значения, было констатировано выше.

До сих пор речь шла об интеррогативно-постфиксальном завершении глагольных словоформ в функции сказуемого. Однако постфикс *-й*, его алломорф *-ный*, а также этимологически сложный постфикс *-ай (~тай)* завершают собой словоформы других частей речи, функционирующих в роли сказуемого в вопросительном предложении.

При именных словоформах в роли сказуемого вопросительного предложения оформление их интеррогативными постфиксами *-й, -ный* обусловлено в основном звуковой структурой последнего слога (в том числе единственного слога в моносиллабах), а именно: к открытому слогу прибавляется алломорф *-ный*, к закрытому слогу – алломорф *-ый* без выражения степеней интенсивности, как это свойственно глагольным словоформам с аналогичной функцией (см. выше). Этимологически сложный интеррогативный постфикс *-ай (~тай)*, восходящий своими компонентами к постфиксу принадлежности 3-го лица единственного числа *-а (~та)* и к вопросительному постфиксу *-й*, частично (прямо или косвенно) сохраняет в своем значении эту личную отнесенность, что ограничивает его использование

при оформлении именного сказуемого в вопросительном предложении*. Примеры: Үлэн-хамнаһын хайдаһый? 'Как у тебя работа?'; Сааһын төһөнүй? 'Сколько тебе лет?'; Туох саатай? 'Что за ружье?' (ср. Ким саатай? 'Чье ружье?').

Таким образом, исследования Е.И. Коркиной по глагольным наклонениям послужили ориентиром в научном определении формальных средств и коммуникативных разновидностей вопросительного типа якутского высказывания (Алексеев, с. 12–24).

СОКРАЩЕНИЯ

РБ БСБ — Рафаэль Баҕатаайыскай. Бэйэн сулу-сун булуонг. 1974.

АА СК — Амма Аччыгыһа. Сааскы кэм. 1952.

ХС — «Хотугу Сулус». Литературно-художественный и общественно-политический журнал. — 1976, № 4.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев И.Е. Вопросительное предложение в якутском языке. — Якутск: Кн. изд-во, 1982. — 171 с.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Консонантизм. Ч. II. — Якутск: Кн. изд-во, 1977. — 255 с.

Коркина Е.И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. — Якутск: Кн. изд-во, 1979, — 94 с.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. — М.: Наука, 1970. — 307 с.

Убратова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. 4.1. Простое предложение. — М.; Л. Изд.-во АН СССР, 1950. — 312 с.

I.E. Alekseev

On predicative postfixes in an interrogative sentence

Familiarization with E.I. Korkina's scientific heritage allowed us to clarify logical and grammatical regularities concerning the postfixing of the interrogative predicate of a statement. Participial and gerundival forms of the predicate take on predicative postfixes peculiar to verb moods and distributed along the degree of the realization of communicative predetermination.

Keywords: Korkina, verb moods, interrogative, predicative postfixation, communicative question types, component composition.

УДК 81'374—057.4

Ф.Н. Дьячковский

Е.И. Коркина — лексикограф и лексиколог

Рассматривается научная деятельность в области лексикологии и лексикографии якутского языка замечательного организатора гуманитарной науки в Республике Саха (Якутия), талантливого исследователя якутской филологии, доктора филологических наук, профессора Е.И. Коркиной. Её работы известны и получили высокую оценку не только в нашей стране, но и за её пределами.

Ключевые слова: лексикография, лексикология, диалектология якутского языка

Её работы известны и получили высокую оценку не только в нашей стране, но и за её пределами. (рецензии Н. Поппе (США), Г. Дёрфера (ФРГ) и др.).

Вся научная деятельность Е.И. Коркиной (более полувека) прошла в стенах Института языка, литературы и истории АН РС(Я) (ныне Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН).

Незаурядная способность к исследованию родного языка и неиссякаемая работоспособность Е.И. Коркиной соединились впервые в

изучении одной из самых сложных и основных грамматических категорий якутского языка — наклонений глагола. В фундаментальной работе «Наклонения глагола в якутском языке» скрупулезно раскрыты особенности употребления и модальные значения десяти форм наклонений якутского языка, присущие им временные формы, выявлено их происхождение. Лично-отнесенные глагольные конструкции с модальным значением, примыкающие к наклонениям, также были объектом изучения Евдокии Иннокентьевны. По глубине разработки, оригинальности

системно-семантического анализа монография представляет собой крупный вклад в тюркское языкознание. После изучения наклонений глагола якутского языка Е.И. Коркина обратилась к глагольным конструкциям. Так, появилась серия ее монографических исследований, посвященных аналитическим глагольным формам и свободным сочетаниям, якутским деепричастиям в морфологическом и синтаксическом плане, одновременно были рассмотрены изолированные деепричастные формы, превратившиеся в наречия, служебные слова и т.д. («Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке» (1979), «Деепричастия в якутском языке» (1985)). Известно, что наряду с исследованиями грамматического строя и диалектного своеобразие якутского языка, Е.И. Коркина много труда вложила в развитие якутской лексикографии.

Благодаря Е.И. Коркиной в период ее работы в должности директора Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, в 1972 г. было создано самостоятельное подразделение института — сектор лексикологии и лексикографии якутского языка, руководителем которого был назначен П.А. Слепцов. С того времени началась плодотворная работа по составлению словарей различного типа и обогащению академического картотечного фонда лексикона якутского языка. Е.И. Коркина активно принимала участие в редактировании «Русско-якутского словаря», изданного в 1968 г., в составлении словарных статей «Якутско-русского словаря» (М., 1972) и создаваемых ныне сектором лексикографии томов «Большого толкового словаря якутского языка» под общей редакцией д.ф.н., проф. П.А. Слепцова.

Как известно, в переводных словарях значения слов одного языка обычно объясняются посредством их сопоставления со значением в других языках, т.е. посредством нахождения эквивалента или частичного эквивалента, пригодного для использования в переводимом контексте. Раскрытие структуры значений слова зависит от объема и назначения двуязычных словарей. Каждый параметр словаря имеет определенную типологию решений, внутри которой лексикографы определяют свой выбор. При составлении словаря возникает проблема отбора заглавных слов, т.е. соотношения между представляемой информацией и общим знанием носителей языка. Якутско-русский словарь (1972) был призван содействовать развитию и установлению норм современного якутского литературного языка во второй половине XX столетия.

Поэтому он относится к нормативным словарям литературного языка, отражающим активную общеупотребительную лексику того времени и является наиболее полным из существующих на сегодняшний день якутско-русских словарей. В словарь наряду с общераспространенной лексикой попали также некоторые устаревшие, диалектные, специальные слова и выражения различных стилей, которые широко распространены в разговорной и письменной речи.

Е.И. Коркина как составитель словарных статей с буквы «Ү» при описании ряда слов использовала сведения, касающиеся внутреннего состава слова. Так, при характеристике существительного *уөн*, в семантической структуре которого содержится множество лексико-семантических вариантов, раскрывая основное значение слова, она приводила иллюстративный материал *уөнү булбут соххор туруйабыды*. Автор не ограничивалась прямым переводом данной поговорки ‘подобно кривому журавлю, нашедшему червяка’, а дала дополнительное уточнение для полной передачи смыслового объема поговорки на русский язык: ‘говорится о человеке, который пользовался добротой других, но сам, став состоятельным, сторонится людей, чтобы не делиться с ними’. Для более полного отражения лексического и семантико-стилистического богатства якутского языка в словаре каждое эквивалентное или переводимое слово сопровождается иллюстративным материалом. Однако из-за ограниченного объема словаря составители иногда отказываются от привычного компонента — иллюстративного материала. В определенной степени отсутствие примеров компенсируется за счет включения в словарную статью пояснений, показывающих особенности употребления слова. Здесь большую роль играют полнота картотеки и точная градация смысловых оттенков каждого заглавного слова. Иллюстративный материал в виде поговорки в данном случае содействует более глубокому раскрытию значения слова и подтверждает правильность грамматической характеристики. Для семантической характеристики многих устаревших слов и устойчивых выражений Евдокия Иннокентьевна использовала метод описания, стремясь четко определить уникальные семантические особенности якутского языка. Например, основное значение слова *үүдэһин*, определяется как ‘ремешки’, но обычно обозначает ремни крепления кожаных изделий, например, в шорном деле’. Его производно-переносное значение ‘сухожилия, связки’ раскрыто при помощи

иллюстративного примера с дословным переводом на русский язык абыс үүдэһиним арабыста ‘я (от усталости) без рук, без ног (букв. восемь моих связок разошлись)’.

В якутско-русском словаре большое место отводилось так называемым устойчивым словесным комплексам — с учетом их семантико-структурных особенностей. Семантическая эквивалентность слову, их цельнооформленность, переносное, номинативное или образно-номинативное значение обуславливают подачу их в конце словарных статей, за ромбиком. Значение устойчивых словосочетаний фразеологического типа, не имеющих эквивалента в русском языке, в словаре раскрывается описательно литературным языком. Таких сочетаний в словарных статьях, составленных Е.И. Коркиной, зафиксировано немало. Если привести примеры, такие как *үөл (үөл мастан үөннээн сизбит* погов. ‘ест насекомых, добывая их в растущем дереве (говорится о человеке, из всего извлекающем пользу; поговорка основана на неверном представлении о том, что в растущем дереве очень мало или вовсе нет насекомых)’; *үс (үс өргөстөөх, абыс кырыылаах* ‘добрый молодец, удалец’), *үөс (үөһүм да быстыа буоллар* ‘во что бы то ни стало; хоть тресни (букв. хоть у меня аорта лопнет)’; *үрүн (үрүгү көрбөтөх үрүмэччигэ дылы* погов. ‘как бабочка (бросающаяся из темноты) на белое (говорится о человеке, набрасывающемся на всякую новинку)’; *үтүө (үтүө биэттэн абааһы кулун төрөөбүтүгэр дылы* погов. ‘(и) от хорошей кобылы рождается жеребёнок-урод (в семье без уroda не бывает)’; *үтүө ат биир кымныылаах, үтүө киһи биир тыллаах* погов. ‘доброму коню достаточно одного удара кнутом, хорошему человеку — одного слова)’; *үүт (үүтүн тохпут оҕоҕо дылы* погов. ‘как ребёнок, проливший своё молоко (говорится о человеке, упавшем духом из-за пустяка)’ и т.д.

Е.И. Коркина подробно раскрывает грамматические и функциональные характеристики заглавных слов, использует пометы в тех словах, которые нуждались в той или иной характеристике. Пометы уточняют стилистический уровень слов (*прост.*, *разг.*, *книжн.*, *высок.*), его экспрессивную окраску (*шутл.*, *ирон.*, *образн.*), употребительность (*диал.*, *обычн.*), функционально-профессиональную сферу употребления (*мед.*, *воен.*, *архит.*), семантическую характеристику (*перен.*), отношение к ядру современного языка (*уст.*) и др.

Сказанное характеризует Е.И. Коркину как профессионального лексикографа.

Изучение грамматики и лексики родного языка привело Е.И. Коркину к постановке и исследованию особенностей одной из четырех диалектных зон якутского языка — северо-восточной, которая до сих пор хранит многие архаические черты во всех аспектах языка. В работе «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» она впервые внесла коррективы в разделение говоров северо-восточной диалектной зоны. В частности, Е.И. Коркина не была согласна с разделением абыйского и момского говоров северо-восточной зоны на два самостоятельных говора на основе собранного фактического материала. Она рассматривает эти два говора как один, а именно — «индигирский говор» северо-восточной зоны. В работе подробно рассмотрены не только фонетические, грамматические особенности колымского, индигирского, оймьяконского, усть-янского говоров и саккырырского подговора якутского языка, но и лексические универсалии и отличия в говорах изучаемой зоны. Специфику лексики северо-восточной диалектной зоны якутского языка во многом определяет его географическое расположение. На данной территории происходили довольно сложные этногенетические процессы, в которых участвовали как родственные, так и неродственные племена. Это явление в большей степени нашло отражение в лексике говоров данной диалектной зоны. В северо-восточной зоне диалектных слов, неизвестных в литературном языке, по собранным Е.И. Коркиной материалам насчитывается 471 единица: в том числе диалектизмы, встречающихся только в колымском говоре, — 69 единиц, в индигирском, — 93, в оймьяконском, — 60, в саккырырском подговоре, — 22, в усть-янском говоре, — 53 единицы.

Диалектных слов, встречающихся во всех говорах зоны (общих для зоны) или в части из них, набралось 174 слова [Коркина. 1992, с. 258.]. В числе диалектных слов, неизвестных в литературном языке, оказалось довольно значительное количество лексических элементов монгольского происхождения, которые сегодня вышли из употребления в языке якутов центральных районов и литературном языке. Таковы, к примеру, слова *дьороон* ‘заболоченная ложбина, овраг’ (*монг.* дорой ‘низкий’), *күнкүй* ‘овраг, расщелина’ (*бур.* *хөҥкөр* ‘долина, впадина, лог, лощина, большой овраг’), *суо* (хаар) ‘весенний снежный наст’ (*бур.* *сой* ‘весеннее таяние снега’), *наннаһын* ‘дерн земли’ (*монг.* *daglasun*, *бур.* *дэгнээһин* ‘дерн’), *куллуу* ‘длинный шест, палка’ (*бур.* *гулда* ‘дубина, палка’) и т.д.

Е.И. Коркина выявила лексические диалектизмы, заимствованные из эвенского и эвенкийского языков. В говорах зоны их отмечено 88, из них 53 имеют распространение в общезональном масштабе, а 35 являются достоянием отдельных говоров, входящих в зону. Лексических заимствований из чукотского языка зарегистрировано всего 4, а из юкагирского — 3. Значительный пласт в лексике говоров северо-восточной диалектной зоны составляют заимствования из русского языка. Диалектизм русского происхождения в говорах зоны зарегистрировано всего 160 единиц, из них 64 слова являются общими для всей зоны или встречаются в ряде говоров, 93 слова являются особенностями того или иного говора. Наряду с этим Е.И. Коркина выявила значительное количество слов, архаизировавшихся в литературном языке, но активных в говорах. К примеру, в колымском говоре слово *ааннаа* 'валяться, кататься на спине' (о животных). *Ат ааннаан ыгыырын холборунпунт* 'Лошадь, повалившись на спине, сбила седло'. *Уол ата кэлэн аанныырын хоһуйуу*. 'Воспевание того, как лошадь парня покаталась на спине'. *кирг. оона* 'валяться', *тат. аунау* 'валяться, поваливаться', *тув. аннаш-таныр* 'валяться, кататься'; *ас* 'волосы' (аскын кырыттар 'постриги волосы'), *тат. чэч, кирг., казах. шаш* 'волос'. *Эннэх* (индигирское, оймяконское, саккырыское) 'носить на плечах, на весу'. *Мин биир да куулу эннэбиэм суоба* 'я ни один мешок не смогу закинуть на плечо', *шор. анна* 'положить на плечо, носить на плечах', *хакас. инънен* 'класть на плечо, носить на плечах'. В индигирском говоре встречаются такие слова, как *кабан* 'глава, родоначальник, предводитель', *д.-тюрк. гауап* 'каган, верховный правитель', *хоһох* 'песня, стих', *тюрк. кошун* 'песня', *тэргэн* 'большой, полный' (*тэргэн ый* 'полная луна' *д.-тюрк. terkin* 'соединенный, полный, объединенный', или *өргөс* 'рог, отростки рога' *тобус өргөстөөх тайах* 'лось с девятью отростками рогов', *тюрк. оркус* 'острие'). Для определения места говоров в системе литературного языка, а также для выявления специфических черт Евдокия Иннокентьевна рас-

смотрела словарный состав в соотношении с лексикой литературного языка и выделила диалектные слова, сопроводив их, по возможности, сравнительным материалом из других языков. Данная работа богата фактическим материалом, в ней дан убедительный сравнительный анализ с целью установления генетических связей и исторических контактов, четко определены исходный и заимствованный фонд словарного состава каждого говора. Впервые Е.И.Коркина определила в данной группе говоров немалое количество монгольских параллелей, основы которых неизвестны в литературном языке. Она показала себя не только как диалектолог, но и как лексиколог, изучая диахронию диалектного словарного состава якутского языка.

До выхода на заслуженную пенсию Е.И. Коркина много работала над составлением и редактированием русского текста «Большого толкового словаря якутского языка». Известно, что ею составлены словарные статьи от «туллу-ма» до «туос», с «уорба» до «уччутуу» для «Большого толкового словаря якутского языка». Уже издан X том словаря на букву «С». Составленные Е.И. Коркиной словарные статьи в настоящее время проходят первичную обработку в связи с принятием новой орфографии, новых современных требований к словарной работе, и, надеемся, скоро они увидят свет.

Труды Е.И. Коркиной служат неисчерпаемым источником для дальнейших научных изысканий не только в области якутской филологии, но и тюркологии в целом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Бур. — бурятский, *д.-тюрк.* — древнетюрский, *казах.* — казахский, *кирг.* — киргизский, *монг.* — монгольский, *тат.* — татарский, *тув.* — тувинский, *тюрк.* — тюркский, *хакас.* — хакасский, *шор.-шорский.*

ЛИТЕРАТУРА

Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. — Новосибирск: Наука, 1992. — 268 с.
Коркина Е.И. Коротко о прожитой жизни. — Якутск, 2006.

F.N. Djachkovsky

E.I. Korkina – lexicographer and lexicologist

The article considers the scientific activity, in the area of Sakha lexicology and lexicography, of the excellent organizer of humanitarian science in the Republic of Sakha/Yakutia, the talented researcher of Sakha philology, Doctor of Philological Sciences, Professor Ye.I.Korkina. Her works are well-known and were highly appreciated not only in our country but also abroad.

Keywords: lexicography, lexicology of the Sakha language dialectology of the Sakha language.

Н.Н. Ефремов

Категория эвиденциальности в исследованиях Е.И. Коркиной

Рассматривается вклад Е.И. Коркиной в исследование категории времени и наклонения глагола в якутском языке в связи с разработкой вопросов функционально-семантических категорий. Постулируется, что в её трудах были заложены теоретические основы для изучения семантических категорий, прежде всего эвиденциальности, которая в якутском языке, как и в других тюркских языках, имеет грамматическое выражение.

Ключевые слова: категория времени, эвиденциальность, глагол, наклонение, конструкция, структура, формы, сложносочиненное предложение.

Е.И. Коркина внесла огромный вклад в изучение категорий якутского глагола в структурно-семантическом аспекте. В ее трудах подробно описаны формы наклонений и времен глагола [Коркина 1960; 1970]. При этом в сфере прошедшего времени изъявительного наклонения глагола ею были выявлены и описаны 8 форм.

Как известно, категория времени имеет определенные связи с другими семантическими категориями, например, с аспектуальностью, эвиденциальностью. Категория эвиденциальности имеет разноуровневые (морфологические, синтаксические и лексические) средства выражения. Морфологические средства представлены в тех или иных формах времени, а в качестве лексико-грамматического средства выделяются изъяснительные сложноподчиненные предложения, союзы, модальные слова, вводные слова, словосочетания, частицы, образованные от глаголов речи [Козинцева, с. 96–97].

В русском языке выделяются, лексические средства выражения эвиденциальности: ментальные глаголы, глаголы чувственного восприятия, модальные и дискурсные слова (*как говорят, по слухам* и т.п.) [Шамина, Ондар, с. 36].

В тюркских языках имеются разнообразные грамматические и лексические средства выражения эвиденциальности, а также способы обозначения неожиданности, внезапности сообщаемой информации [Шамина]. Сему эвиденциальности содержат некоторые формы глагола, прежде всего временные [Там же]. Например, в тувинском языке формы глагола на *-ды* (ср. с якутской формой на *-т*) и *-а-дыр*, обозначающие настоящее время (ср. с якутской формой на *-а олор-/тур-/ сыт-/ сырыт-*), которые употребляются только в тех случаях, если

говорящий был очевидцем или участником ситуации [Шамина, Ондар, с. 36]. В якутском языке форма на *-ды* (форма недавнопрошедшего времени) указывает на совершенность, категоричность действия, а форма *-а-дыр* описывает действие, соотносительное с моментом речи.

Форма перфекта непосредственно не участвует в выражении эвиденциальности, ее основная функция — обозначение прошедшего результативного времени. Однако в соответствующих условиях она может передавать значение косвенной эвиденциальности и ад-/миративности.

Как видно из приведенных временных форм, центральным средством выражения эвиденциальности является морфологический способ. Это дает право категории времени в якутском языке, как и в других тюркских языках, рассматривать в качестве одной из доминирующих категорий в семантической системе языка.

Е.И. Коркина при рассмотрении форм наклонений глагола в якутском языке выявила ряд значений, связанных с эвиденциальностью и ад-/миративностью. Так, при описании форм — *настояще-будущего*, *недавнопрошедшего*, *преждепрошедшего повествовательного*, *первого и второго результативного*, *эпизодического прошедшего*, *преждепрошедшего*, *незаконченного прошедшего* времен она указывает, наряду с другими, и значение очевидности действия, которое является семой эвиденциальности [Коркина 1970, с. 42; 72; 78–80; 86; 89–90, 92, 94–95, 102, 137, 122–123; 127]. Например: «Основное значение недавнопрошедшего времени и состоит в выражении определенного, совершенного незадолго до момента речи действия-состояния, *очевидцем которого является говорящее лицо*, или в выражении действия-состояния, *известного из таких источников, объектив-*

ность которых для говорящего лица не подлежит сомнению, хотя он и не был их очевидцем (курсив мой. — Н.Е.), поэтому это время, как и в родственных тюркских языках, называется недавнопрошедшим, определенным или категорическим временем: *Бүгүн Дьокуускайтан почта кэллэ* ‘Сегодня из Якутска прибыла почта’; *Биһиги өрөспүүбүлүкэбитигэр сэбиэскэй былаас сылларыгар элбэх кыайыы ситиһилиннэ* ‘В нашей республике в годы советской власти достигнуты многие успехи’» [Грамматика..., с. 309]. «Преждепрошедшее время, как и недавнопрошедшее категорическое время, передает определенное, реально совершившееся к моменту речи действие, участником, свидетелем которого было говорящее лицо или в объективности которого последнее уверено совершенно» [Там же, с. 310]. Е.И. Коркина видит отличие формы этого времени от формы недавнопрошедшего времени в том, что она обозначает преждепрошедшие действия и передает их в повествовательном — нарративном — режиме: «... в отличие от недавнопрошедшего времени эта форма времени служит для обозначения таких прошлых действий, которые отдалены от момента речи относительно более длительным отрезком времени; обычно она употребляется для повествования о событиях сравнительно большой давности. *Мин оскуолаҕа сэттэлээхпэр киирбитим* ‘Я поступил в школу семи (семь) лет’; *Ааспыт нэдиэлэҕэ Октомнго ыһыах буолбута* ‘На прошлой неделе в Октеме был (состоялся) ысыах; *Биһиги дьоммут бу алааска олорбуттара* ‘Наши родители жили в этом аласе’» [Там же].

Ученый пишет, что употребление формы недавнопрошедшего времени для передачи преждепрошедшего события вызвано стилистическими целями для наиболее яркого, калоритного представления описываемого события: *Биирдэ Микиитэ эһэтэ дьиз таһыттан суурэн киирдэ* ‘Однажды со двора (в дом) вбежал дед Никиты’. В этой фразе автор изображает прошлое нарративное событие как происходящее на глазах у читателя, в результате чего у него создается наибольший эффект события.

В якутском языке значение косвенной эвиденциальности обычно выражается конструкциями с частицей *үһү* ‘говорят’ — *-ар/-быт үһү*+показатель лица, числа. Е.И. Коркина конструкции со сказуемым *-быттара эбитэ үһү/ -быттара үһү* (*-быттара* — форма преждепрошедшего повествовательного времени) квалифицирует как структуру, широко употребительную «в языке сказок» [Коркина 1970, с. 78].

Евдокией Иннокентьевной был установлен «особый тип» сложносочиненного предложения, сказуемое препозитивной предикативной части которого оформляется формой на *-быт* в личной форме [Там же, с. 30]: «... при таком употреблении временное значение формы значительно ослабевает, однако сохраняется. Причем прошедшее действие в данном случае выдвигается в качестве условия, с помощью которого устанавливаются другие действия (прошлого или настоящего). При этом следует отметить, что одним из значений подобного многозначного сложного предложения является выражение внезапности, неожиданности действия — адмиративности. Формой *-быт*+афф. в подобных предложениях обычно выражается предшествование события, описываемого препозитивной предикативной единицей. И субъект события препозитивной части является косвенным свидетелем этого события, т.е. высказыванием выражается также значение косвенной эвиденциальности. А тот факт, что обсуждаемыми сложносочиненными предложениями обозначается и значение адмиративности, в свою очередь, свидетельствует о соотносительном характере данной категории и косвенной эвиденциальности. Ср.: *Дьыэбэр кэлбитим — дьонум хайы үйэ сыппыттар этэ* ‘Когда я пришел домой, оказалось, что мои уже легли спать’ [Грамматика..., с. 20].

Формой результативного прошедшего времени первого (*-быт*+афф. сказуемости) в определенном контексте выражается косвенная эвиденциальность (инференциальность) и адмиративность. Евдокия Иннокентьевна пишет: «Основным признаком для него (для перфекта. — Н.Е.) остается обозначение действия, совершенного в прошлом, но не осознанного в момент его совершения и обнаруживаемого лишь в настоящее время по своим наличным результатам (значение инференциальности и адмиративности. — Н.Е.). *Мин бүгүн мииммин олус тууһаан кэбиспиһин*. ‘Я сегодня суп пересолила, оказывается’ [Коркина 1970, с. 86]».

В высказываниях со сказуемым в форме результативного прошедшего времени второго (*-ан+турар*+афф. сказуемости) передается, что говорящий выступает в качестве очевидца описываемого факта или события, а результат последнего для слушателя или читателя характеризуется новизной: «Совершенное в неопределенном прошлом действие выявляется в момент речи. Но это выявление в отличие от прошедшего результативного первого происходит не по наличествующим в момент речи резуль-

тативным признакам, а по утверждению, констатации говорящего в момент речи факта совершенности действия в прошлом, т.е. на семантику данной временной формы дополнительно наслаивается результативное видовое значение. ... *Мин эмиз кинини биирдэ билиэн ылан турабын* 'Однажды я его тоже забирал в плен (я тот, который однажды в прошлом тоже забрал его в плен)' [Там же, с. 94–95].

Формами прошедшего эпизодического времени (*-быт+афф.-лаах+афф.сказ.*; *-быт + афф. принадл. + баар*; *-ан турардаах+афф. сказуемости*) «обозначаются случайные, носящие эпизодический, а во многих случаях не только эпизодический, нерегулярный, но и однократный характер, прошлые действия. ... *Уонча сыллаабыта эмиз биир дуолан айдаан буолбутаах* 'Десять лет тому назад тоже имел место один грандиозный скандал'» [Там же, с. 101]. В этих формах Е.И. Коркиной усматривается и значение миративности, которое она квалифицирует как «дополнительный оттенок удивления, возмущения, досады говорящего лица совершенным или несовершенным в прошлом кем-то действием»: *Маайа барахсан, Даайыны көрсүөм этэ диэн, бачча дойдуга ат аттанан кэлэн испитэ баар* 'И подумать только, бедная Мая из-за одного желания повидаться с Даем приехала же (букв.: стала же приезжать) в такую даль!' [Там же, с. 102].

В некоторых случаях отмечается неожиданность, внезапность совершения действия — адмиративность, что характеризуется как «видовой оттенок быстрого совершения действия или наступления явления»: *Көрүүн бэтэрээ өттүгэр Аана кыыһырбыта баар* 'Не успеешь и оглянуться, как Анна рассердилась (сердится быстро, моментально)' [Грамматика..., с. 315].

Показателем прошедшего незаконченного времени (имперфект) оформляются высказывания нарративного типа, в которых говорящий обычно выступает в качестве очевидца. Это становится особенно очевидным при введении вводной конструкции в структуру подобных фраз. Ср.: *Сынньалан күүнэригэр кини кинигэ аабар этэ* 'В дни своего отдыха он читал книги (это случалось регулярно, т.е. каждый выходной день)' [Там же, с. 316] и *Мин билэрбинэн, сынньалан күүнэригэр кини кинигэ аабар этэ* 'Насколько знаю я, в дни своего отдыха он читал книги'.

Когда позиция вводной структуры заполняется зависимой предикативной конструкцией с субъектом третьего или второго лица, то фраза снабжается частицей *үһү* 'говорят' и выражает

значение косвенной эвиденциальности. Ср.: *Кини этэринэн, сынньалан күүнэригэр кини кинигэ аабар үһү* 'Как он говорит, в дни своего отдыха он читал книги' и *Кини этэринэн, сынньалан күүнэригэр кини кинигэ аабар этэ* (неправильная фраза).

Если во фразах рассматриваемого типа представлена информация, о которой говорящий слышал, то она оформляется конструкцией с частицей *сурахтааба* 'говорят' или формой косвенной речи: *Сынньалан күүнэригэр кини кинигэ аабар сурахтааба* 'Говорят, он в дни своего отдыха читал книги'; *Сынньалан күүнэригэр кини кинигэ аабар этэ диэни истибитим* 'Я слышал, что он в дни своего отдыха читал книги'.

Если в подобных фразах имеет место ссылка на чью-то речь, то конструкция может иметь форму прямой речи: *«Сынньалан күүнэригэр кини кинигэ аабар этэ», - диэн Баһылай эппитэ* 'Василий сказал: «В дни своего отдыха он читал книги»'.

В конструкциях с имперфектом Е.И Коркина выявляет значение неопределенного и конкретного прошедшего времени. Последнее имеет место в сложных синтаксических целых или сложносочиненных предложениях со сказуемым препозитивной части предложения, выраженным формой на *-быт*: *Үлэбиттэн төннөн иһэн Ылдьаа киирэн тахсыбытым. Дьылээх тойон суоҕа, хотун лэппиэскэ онгоро турара* 'Возвращаясь с работы, я заходил к Ильинским. Хозяина не было, хозяйка готовила лепешки'; *Ол көрдүү сылдьан көрбүтэ, ынаба алас ортотугар киирэн мэччийэ сылдьара* 'Когда, продолжая поиски, он взглянул: корова его забрела на середину аласа, и паслась там' [Коркина, 1970, с. 122–123]. Подобные конструкции приводились нами выше и в зависимости от контекста расценивались в качестве ад/миративных, т.е. разновидностей структур косвенной эвиденциальности.

Ученым отмечается еще одно функциональное значение обсуждаемой формы. В условных конструкциях форма *-ар эт+афф.л.,ч.* употребляется в значении сослагательного наклонения, т.е. форма на *-ар* в современном якутском языке, сохраняет «в определенной степени свою семантику будущности действия» [Там же, с. 123].

Давнопрошедшее (преждепрошедшее) время (*-быт+этэ*) употребляется для обозначения действия, «которое предшествует другим прошедшим действиям, совершенным относительно близко к моменту речи» [Там же, с. 126].

Это значение наиболее ярко проявляется в сложносочиненных предложениях с изъяснительным значением (с семантикой восприятия события): главное событие воспринимается говорящим препозитивной части после того, как оно уже совершилось: *Мин түннүгүнэн тиийэн көрбүтүм саалаах дьон дьиэни тула турбут этилэр* 'Когда я посмотрел, подойдя к окну, оказалось, что вооруженные люди окружили дом (относительное временное значение предшествования в прошедшем)' [Там же].

В таких высказываниях говорящий, он же субъект препозитивной части, является косвенным свидетелем главного события, которое может восприниматься им как неожиданное или новое (значение ад/миративности). Конструкции с формой давнопрошедшего времени являются структурно-семантическими модификациями структур косвенной эвиденциальности / ад/миративности. Ср.: конструкции [...-быт+аф. л., ч.], [...-ар/-ар этэ/-быт этэ].

Давнопрошедшее эпизодическое время в зависимости от контекста оформляет действия, которые воспринимаются говорящим как неожиданные, актуализированные (ад/миративные). Например: *Муодарбаатым эбээт, тойонум. Хаһан мин итинниги истибитим баарай* 'Удивился ведь я, мой господин. Когда я раньше мог иметь случай слышать такое'; *Мин биэс кылаас үөрэхтээх, уон сэттэлээх уол, биир кыһын учуутал буолбуттаах этим* 'Я, 17-летний парень с пятиклассным образованием, как-то одну зиму работал учителем'; *Былыр биирдэ Сүөдэр кэргэнэ Маайалын, оҕото Сэмэнчиктин бу суолунан эмиэ суос-сатыы киирэн турардаах этилэр* 'Много времени тому назад Федору с женой Маей, сыном Семенчиком пришлось раз пройти по этой же дороге совсем пешком' [Там же, с. 137].

Как видно из вышеизложенного, Евдокия Иннокентьевна при анализе семантики временных форм глагола обратила внимание и на

эвиденциальные значения этих форм. Данные значения в ее исследованиях представлены в виде дополнительных или контекстуальных смыслов временных структур. В настоящее время многие временные формы рассматриваются как совмещенные средства выражения категории эвиденциальности.

Е.И. Коркина, как и ее предшественники О.Н. Бетлингк, С.В.Ястремский, Е.И. Убрютова, Л.Н. Харитонов и другие, при изучении грамматических категорий особое внимание обращала на их функциональный аспект. Это свидетельствует о том, что в трудах выдающихся якутоведов была заложена прочная основа для развития функционального направления в изучении якутского языка. Отрадно, что в настоящее время данное направление становится ведущим не только в грамматических, но и лексикографических и лексикологических изысканиях.

ЛИТЕРАТУРА

Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. — М., 1982. — С. 309.

Козинцева Н.А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными таксисными значениями. — Л., 1994. — С. 96–97.

Коркина Е.И. Формы прошедшего времени в якутском языке: Автореф. дис. ... канд.филол.наук. — М., 1960.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. — М., 1970.

Шамина Л.А. Грамматические средства, используемые для указания на источник получения информации в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. — Новосибирск, 2002. Вып. 8. — С. 201–215.

Шамина Л.А., Ондар Ч.С. Глагольные аналитические конструкции с первым причастным компонентом в тувинском языке. — Новосибирск, 2003. — С. 36.

N. N. Efremov

The category of an evidentiality in E.I. Korkina's researches

The article considers the contribution of E.I. Korkina into an investigation of the category of verbal tense and mood in Sakha in connection with issues in functional and semantic categories. It is postulated that Evdokija Innokentjevna's works laid theoretical foundations for the study of semantic categories, first of all evidentiality which is expressed grammatically in Sakha, just as in other Turkic languages.

Keywords: category of tense, evidentiality, verb, mood, construction, structure, form, complex compound sentence.

Н.И. Попова

Перифрастическая форма *-ар/-бат буол-* в якутском языке: аспектуальная семантика

В статье рассмотрена одна из перифрастических форм глагола, представляющая собой сочетание причастия *-ар/-бат* со спрягаемой формой вспомогательного глагола *буол-*, на предмет выявления ее аспектуальных значений.

Ключевые слова: перифрастическая форма глагола, якутский язык, категория аспектуальности, фазовость, результат действия, регулярность действия.

Под перифрастическими формами глагола в тюркских языках понимаются «аналитические глагольные формы, которые состоят из двух компонентов — основы причастия и спрягаемой формы вспомогательного глагола *бол-/ол-* ‘стать, быть’» [Коркина, 1979, с. 5], или формы, которые состоят «из основы простых форм изъявительного наклонения (исключение составляет... прошедшее категорическое вр.) + гл. *olmak* ‘быть’, или реже, *bulunmak* ‘находиться’» [Кононов, 1956, с. 212].

Перифрастические формы глагола в тюркологических работах традиционно рассматриваются как одно из средств выражения категории вида, или шире — аспектуальности, темпоральности, а отчасти и модальности (Михайлов, 1954; Кононов, 1956; Кузнецов, 1956; Насилов, 1960; Гузев, 1990; Шамина, 2003 и др.).

На материале якутского языка исследование перифрастических форм глагола было предпринято Е.И. Коркиной и нашло отражение в ее монографии «Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке», изданной в 1979 г. В соответствии с названием работы основное внимание автора было уделено выявлению различных модальных значений глагольных конструкций четырех типов, в том числе перифрастических форм в составе причастий *-ар/-бат*, *-быт*, *-ых/-мых* в сочетании со вспомогательным глаголом *буол-* ‘быть, становиться’.

Так же, как и в других аналитических конструкциях тюркских языков, в перифрастических формах глагола лексически главный, знаменательный компонент занимает первую позицию, а вспомогательный глагол, несущий в основном грамматическую нагрузку, — вторую.

Но в якутском языке, как установлено Е.И. Коркиной, в некоторых типах перифра-

стических конструкций, например *-ар/-бат + буол-* в форме прошедшего категорического времени в составе вопросительной конструкции, времяобразующим компонентом выступает само причастие. Евдокия Иннокентьевна считает, что активное употребление данной перифразы привело к большей грамматикализации и «к обособлению глагола *буол-* в самостоятельную лексему — модальную частицу в неизменной форме 3-го лица единственного числа прошедшего категорического времени», что повлекло «образование новой перифрастической конструкции в якутском языке», где личные аффиксы присоединяются к причастным формам *-ар/-бат*, *-быт*, *-ых*, а вспомогательный глагол постоянно встречается в форме прошедшего категорического времени *буол-ла* [Коркина, 1979: с. 11].

Исследованием Е.И. Коркиной установлено также, что модальными значениями, передаваемыми перифрастическими формами, являются значения намерения, решимости, обещания, согласия, угрозы совершить действие, вопросительной модальности и модальности симуляции действия [Там же, с. 5–13].

Наряду с этим отмечается, что, «как и в других тюркских языках, перифрастические формы глагола в якутском языке служат не только для выражения модальных, но и некоторых других значений» и далее: «...перифрастические формы в составе причастий *-ар/-бат*, *-быт/-батах*, *-ых/-мых* и вспомогательного глагола *буол-* во всех временах изъявительного наклонения служат для выражения значения перехода из одного состояния-действия в другое» [Там же].

Что касается синтаксического использования перифрастических форм, по наблюдениям Е.И. Коркиной, они могут употребляться в раз-

ных синтаксических функциях (определение, дополнение, подлежащее и сказуемое) [Там же].

К сожалению, в дальнейшем перифрастические формы якутского глагола не подвергались более детальному изучению. Так, в «Грамматике современного якутского литературного языка» [1982, с. 406] в разделе «Модальные служебные глаголы» лишь упоминается, что «служебный глагол *буол*-, сочетаясь с причастиями настоящего (*-ар+буол*), прошедшего (*-быт+буол*), будущего (*-ых+буол*) времен, образует перифрастические формы глагола и выражает различные оттенки модальности.

В докторской диссертации Г.Г. Филиппова, [рукопись, с. 315–325], посвященной комплексному типологическому функционально-семантическому исследованию причастий, перифрастическим формам глагола – причастие + вспомогательные глаголы *буол*-, *гын*-, *онор*- отводится определенное место, описаны особенности их функционального использования и «время модальные значения». По справедливому замечанию автора, как и в других тюркских языках, «каждая причастная форма в якутском языке обладает конкретным временным значением и имеет потенцию к созданию определенного модально-видового значения» [Там же, с. 314]. Г.Г. Филиппов считает, что видовой оттенок форм на *-ых буол*-, *-ар буол*-, *-быт буол*-, *-а илик буол* отличается от видового значения, выраженного аналитической формой деепричастного типа, поскольку в последних «не отражается отношение говорящего, а в причастной описательной форме видовое значение ... устанавливается говорящим лицом как его состояние» [Там же, с. 324]. На этом основании утверждается, что «в якутском языке значения форм причастий с глаголом *буол*- можно отнести только к модальности глагола с оттенком вида» [Там же].

Таким образом, исследователи якутского языка склонны представлять перифрастические формы глагола, прежде всего, как средства выражения семантической категории модальности, которым свойственно выражать и другие значения, в том числе видовые (или аспектуальные).

В связи с этим мы решили попытаться рассмотреть одну из трех выделенных Е.И. Коркиной в якутском языке перифрастических форм глагола, а именно – сочетание причастия *-ар/-бат* со спрягаемой формой вспомогательного

глагола *буол*- со значением «быть, стать» на предмет выявления ее аспектуального содержания, характеризующего ситуацию, выраженную глагольной основой, изнутри в ее динамике.

Для этого из академической картотеки Большого толкового словаря якутского языка, а также из монографии Е.И. Коркиной [1979] и рукописи докторской диссертации Г.Г. Филиппова было извлечено и проанализировано около 250 примеров использования формы *-ар/-бат + буол*-. Обнаружилось, что рассматриваемая перифрастическая форма характеризует следующие ситуации:

1. Действие, выраженное причастием, имеет фиксированное начало:

(1). *Ити эрэ кэnnиттэн ийэм миигин оонньуга ыт-ар буол-ар* (Е.И. Коркина,) – Только после этого мать начинает отпускать меня на игры;

(2). *Онтон ыла оонньоттор бэйэлэрэ да кул-эр буол-буттара ...* (С. Омолоон) – С тех пор старики и сами стали посмеиваться...

(3). *Эдьийим хас да ыйынан холкутук нуучалары ааҕ-ар буол-бута* (А. Федоров) – Через несколько месяцев моя старшая сестра начала свободно читать по-русски.

В приведенных примерах, где перифрастическая форма выражает аспектуальную семантику начальной фазы действия, использованы специальные внешние средства контекста, указывающие на его начальный предел: *ити эрэ кэnnиттэн* ‘только после этого’ (1), *онтон ыла* ‘с тех пор’ (2), *хас да ыйынан* ‘через несколько месяцев’ (3). Действие, выраженное причастием на *-ар*, обозначает атрибутивный качественный признак, наблюдаемый с определенного момента у субъекта, выраженного эксплицитно в составе предложения: *ийэм* ‘моя мать’, *огонньоттор* ‘старики’, *эдьийим* ‘моя старшая сестра’. В данном употреблении вспомогательный глагол *буол*- может принимать формы всех времен изъявительного наклонения: настоящего, прошедшего, будущего. При этом своего лексического значения он не утрачивает и ведет себя точно так же, как в сочетании с именным словом с признаковым значением, с которым он образует сложный глагол со значением «становиться таковым». Ср. *ыарынах буолбут* ‘стал больным’, *доруобай буолбут* ‘стал здоровым, поправился; выздоровел’.

2. Действие, выраженное причастием, представляется как состояние-признак субъекта, наблюдаемый в настоящем как результат:

(4). *Аны Үчүгээйэппит кыһа киһи сизэтиилээх сылды-ар буол-бут дии* (С.Ефремов) — А дочка-то Ючюгеева теперь, оказывается, ходит с некто, взявшись за руки.

(5). *Аны наар оболору уруһуйду-ур буол-буккун* (Амма Аччыгыйа) — Теперь ты, оказывается, рисуешь только детей (стал таким, который рисует детей)

(6). *Ваня, Ваня, хайа аны миигиттэн куттан-ар буол-буккун дуу?* (С.Ефремов) — Ваня, Ваня, а ты что, теперь стал меня бояться (стал таким, который боится)?

(7). *Кэлин үөрэнэн син таб-ар буол-буппун* (Т.Сметанин) — Позже, подучившись, стали более-менее попадать.

Аспектуальная семантика результата действия в примерах (4–7) передается видовременной формой на *-быт* при вспомогательном глаголе *буол-* и актуализируется внешними лексическими средствами: *аны* ‘теперь’ (4, 6), *аны наар* ‘теперь постоянно, все время’ (5), которые указывают на период времени, обозримый говорящим в настоящее время. В примерах (4–6) использованы глаголы бытия *сырыт-* ‘ходить’, интеллектуальной деятельности *уруһуйдаа-* ‘рисовать’, эмоционального состояния *куттан-* ‘бояться’, относящиеся к ряду неопределенных глаголов, которые в форме причастия *-ар* выражают состояние-признак. В отличие от (1–3), где возникновение признака имеет фиксированное начало, в (4–6) момент наступления, начала возникновения состояния-признака не представляется существенным. Важно то, что наблюдается теперь и констатируется как результат. Пример (7) отличается от других тем, что признак, выраженный причастием, является прямым результатом действия, происходившего в прошлом. На наличие действия в прошлом указывают обстоятельственные слова *кэлин* ‘позже’ и *үөрэнэн* ‘подучившись’.

3. Действие, происходившее в прошлом регулярно:

(8). ... *киһи былыр кэнэн да буолар эбит, ол-бу мастан куттана сылды-ар буол-ара дэһэллэр* (С.Омоллоон) — До чего, оказывается, люди раньше были наивными, говорят, всякого (букв. того-этого) дерева боялись.

(9). *Кини биһикки бэйэ-бэйэбитин билсэрбит — иккиэн биһиргэ хомойорбут, иккиэн биһиргэ үөрэрбит...* *Хардарыта өрүсүһ-эр буол-арбыт* (Г.Филиппов) — Мы друг с другом тесно общались — оба вместе грустили, вместе радовались... Взаимно поддерживали друг друга.

(10). ...*ханан кэбирэх сири хааннаах тумустарынан тонсуйалларын көрөн, тынгырахтарын-тумустарын бысталы-ыр буол-арбыт* (С.Ефремов) — Следя за тем, как вонзают они свой кровавый клев в слабые места, мы обрезали им и когти, и клюв.

Грамматической аспектуальной доминантой в приведенных выше примерах является форма неопределенного имперфекта *-ар + афф. принадлежности* при вспомогательном глаголе *буол-*, который имеет значение «быть, иметь место в прошлом длительное время, постоянно», и интерпретирует атрибутивный признак, выраженный причастием *-ар*, как регулярно проявлявшееся свойство субъекта в прошлом. Об аспектуальном значении регулярности, повторяемости, а не о постоянстве действия-признака свидетельствует контекстное окружение. Раздельность, прерывность действия уточняется такими дискретными средствами, как *ол-бу* ‘тот-этот’ (8), *хардарыта* ‘взаимно’ и форма взаимно-совместного залога *-с* при глаголе *өрүһү-с* (от глагола *өрүһүй* ‘помогать, спасать, поддерживать’) (9). В примере (10) значение регулярности актуализируется также глагольной основой причастия *быс-талы-ыр*, которая содержит аффикс *-та-лаа-* с аспектуальным значением раздельной кратности.

4. Действие, выраженное причастием *-бат* в составе перифрастической формы, прекращается:

(11). *Онтон ыла ханан да сымыйалаа-бат буол-бутум* (А.Федоров) — С тех пор я перестал лгать.

(12). *Хамнас аахсы сабана дьоммут (колхоз салалтата) сүгүн кэпсэп-пэт, куота сылдыар буол-лулар* (Н.Лугинов) — Когда пришло время расплатиться, они (правление колхоза) перестали разговаривать (с нами), стали избегать (нас).

(13). *Кыыс обо кырды-бат буол-уоҕа, кырыа Хаар түһүө суоҕа* (П. Тобуроков) — Девушки перестанут стареть, росистый снег не будет падать.

Перифрастическая форма *-бат буол-* представляет собой грамматический антоним формы *-ар буол* с той же фазовой семантикой начала действия, но со значением прекращения. Момент начала возникновения новой ситуации в (11, 12) также актуализован различными обстоятельственными средствами: *онтон ыла* ‘с тех пор’ (11), *хамнас аахсы сабана* ‘когда пришло время расплатиться’ (12). В этих примерах речь идет о событиях, которые имели

место в прошлом, о чем свидетельствуют формы прошедшего времени при вспомогательном глаголе *буол-*. Соответственно, эти события являются достоянием опыта говорящего, в силу чего он может точно указать и уточнить все фазы развития ситуации. В последнем примере (13) *буол-* имеет форму будущего категорического времени *-ых*, которое выражает уверенность говорящего в том, что ситуация будет иметь место в будущем, однако точно указать, когда она возникнет, не представляется возможным. Этим обусловлено отсутствие лексических средств выражения ее начальной фазы.

5. Действие, которое близко к совершению:

(14). *Күн тулл-ар-а, күһэнэ быст-ар-а* буола (Г. Филиппов) — Вот-вот сорвется солнце, вот-вот порвется уздечка

(15). *Тарбахтарым ууллулар, мин ыйанан турар мутукпуттан төлө ыһыкт-ар-ым буол-ла* (Г. Филиппов) — Пальцы онемели, вот-вот сорвусь с ветки, на которой повис.

В (14, 15) обращает на себя внимание грамматическое оформление перифрастической формы. Вспомогательный глагол неизменно имеет форму прошедшего категорического времени на *-ды-*, а причастная форма — аффиксы принадлежности. Перифрастическая форма описывает ситуацию, которая либо непосредственно наблюдается говорящим, либо говорящий сам является субъектом действия. Несмотря на то, что вспомогательный глагол находится в форме прошедшего времени, перифрастическая форма обозначает настоящий момент времени, когда действие близко к совершению. Очевидно, что здесь мы имеем случай, определенный Е.И. Коркиной как новый тип перифрастической формы, где вспомогательный глагол представляет самостоятельную лексему в неизменной форме, а грамматическая нагрузка перешла на причастную форму, о чем мы говорили выше.

Обобщая изложенное, следует сказать, что в рассмотренных перифрастических конструкциях преимущественно используются глаголы лексико-семантической группы эмоционального, физиологического состояния, интеллектуальной, речевой деятельности, физического действия, отношения, движения и восприятия. При этом особенность конструкции заключается в том, что она представляет действия-процессы как состояния, возникающие после какого-то определенного фиксированного предела, или как результат чьего-либо действия, или как регулярно повторяющиеся в течение

длительного времени в прошлом. Разновидности аспектуальной семантики рассматриваемой перифрастической конструкции в большей степени зависят от аспектуальной семантики временной формы, обслуживающей вспомогательный глагол *-буол-*. Важной особенностью перифрастических форм является то, что они обозначают ситуации, наблюдаемые говорящим, или те, где он является непосредственным участником.

В этом отношении все остальные средства выражения функционально-семантической категории аспектуальности в якутском языке: аналитические бивербальные конструкции типа деепричастие + вспомогательный глагол (например: *-а тур-*, *-ан хаал-*, *-ан эр-*, *-ан ыл-* и др.), разнообразные синтетические формы словообразовательного и словоизменительного характера — являются вполне нейтральными [Харитонов, 1960].

Если рассматривать перифрастические формы глагола как одно из средств выражения функционально-семантической категории аспектуальности, то в ее полевой структуре перифрастические формы займут, пожалуй, место на периферии как формы, совмещающие в своем семантическом содержании, наряду с аспектуальными, и значения модальности как неотъемлемой составляющей. Однако окончательное решение этой задачи представляется возможным лишь тогда, когда в полной мере будут описаны все перифрастические формы якутского глагола и все остальные средства выражения аспектуальности в их соотношении друг с другом в системе.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — Л., 1983.
- Грамматика современного якутского литературного языка. — М., Наука, 1982.
- Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. — Л., Изд-во ЛГУ, 1990.
- Данилова Н.И., Попова Н.И., Ефремов Н.Н. Курс якутской грамматики. Система морфологических категорий и синтаксических конструкций. — Якутск, 2004.
- Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — М.; Л., 1956.
- Коркина Е.И. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. — Якутск, 1979.
- Кузнецов П.И. К вопросу о перифрастических формах турецкого языка // Краткие сообщения Института востоковедения. XVIII, 1956. — С. 19–33.

Михайлов М.С. Перифрастическая форма и категория вида в турецком языке. — М., 1954.

Насилов Д.М. К вопросу о перифрастических формах глагола в древнетюркских языках // Вопросы языкознания. — 1960, № 1. — С. 93–97.

Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. Дисс...докт.филол.наук. [Рукопись] — Якутск, 1999.

Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.:Л., 1960.

Шамина Л.А. Перифрастические формы тувинского глагола (структура и семантика) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 11. — Новосибирск, 2003. — С. 162–193.

N.I. Popova

Periphrastic form -ar/-bat buol- in the Yakut language: aspectual semantics

The article considers one of the periphrastic forms of the verbs which presents a combination of the participle -ar/-bat with the conjugated form of the auxiliary verb buol- with the goal of determining its aspectual meanings.

Keywords: periphrastic verbal form, yakut (sakha) language, category of an aspectuality, the phase, result of action, action regularity

УДК 811.512.157'366.58

Н.И. Данилова

Система временных форм якутского глагола в функциональном аспекте

Рассматриваются временные формы якутского глагола в системе способов выражения функционально-семантической категории темпоральности. Дается анализ взглядов на соотношение форм времени, наклонения и модальности.

Ключевые слова: форма времени, модальность, наклонение, темпоральность.

Грамматические категории и функциональные формы якутского глагола были в центре интереса Е.И. Коркиной на протяжении всей ее научной деятельности. Как известно, начало ее пути в науку было положено успешной защитой в 1960 г. кандидатской диссертации на тему «Формы прошедшего времени в якутском языке». В 1970 г. Издательством Академии наук СССР в Москве была издана монография «Наклонения глагола в якутском языке», за которую ей была присуждена ученая степень доктора наук. В результате дальнейшего исследования глагольных категорий Евдокия Иннокентьевна написала и издала монографии «Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке» (Якутск, 1979), «Деепричастия в якутском языке» (Новосибирск, 1985) и большой раздел «Наклонения» в академическом издании «Грамматики современного якутского литературного языка» (М., 1982). Среди этих фундаментальных работ особое место занимает монография «Наклонения глагола в якутском языке» — научный труд, получивший высокую

оценку как отечественных, так и зарубежных тюркологов.

Хотя автор скромно отметила, что в работе стояла задача — «дать описание наличествующих в якутском языке форм наклонений, более подробно раскрыть их употребление и модальные значения, рассмотреть присущие им временные формы» [Коркина 1970: 22], монография была посвящена одной из сложнейших теоретических проблем лингвистики, и в ней представлено скрупулезное описание всей системы наклонений якутского языка, которые определены как лично-глагольные формы выражения категории модальности. Проблема соотношения категорий наклонения и модальности продолжает вызывать острую полемику среди специалистов на протяжении всей истории развития науки о языке, характеризуется разнообразием подходов и теорий. Как известно, подходы к данной проблеме опираются в основном на две теоретические концепции — на концепцию о семантической соотносительности категорий модальности и наклонения и концепцию, согласно которой названные категории никак не взаимосвязаны.

Е.И. Коркина предприняла исследование категории наклонения в якутском языке, основываясь на представлении о семантической соотношенности категорий модальности и наклонения. По выражению Евдокии Иннокентьевны, «всеобъемлющая», семантическая зона модальности включает в себя наклонение, которое наделено статусом «грамматической основы модальности» [Коркина, 1970, с. 27]. При этом модальность понимается как семантически более объемная категория, включающая наклонение в качестве одного из четырех известных в языках способов ее выражения.

Как известно, «модальность является одним из основных “эгоцентрических” механизмов естественных языков: модальные компоненты позволяют не просто описывать мир “как он есть”, но и представлять “субъективный” образ мира — т.е. мир, пропущенный через призму сознания и восприятия говорящего» [Плунгян, с. 309]. Таким образом, в любом высказывании «не только сообщаются некоторые сведения о мире, но и выражается отношение говорящего к тому, что он сообщает. Это отношение и называется, обобщенно, «оценкой» [Там же]. В исследовании Е.И. Коркиной [1970, с. 23] модальность определена как категория, передающая «отношение человека к фактам и явлениям реальной действительности, грамматически выражаемое через говорящее лицо». Такое определение категории модальности свидетельствует о подходе к ней как к оценочной категории, главный семантический компонент которой составляет отношение говорящего к тому, что он сообщает.

В современной лингвистике различают несколько типов оценки, важнейшей из них считается эпистемическая оценка, или эпистемическая модальность, которая «имеет отношение к сфере истинности; это оценка степени правдоподобности (или степени вероятности) данной ситуации со стороны говорящего» [Плунгян, с. 311]. Наклонения якутского глагола Е.И. Коркиной определены как формы, в каждой из которых «закрепляется определенный характер отношения действия к действительности. Модальное значение каждого наклонения выявляется на базе сопоставления его с другими наклонениями в соответствующих рядах оппозиций» [Там же, с. 28]. Важно добавить, что наряду с наклонениями в исследовании установлено существование в якутском языке других грамматических средств выражения категории модальности — аналитических форм, названных лично-глагольными

конструкциями. По степени грамматикализованности они подразделены на три группы: во-первых, «конструкции в составе причастий на *-ар*, *-ых*, *-быт* и спрягаемых форм глагола *буол*-, формы, за которыми в тюркологии в какой-то степени укоренилось название перифрастических форм глагола» [Коркина, 1970, с. 31]. Они представляют собой устоявшиеся в формальном и семантическом смысле конструкции и выполняют в предложении «функцию единого сложного сказуемого» [Там же, с. 31]. Вторая группа — конструкции, составленные из причастий и модальных глаголов, модальных слов именного и глагольного происхождения. Они занимают промежуточное положение «между грамматическими аналитическими формами и свободными глагольными сочетаниями, т.е. как свободные или полусвободные синтаксические словосочетания с модальным значением» [Там же]. В третью группу включены сочетания причастий с модальными словами. Опираясь на приведенное определение можно утверждать, что в основе подхода Е.И. Коркиной к категории модальности лежит модальность эпистемическая. Такой подход позволил охватить в исследовании все формы, позволяющие выразить оценку говорящим фактов реальной действительности в разных аспектах и определить наклонение как категорию, занимающую зависимую позицию в соотношении модальность/наклонение.

Е.И. Коркина отметила разную степень модальности, т.е. модального содержания форм наклонений якутского глагола, хотя в каждом из них в обобщенном виде закрепляется определенный характер отношения действия к действительности. На материале якутского языка Е.И. Коркина [1970, с. 28] выявила десять «самостоятельных форм глагольного наклонения, которые отличаются друг от друга своими морфологическими показателями и модальной семантикой». Самым емким модальным содержанием отличается форма изъявительного наклонения, при помощи которой «высказывание оценивается или воспринимается говорящим как полностью соответствующее действительности, как точно отражающее истинные связи и явления окружающей объективной реальности» [Там же, с. 32]. Остальные формы глагольного наклонения в исследовании отнесены к «косвенным».

Е.И. Коркина описала формы наклонения якутского глагола в своем исследовании в аспекте соотношения наклонения и времени. Она отметила тесную связь этих категорий, об-

условленную «их былой генетической общностью» — в основе форм наклонения и времен глагола лежат одни и те же причастные формы [Там же, с. 29]. Данное представление о системе наклонения и времени вполне соответствует сложившемуся в тюркологии мнению о синкретичности форм их выражения. Например, А.А. Юлдашев отметил, что «категории наклонения и времени в тюркских языках выражаются единой синкретичной формой, т.е. являются недифференцированными» [Баскаков, 1988, с. 326]. Причина этого факта видится в том, что всем тюркским первичным причастиям, послужившим основой для временных форм, присущи категории наклонения и времени.

Е.И. Коркина отметила, что «наклонения в современном якутском языке показывают различную степень связи с грамматической категорией времени, что в свою очередь объясняется различием модальности, выражаемой каждой из них» [Там же, с. 29]. При этом «наиболее тесную связь с категорией времени показывает изъявительное наклонение, которое может изменяться по всем трем временным аспектам (настоящего-будущего, будущего и прошедшего времени)» [Там же]. Наибольшую выраженность категории времени в изъявительном наклонении Е.И. Коркина объяснила достоверным характером содержащегося в нем модального значения. При этом она все-таки отметила первичность репрезентации категории времени в финитных глагольных формах, сказав, что внутри времен модальность может иметь разную степень выражения благодаря употреблению в высказывании модальных слов и частиц.

Г.Г. Филиппов, [1983, с. 125–126], посвятивший специальную статью соотношению временных и модальных значений во временных формах якутского глагола, выступил против «рассмотрения категории времени только как формы изъявительной модальности». Он высказал мнение о том, что «модальность — обозначение субъективного отношения говорящего к определенному действию. А временное значение, хотя имеет условное приложение к моменту речи, по сути, характеризует объективное отношение субъекта к действию, устанавливаемое говорящим лицом» [Там же, с. 118]. На основании анализа временного значения наклонений якутского глагола он пришел к выводу, что «основной категорией при описании модальности глагола должно быть время. На основании прикрепленности к тому или иному времени необходимо выявлять модальные значения, так как в абсолютном большин-

стве случаев определенному времени соответствуют определенные модальные значения» [Филиппов, с. 126]. Эти модальные значения выражаются при помощи аффиксов, прибавляемых к временным, и служебных лексем. На тот факт, что временные формы якутского глагола выступают «как показатели форм некоторых других наклонений», обратила внимание также Н.И. Попова [с. 77].

Тесная связь категорий наклонения и модальности послужили причиной построения системы временных форм глагола в якутском языке, в которой представлены и синтетические, и аналитические морфологические формы. Приведенный Е.И. Коркиной перечень в работе Н.И. Поповой [с. 77] был разделен по своей структуре на два ряда «простых и сложных форм времени». Эти формы также образуют сложную систему, разделенную на основе точки отсчета времени действия на формы первичной и вторичной ориентации. Синтетические темпоральные формы названы формами первичной ориентации. В этих формах точкой отсчета служит грамматический момент речи. А «формы второго ряда по отношению друг к другу обозначают различные оттенки прошедшего действия, а по отношению к фону настоящего момента имеют значение абсолютной давности, сослагательности» [Там же, с. 97].

Подход, предложенный Н.И. Поповой по отношению к временным формам, основан на идее о «противопоставлении двух временных фонов в сфере глагола», которое «имеет соответствие в противопоставлении двух значений времени у именного сказуемого» [Там же, с. 97]. Существенным моментом при таком подходе является также взаимообусловленность формальной и семантической структур как каждой временной формы, так и временных форм в пределах парадигмы.

Структурная противопоставленность, или разнородность форм времени, вызвана сложной системой обозначения этой категории. О наличии в составе временных форм усложненных аффиксов, служебных слов, частиц, которые вызывают смещение временного ракурса, говорил также Г.Г. Филиппов. Он отмечает, что «в языке, кроме обычно объективной (реальной) системы времени, которая отсчитывает время от момента речи, еще существуют сложные, относительные, смещенные времена отсчета. В них настоящее время смещается либо в прошлое, либо в будущее относительно момента речи, причем смещаются не чистые, а модально окрашенные времена» [Филиппов,

1983, с. 116]. Приведенные высказывания имеют существенное значение для теоретического осмысления временных форм якутского глагола, в целом же вопрос о соотношении форм наклонения и времени требует дальнейшего изучения с учетом современных разработок по теории глагола.

Как известно, в системе времен якутского глагола Е.И. Коркина рассмотрела настоящее-будущее, будущее и 8 форм прошедшего времени, которые в наиболее полном виде развертываются в изъявительном наклонении. Предложенная и исследованная Е.И. Коркиной система временных форм глагола была расценена как «шаг к правильному пониманию соотношения временного и модального значений глагола якутского языка» [Филиппов, 1983 с. 126]. Но в данной, на первый взгляд, логически верно выстроенной иерархии объективно существует противоречивость, вызываемая конкретными условиями речевой реализации. Как известно, существенным моментом для определения речевой функции грамматической категории, представленной граммемой в составе словоформы, является характер репрезентации ее в речи. В этом отношении наиболее существенным представляется мнение, что «морфологическая категория как признак существует в языке, в его морфологической системе, но репрезентация данного аспекта рассматриваемых категорий в речи имеет другой характер» [Бондарко, 149]. Характер и признаки речевой реализации категорий модальности, наклонения и времени могут получить наиболее адекватную и полную оценку в случае подхода к ним с позиций функциональной грамматики.

В функциональной грамматике комплекс наклонение-время рассматривается в рамках категории темпоральности, модальные значения изучаются в качестве самостоятельной семантической категории. При подходе с этой позиции темпоральность представляет собой отдельный компонент аспектуально-темпорального комплекса, который объединяет языковые семантические категории, выражающие идею времени. Темпоральность «трактруется как семантическая категория, охватывающая в ее языковом выражении различные типы отношений обозначаемых ситуаций к моменту речи говорящего или иной исходной точке отсчета (производной от момента речи) на основе признаков одновременности (настоящее), предшествования (прошлое) и следования (будущее)» [Бондарко, 1990, с. 66].

Категория темпоральности в якутском языке, если исходить из идеи о формах первичной и вторичной ориентации, образует хорошо структурированное функционально-семантическое поле, ядро которого составляют формы индикатива с грамматическим значением времени. Ядро, в свою очередь, дифференцируется по признаку синтетичности и аналитичности способа формального выражения.

Синтетические формы времени в якутском языке составлены при помощи граммем настоящего-будущего времени на *-ар*, будущего на *-ых*, недавнопрошедшего времени на *-т* (*-д*, *-л*, *-н*), преждепрошедшего на *-быт*+аффикс принадлежности, прошедшего результативного на *-быт*+аффикс сказуемости. Как было сказано выше, ядро функционально-семантической категории темпоральности составляют синтетические формы индикатива с грамматическим значением времени. Темпоральная семантика совпадения с моментом речи представлена граммемами *-а* и *-р*. Из представленных граммем форма на *-р* считается более древней: «уже в древнейших памятниках мы застаем картину значительного развития форм на *-р* и их четкого противопоставления претеритальным формам. Причем и в орхонских текстах, и в древнеуйгурских, и в языке, описанном Махмудом Кашгарским, форма на *-р* передает настоящее неотнositельное, принимая в зависимости от контекста значения настоящего актуального, будущего и т.п.» [Кормушин, 1984, с.18]. В большинстве современных тюркских языков, кроме огузских, функцию выражения настоящего абсолютного (общего, неотнositельного) времени несет форма на *-а* [Кормушин, 1988, с. 409].

Поскольку в якутском языке обе формы настоящего времени представлены в одной словоформе: *бар-а-р* (ед.ч.), *бар-а-р-лар* (*бараллар*) (мн.ч.), функциональные возможности третьего лица более обширны. А первые два грамматических лица выражены только формой на *-а*, что естественным образом сужает их функциональные возможности. Таким образом, в целом настоящее время как результат синтеза двух разных форм имеет чрезвычайно широкий семантический потенциал.

В исследованиях Е.И. Коркиной по глагольным формам якутского языка, в том числе по наклонениям, форма на *-ар* представлена как форма настоящего-будущего времени [Коркина, 1970, Грамматика... 1982]. Н.И. Попова совершенно обоснованно квалифицировала форму на *-ар* как форму «непредшествования настоя-

щему моменту», которая может «передавать в тексте различные смыслы в зависимости от семантики глагольной основы, в частности, настоящие актуальные, неактуальные и будущие действия» [Попова, с. 90]. Таким образом, можно утверждать, что форма на *-ар* в якутском языке представляет собой граммему презенса, в значениях которого присутствуют обозначения действий, не предшествующих моменту речи, — как совпадающих с ним, так и следующих за ним.

Категориальное значение презенса, т.е. значение совпадения события с моментом речи, представлено в следующих примерах: *Обо маһын сүкпүтүнэн киирэн оһох төрдүгэр бырабар* (К ТА 1960, с. 136) 'Ребенок заходит с дровами на спине и бросает их перед печкой'; *Дуһа атабын тумсунан үктэнэн таһырдыа таһсаары аанга барар* (СЕ ТП, с. 43) 'Дуһа наступа на цыпочки, чтобы выйти на улицу, идет к двери'; *Үлэм-хамнаһым хааллабыа диэн ытыы олоробун* (АС ТА I, 1964, с. 105) 'Сидишь и плачешь по поводу того, что вся работа встала'. Нет причин отрицать, что в приведенных примерах семантика презенса подкреплена самой представленной ситуацией. В первом предложении событие представлено так, что оно происходит на глазах говорящего. Правда, действие выражено динамическим процессуальным неопределенным глаголом *бар-* 'идти, направляться; и это накладывает на грамматическое значение презенса определенный отпечаток незаконченности действия. Во втором и третьем предложениях повествование ведется от первого лица (или от говорящего) и событие как бы вклинивается в момент речи.

Темпоральная семантика предшествования представлена формой на *-ды/-ты*, которая отмечена «во всех современных тюркских языках начиная с самых древних памятников» [Кормушин, 1984, с. 8] и квалифицируется как показатель «отнесенности действия к прошлому в самом общем виде» — претерита [Там же, с. 9]. Семантической особенностью этой формы в языках тюркской общности является ее нейтральность в отношении категорий аспектуальности и модальности, а также дополнительных временных оттенков [Там же].

Важно отметить, что в определении формальной структуры претерита в общетюркской и якутской традиции есть расхождение. Так, в тюркологии показателем претерита считается формант *-ды/-ты*, тогда как в структуре якутской формы «формообразующим» элементом принято считать *-т* [Корки-

на, 1960, с. 5]. Вопрос о формальной структуре якутского претерита важен в том смысле, что он затрагивает до сих пор не получивший удовлетворительного решения вопрос якутско-общетюркского соответствия *-с/-т* [Кормушин, 1984, с. 13].

Семантическая структура этой временной формы в якутском языке достаточно богата. Самое распространенное и, скорее всего, основное значение формы прошедшего времени на *-ды* (*-ты*, *-ны*, *-лы*) — это когда излагаемая ситуация имела место незадолго до того, когда говорящий сообщает о ней, т.е. собственно темпоральное значение. В этом случае излагаемое событие действительно произошло в обозримом временном срезе в пределах данной речевой ситуации: *Көлүйэбэ кустар түстүлэр, ыта оһус* (АА СК 75) 'На озеро сели утки, скорей стреляй'; *Утахпын ханнарда даһаны, Олус да минньигэс баһайы* (ЛП Оуо 74) 'Как (хорошо) мне жажду утолил, Очень уж вкусный он'; *Утарсар туһата суох буолбута чаччы билиннэ, оно Тогойкин эйэ дэмнээхтик кэпсэтиэн баһарда* (АА А 103) 'Стало ясно, что спорить бесполезно, поэтому Тогойкин захотел поговорить мирно'. Как видно из приведенных примеров, в данном случае временные параметры действия-события распространены в пределах восприятия как говорящего, так и собеседника. Выступают в этом значении глаголы разных семантических групп — динамические (*түстүлэр* 'сели'), глаголы состояния (*ханнарда* 'утолил', *баһарда* 'захотел').

Форма предшествования на *-быт* известна всем тюркским языкам (в большинстве из них *-мыш*). Она определяется как древняя форма перфекта, которая "широко употребляется в языке орхонских памятников VIII в." [Кормушин, 1984, 43]. Более того, формы с этим показателем «как содержательный элемент грамматической системы (граммему) с полным основанием можно постулировать для пратюркского состояния, поскольку он наличествует абсолютно во всех (без исключения) современных, средневековых и древних тюркских языках» [Кормушин, 1988, с. 412]. В тюркологической литературе эту форму принято рассматривать в системе относительных времен как преднастоящее. В отличие от формы на *-ды*, обсуждаемая форма содержит временную причастную функции. Это обстоятельство, безусловно, накладывает дополнительную нагрузку на ее семантическую структуру.

В современном якутском языке форма на *-быт* послужила основой двух временных форм:

преждепрошедшего повествовательного (*-быт* + аффикс принадлежности) и прошедшего результативного (*-быт* + аффиксы сказуемости).

Семантика следования за моментом речи представлена формами, образованными от причастий на *-ья* и *-ьях*. По мнению исследователей, это на самом деле разные грамматические единицы: “причастие на *-ья* употребляется только в финитном значении и показывает неопределенное будущее время глагола” [Филиппов, 1996, с. 169]. А форма на *-ьях* характеризуется как полифункциональное причастие, которому присущи как финитное, так и нефинитное употребление [Там же]. Подобного мнения придерживалась Е.И. Убрятова. Она считала, что «в современном якутском языке форма на *-ья* является собственно глагольной и лишь отрицательная форма *-ья суох* выступает как причастие. Форма же на *-ьях* — живое причастие, сохранившее всю полноту синтаксических функций» [Убрятова, 1976, кн. 1, с. 53].

Существует и другая точка зрения на происхождение формы следования, согласно которой форма на *-ья* представляет собой стяженный вариант причастия на *-ьях*. Е.И. Коркина, высказавшая это мнение, аргументирует такой подход тем, что, во-первых, “никакой семантико-смысловой разницы между этими двумя формами не ощущается, во-вторых, факты аналогичного фонетического стяжения якутский язык допускает и во многих других случаях” [Коркина, 1970, 53].

Основное значение форм следования — представление ситуации, как еще не имевшей места, но имеющей перспективу состояться. При употреблении этих форм глагола ни один из участников речевой ситуации не может считать себя ее свидетелем. Таким образом, эта форма обладает сильным ирреальным оттенком. Это дает основание некоторым исследователям “трактовать будущее время как грамму особую грамматической категории (а в более радикальном варианте — вообще не считать базовым значением этой граммы временной дейксис)” [Плунгян, с. 269]. Но в якутском языке форма следования на *-ья/-ьях* стоит в ряду временных форм, образуя логическую линию “до момента речи — в момент речи — после момента речи”, т.е. ряд предшествования — одновременность — следование.

Несмотря на сильный ирреально-модальный оттенок, форма на *-ья/-ьях* представляет ситуацию как достаточно достоверную: — *Абам сөбүлээбэтэ, абабам буойда. Ийээ, уоскуй, ити*

кэннэ мин тугуда саҥарыам суоҕа, сымыттаабыр бүтэйдик, балыктаабыр кэлэбэйдик сылдьыам (Далан ТД, 1993, с. 23) ‘Отцу не понравилось, дядя одернул меня. Мать, успокойся, впредь я не буду ничего говорить, буду вести себя ниже травы, тише воды’; *Ол өлбүттэр ортолоругар мин суох буолуом диэн киһи хайдах эрэниэн сөбүй?* (СД МЭК, 1964, с. 51) ‘Как же человек может надеяться, что не окажется среди мертвых’.

Как видно из приведенного краткого обзора, систему времен изъявительного наклонения современного якутского языка составляют формы, представляющие реальные ситуации с точки зрения их временной локализации относительно момента речи. Семантическая структура каждой временной формы формируется сочетанием ее реально-модального, аспектуального и собственно-темпорального значений. При этом в каждой временной форме названные значения взаимодействуют по-разному. Формы прошедшего времени представляют событие как реальное (достоверное), прешествующее моменту речи. Ситуация может быть представлена как преимущественно аористивная (*-ды*) или как преимущественно результативная (*-быт*), т.е. эти формы разнятся и по аспектуальной характеристике: аорист связан с кратковременными событиями, результатив — с продолжительными. В якутском языке формы предшествования имеют различную степень временной удаленности от момента речи: менее удаленное событие обозначается формой на *-ды (-ты)*, более удаленное — формами на *-быт*. Форма настоящего времени связана с реальной модальностью и с продолжительным событием. Будущее время отличается ирреальностью содержания, имеет нейтральную аспектуальную характеристику.

Окружение ядра образуют формы, которые Е.И. Коркина назвала «лично-глагольными конструкциями». Это аналитические формы с темпоральным значением, образованные от причастных и деепричастных форм. Среди них три формы с семантикой прошедшего эпизодического времени, образуемые по схеме *быт + лаах + аффикс сказуемости; -быт + аффикс принадлежности + имя баар*; деепричастие на *-ан* + форма настояще-будущего времени от глагола *тур-*; формы прошедшего незаконченного времени на *-ар+этэ* и *-ар+а*, форма преждепрошедшего времени на *-быт + этэ*; три аналитические формы с семантикой давно-прошедшего эпизодического времени: причастие на *-быт+лаах + этэ*; причастие на *-бытым+баар (суох) этэ*; деепричастие на *ан ту-*

рар+ лаах+ этэ. Как видно из приведенного списка, это формы, совершенно правомерно определенные Н.И. Поповой как формы вторичной временной ориентации, и в которых Г.Г. Филиппов видит наложенный на временное значение модальный оттенок.

Глагольные аналитические конструкции, в большинстве своем бивербальные, сформированные при помощи деепричастной и финитной форм глагола, представляют огромный интерес не только для изучения данных языков и для типологии, но и для дальнейших общетеоретических изысканий. На данном этапе исследований можно только заметить, что в зависимости от лексической семантики компонентов такой конструкции, в них преобладает или темпоральное, или аспектуальное значение. Рассмотрим примеры: *Суол киһи унуохтаах тумуллары кэтэхтэринэн-анныларынан ааһыталаан, эргэ өтөхтөрү таарыйан, быстыбакка бардар-баран иһэр* (НЯ Т, 1 1960, с. 127) 'Дорога, проходя то сзади, то мимо пригорков с могилами, приближаясь к старым поселениям, не прерываясь, уходит и уходит дальше'. В приведенном случае аналитическая конструкция скомпонована из парного деепричастия (*бардар-баран* 'уходя-уходя') и финитного глагола в форме настоящего времени (*иһэр* 'идет'). Лексическую семантику в пределах приведенной конструкции несет деепричастная форма, она обозначает, какое действие совершается. Финитная же форма привносит аспектуальное значение продолжительности, непрерывности действия, но при этом обозначает грамматическое время действия, которое может меняться в зависимости от изменения времени действия относительно момента речи: *бардар-баран истэ* 'продолжал уходить', *бардар-баран иһиэбэ* 'будет продолжать идти'. В следующем предложении также аспектуальная семантика бивербальных конструкций зависит от финитного компонента: *Үчүгэй да буолсу: үгүүнэн түстэххэ үгүү хоппот, оһунан ыттаахха ох тэйэн хаалар* (Далан ТД, 1993, с. 33) 'Как хорошо было бы: если броситься с копьем, копье не пробьет, если выстрелить из лука, стрела сразу отскакивает'. В этом предложении бивербальной конструкцией *тэйэн хаалар* 'сразу отскакивает' действие трактуется говорящим как завершаемое в течение короткого времени. А форма настоящего времени финитного глагола придает дополнительную модификацию характеристике действия как обычно совершаемого. Таким образом, в данном случае семантическая характеристика ситуации есть результат взаимодействия обоих компонентов конструкции.

Но не все сочетания деепричастных и финитных форм составляют аналитическую конструкцию с аспектуальной семантикой. Например: *Мин үөрэх аһыллан, интернакка олоро бар-бытым* (ХС, 1969, с. 3 13) 'Поскольку учеба началась, я поехал жить в интернат'.

Эти формы дифференцированы по признаку обязательной сочетаемости в предложении. Первая группа составлена «грамматикализовавшимися аналитическими формами с одним общим значением и выполняющими в предложении функцию единого сложного сказуемого» [Коркина, 1970, с. 31], образованными причастиями на *-ар*, *-быт*, *-ых*. Сюда же входят спрягаемые формы служебного глагола *буол* 'быть'. Во вторую группу входят формы, «промежуточные между грамматическими аналитическими формами и свободными глагольными сочетаниями» [Там же]. Эти формы представляют собой несвободные или полусвободные и синтаксические сочетания, образованные сочетанием причастий с лексическими единицами модального значения. К таковым причислены, например, *-ых буолар* 'намерен что-л. делать'; *-ар кыахтаах* 'может, в состоянии что-л. делать' и т.д. Третью группу глагольных аналитических форм составляют свободные словосочетания причастий с модальными словами. Приведенные лично-глагольные формы получили обстоятельный анализ в работе Е.И. Коркиной «Модальные лично-отнесенные глагольные формы в якутском языке».

Лексические средства выражения темпоральности. Будучи словарными единицами с собственным лексическим содержанием, в конкретной речевой ситуации они служат конкретизатором или модификатором уже выраженного предикативной формой темпорального смысла, поэтому находятся на периферии функционально-семантического поля. По значению в предложении лексические средства выражения времени можно разделить на единицы со значением одновременности, следования и предшествования. Многие из этих единиц обозначают физическое, объективное время действия.

Лексические единицы одновременности представлены наречиями *билигин* 'сейчас, теперь', *сибилигин* 'сейчас же', 'немедленно', 'только что', *бүгүн* 'сегодня', *бийыл* 'в этом году', 'нынче'.

Группу **лексических единиц предшествования** составляют наречия, модифицирующие время события как состоявшееся до момента речи за определенный, известный отрезок времени. В современном якутском языке эта се-

мантическая сфера представлена наречиями *маабыын* (баарыын, баарыан) ‘недавно, давеча, несколько времени тому назад’, *бэбэһээ* ‘вчера’, *бөөлүүн* ‘прошлой ночью’, *былыр* ‘в старину, давно, в давние времена’, *былырыын* ‘в прошлом году’, *оччотообуга* ‘тогда, в то время’, *соторутаабыта* ‘недавно’, *урут* ‘раньше’, *үгүр* (үгүрүүн) ‘недавно, на днях’. Каждое наречие имеет конкретное содержание, не зависящее от речевой ситуации.

Лексические единицы следования объединены общей идеей, что событие следует после другого события. Поскольку своим содержанием они объединяют обычно несколько пропозиций (событий), наречия близки по своей синтаксической функции показателям связи. Наречий этой семантической группы в современном якутском языке немного. Сюда входят: *тута* ‘тотчас, сразу, тут же’, *сотору* ‘скоро, вскоре, через некоторое время, сейчас’ *сарсын* ‘завтра’, *өйүүн* ‘послезавтра’, *эһиил* ‘в будущем году’.

Лексические средства выражения времени представлены также немногочисленными аналитическими образованиями (к примеру, *билигин абай* ‘только что’, *сонно тута* ‘сразу после этого’ и т.д.).

Употребление представленных выше наречий чаще всего связано с соотносением, сравнением момента речи с другим временным отрезком. Продемонстрировать это можно на следующем примере: *Кини былырыын үөрэнэн иһэн ыалдьан, биир сүл дойдутугар сынньана тахсыбытын, үйэ курдук саныы сылдьар. Билигин кини тубуста, көннө, күһүн буоллар, үөрэбэр хат төннүө этэ* (НЗ КДУ, 1968, с. 13) ‘То, что он в прошлом году, начав учиться, заболел и приехал домой на один год для отдыха, воспринимает за век. Теперь он выздоровел, поправился, когда наступит осень, вернулся бы на учебу’. Употребление наречия *билигин* связано с соотносением, сравнением настоящего момента с прошлым, что выявляется из контекста, на фоне употребления в первом предложении наречия *былырыын* ‘в прошлом году’. А в следующем предложении время, обозначающее наречием *билигин*, соотносится с планом отдаленного прошлого времени, выраженного наречием *былыр* ‘в древности’, ‘в старину’: *Ол бэт былыр этэ, билигин ол умнуллан, сайылык уолаттара бэйэлэрин оонньууларыгар эрэ тутталлара* (Далан ТД 1993, 54–55) ‘Это было в очень давние времена, теперь это забыто, и мальчишки в сайылыке используют его только в своих играх’.

В целом, временные формы глагола в якутском языке выражают собой комплекс значений, составленный из значений времени и на-

клонения, сопряженных с категориями модальности и аспектualityности.

Проблема адекватного осмысления временных форм глагола связана, как мы видели выше, с решением вопроса соотношения в них временного, модального, аспектualityного значений и собственно значения наклонения. Это типологическое свойство, связано прежде всего с тем, что “сложная структура морфологической категории служит цели “аккордного” выражения целого комплекса значений разных морфологических категорий в каждом акте речи” (Бондарко, 1976, с. 144). В разных языках, естественно, структура данного комплекса представлена в том виде, который соответствует закону (детерминанте) функционирования элементов этого языка. В любой словоформе языков аддитивного (агглютинативного) типа выражаются сразу несколько граммем каждая со своим значением, которые соотносятся друг с другом тем или иным образом. Но при этом для глагольных временных формантов якутского языка системообразующим является темпоральное значение, а остальные значения накладываются на него.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АА СК – Амма Аччыгыйа. Саскы кэм. – Дьокуускай, 1952.
 АА А – Амма Аччыгыйа. Алдьархай. – Дьокуускай, 1966.
 АС ТА I – А.И. Софронов. Талыллыбыт айымньылар. Том I. – Дьокуускай, 1964.
 Далан ТД – Далан. Тыгын Дархан. – Дьокуускай, 1993.
 К ТА – Күндэ. Талыллыбыт айымньылар. – Дьокуускай, 1960.
 ЛП ОУо – Л.Попов. Охоноос уолаттара. – Дьокуускай, 1968.
 НЗ КДУ – Н. Заболоцкая. Күн да үһүн. – Дьокуускай, 1968.
 НЯ Т I – Николай Якутский. Төлкө. Бастагы кинигэтэ. – Дьокуускай, 1960.
 СЕ ТП – С. Ефремов. Талыллыбыт пьесалар. – Дьокуускай, 1964.
 СД МЭК – Софр. Данилов. Мин эһиэхэ кэпсиим. – Дьокуускай, 1964.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н.А. Категория наклонения // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М., Наука, 1988. – С. 324–367.
 Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л., 1976.
 Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – СПб., 1990.
 Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М., 1982.
 Коркина Е.И. Формы прошедшего времени в якутском языке: автореф. дисс... канд. наук. – М., 1960.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. — М., 1970.

Кормушин И.В. Система времен глагола в алтайских языках. — М., 1984.

Кормушин И.В. Категория времени // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. — М.: Наука, 1988. — С. 368–423.

Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. — М., 2000.

Попова Н.И. Категория времени // Курс якут-

ской грамматики. Система морфологических категорий и синтаксических конструкций. — Якутск, 2004. — С. 73–102.

Филиппов Г.Г. Причастие будущего времени на -*ыах* и форма на -*ыа* в якутском языке. — Якутск, 1996.

Филиппов Г.Г. Соотношение временного и модального значения глагола в якутском языке // Исследования по грамматике якутского языка. — Якутск, 1983. — С. 109–129.

N.I. Danilova

The system of tense forms of the Yakut verb in the functional aspect

The article considers tense forms of the Yakut verb within the system of the means of expression of the functional-semantic category of temporality. An analysis is given of the views on the correlation between the forms of tense, mood and modality.

Keywords: tense form, modality, mood, temporality.

УДК 811.512.157'366+811.111'366

Н.И. Винокурова, И.П. Винокуров

Наклонения в якутском и английском языках: сравнительный анализ

В статье рассматривается, как 10 временных форм якутского глагола в изъявительном наклонении соотносятся с 12 видовременными формами английского глагола в том же наклонении. Показано, что хотя в английском языке имеется только три наклонения, тем не менее он способен адекватно передать все оттенки значений якутских наклонений.

Ключевые слова: наклонение, видовременная форма, изъявительное наклонение, суффиксы наклонения, вспомогательный глагол, модальный глагол.

1. Введение

Установившееся в современном языкознании представление о системе наклонений якутского глагола возникло постепенно. Так, в первом научном труде по якутскому языку Бётлингк [1990, § 513] перечислил 5 наклонений: повелительное, изъявительное, возможное, условное и совершенное. Дальнейшая история якутского языкознания отчетливо показывает, как менялись подходы якутоведов к категории наклонения [Коркина, 1970, с. 5–17]. И только более века спустя после выхода в свет работы Бётлингка установилась ныне общепризнанная система из 10 наклонений с их видовременными формами благодаря фундаментальному труду крупнейшего ученого-лингвиста, профессора Е.И. Коркиной «Наклонения глагола в якутском языке». В предлагаемой статье, посвященной профессору Е.И. Коркиной, мы бы хотели, опираясь на ее труд о наклонениях, предпринять попытку сопоставить наклонения

в якутском языке с наклонениями в английском. В теоретической лингвистике такие сравнения разноструктурных, разнотипных языков обычно имеют целью выявление универсальных глубинных структур, лежащих в основе языковой компетенции человека [Тестелец, 2001]. Мы надеемся, что частный случай, представленный в этой статье, внесет свой небольшой вклад в это общее дело: описание того, как соотносятся английские наклонения с якутскими, является первым шагом на пути к более формальному анализу, который не укладывается в масштаб данной статьи и который мы надеемся предпринять в обозримом будущем. Для удобства читателей статья разделена на следующие секции: под пунктом 2 вкратце изложены данные английского языка; под пунктом 3 представлено пошаговое сопоставление наклонений глагола в якутском языке с таковыми в английском; пункт 4 содержит заключение и выводы.

2. Система наклонений в английском языке

Наклонение — грамматическая категория, выражающая отношение «действие — действительность» с точки зрения говорящего, т.е. указывающая на то, как говорящий рассматривает действие по отношению к действительности — как реальное, возможное, предположительное и т.п. [Коркина, 1970, с. 27; Грамматика..., 1982, с. 305; Ярцева, 1990, с. 321; Берман, 1994, с. 81; Данилова и др., 2004, с. 74]. В якутском языке имеется 10 наклонений, тогда как английский обладает тремя — изъявительным (indicative mood), повелительным (imperative mood) и сослагательным (subjunctive mood). Вдобавок английский язык использует модальные глаголы *may, might, can, could* (для выражения значения возможного наклонения — potential), *should, would* (для выражения значения условного наклонения — conditional), *must, ought* (для выражения значения долженствовательного наклонения — obligative).

Как и в якутском языке, изъявительное наклонение не имеет своих морфологических показателей, а выражается видовременными формами. Как верно подмечено Клементьевой [1985, с. 10], «существует мнение, что одна из трудностей английского языка заключается в наличии в нем большого количества видовременных форм. Однако эти формы легко усваиваются, если хорошо понять четыре видовых характеристики действия, выражаемого английским глаголом». Итак, любая форма английского глагола выражает время (прошедшее, настоящее, будущее) и вид (аспект). Категория аспекта характеризует действие как: 1) Indefinite / Simple — простое; 2) Continuous — длительное; 3) Perfect — завершённое; 4) Perfect Continuous — завершённо-длительное. Совмещая параметры времени и аспекта, мы получаем 12 видовременных форм английского глагола в изъявительном наклонении (табл. 1) [ср. Клементьева 1985, с. 10].

Таблица 1

Видовременные формы английского глагола

Tense (Время)	Aspect (Вид)			
	Indefinite (Simple) Простое	Continuous Длительное	Perfect Завершённое	Perfect Continuous Завершённо-длительное
Past (Прош.)	I ate 'Я поел'	I was eating 'Я ел (в определенный момент в прошлом)'	I had eaten 'Я поел (кончил есть до определенного момента в прошлом)'	I had been eating 'Я ел (начал до определенного момента в прошлом и продолжал в этот момент)'
Present (Наст.)	I eat 'Я ем (часто, обычно)'	I am eating 'Я ем (сейчас в момент речи)'	I have eaten 'Я поел (сегодня, уже, только что; до момента речи)'	I have been eating 'Я ем (начал до момента речи и продолжаю в момент речи)'
Future (Буд.)	I will eat 'Я поем'	I will be eating 'Я буду есть (в определенный момент в будущем)'	I will have eaten 'Я поем (кончу есть до определенного момента в будущем)'	I will have been eating 'Я буду есть (начну до определенного момента в будущем и буду продолжать в момент речи)'

Форма повелительного наклонения в английском языке совпадает с формой инфинитива без частицы *to* (*to read* 'читать' — *Read!* 'Читай(те)!'), т.е. является нулевой (словарной) формой так же, как и в якутском языке. Для выражения запрещения впереди конструкции ставится вспомогательный глагол *do* и отрицательная частица *not*. *Don't read* (← *Do not read*) 'не читай(те)'. В повелительном наклонении отсутствуют маркеры лица или числа. По отношению к первому и третьему лицам возмож-

но выразить побуждение к действию с помощью сочетания глагола *let* 'позволять, разрешать' и существительного или местоимения первого или третьего лица: *let me fix it* 'давай(те) я почию это; позволь(те)/разреши(те) мне починить это'; *let us fix it* 'давай(те) мы почиим это; позволь(те)/разреши(те) нам починить это'; *let him fix it* 'пусть он починит это; позволь(те)/разреши(те) ему починить это'; *let them fix it* 'пусть они почиют это; позволь(те)/разреши(те) им починить это'.

В английском языке имеется несколько форм сослагательного наклонения: 1) синтетическая неперфектная, которая совпадает с формой прошедшего простого времени; 2) синтетическая неперфектная, которая совпадает с формой инфинитива без частицы *to*; 3) синтетическая перфектная, совпадающая с формой Past Perfect (прошедшего совершенного); 4) аналитическая неперфектная, образующаяся при помощи модального глагола *should/would*; 5) аналитическая перфектная, образующаяся при помощи *should/would have*. Несмотря на превалирование синкретических форм, их легко отличить от изъявительного наклонения при помощи контекста. Глаголы в сослагательном наклонении используются в сложноподчиненных предложениях, выражающих условие, требование, желание, возможность, предположение. Аналитические формы выступают в качестве сказуемых главной части, а синтетические используются в придаточном предложении. В нижеприведенных примерах сослагательные формы выделены жирным шрифтом, а верхний индекс указывает на форму сослагательного наклонения.

- (1) If I **saw**¹ this movie, I **would rejoice**⁴.
 'Если бы я увидел этот фильм, я бы обрадовался (возможно, я еще увижу этот фильм).'
 (2) If I **had seen**³ this movie, I **would have rejoiced**⁵.
 'Если бы я увидел этот фильм, я бы обрадовался (но этого не произошло).'

Формы 1, 3-5 употребляются в придаточных предложениях, вводимых союзами *as if* 'как будто', *as though* 'как будто', и в придаточных предложениях, являющихся дополнениями главного сказуемого, выраженного глаголом *wish* 'желать'.

- (3) I wish we **knew**¹ about that.
 'Я хотел бы, чтобы мы знали об этом (мы еще можем узнать).'
 (4) I wish we **had known**³ about that.
 'Я хотел бы, чтобы мы знали об этом (но мы не узнали).'

Формы 1, 3-5 также употребляются в простых предложениях в качестве сказуемых.

- (5) If only I **knew**¹ that.
 'Если бы только я знал (я еще могу узнать).'
 (6) If only I **had known**³ that.
 'Если бы только я знал (но я так и не узнал).'
 (7) That **would make**⁴ everyone happy.
 'Это сделало бы всех счастливыми (это еще может произойти).'

- (8) That **would have made**⁵ everyone happy.
 'Это сделало бы всех счастливыми (этого не произошло).'

Форма 2, т.е. синтетическая неперфектная, совпадающая с формой инфинитива, употребляется в придаточных предложениях, которые следуют за сказуемым главной части, выражающим требование, просьбу, пожелание, приказание и выраженным такими глаголами, как *request* 'просить', *demand* 'требовать', *suggest* 'предлагать' и др. Главное предложение также может быть выражено безличной конструкцией *it is necessary/important/imperative* 'необходимо/важно/обязательно'.

- (9) I recommend that you **buy**² this notebook.
 'Я рекомендую, чтобы вы купили этот ноутбук.'

Кроме того, форма 2 употребляется в некоторых устойчивых выражениях, например, *God save the Queen* 'боже храни королеву', *God bless you* 'будьте здоровы (дословно: господи благослови вас)', *rest in peace* 'покойся в мире', *long live the king* 'да здравствует король', *come what may* 'будь что будет', *Heaven forbid* 'боже упаси' и др. Еще одно употребление формы 2 – в придаточных предложениях, вводимых союзом *lest* 'чтобы не, как бы не'.

- (10) Dress up warmly lest you **catch**² cold.
 'Одевайся тепло, чтобы ты не простудился.'

3. Сопоставление двух систем

Далее, с целью установления параллелей, мы рассмотрим формы наклонений якутского глагола и способы их передачи в английском. Изложение данных якутского языка опирается на цитированные выше работы [Коркина, 1970; Грамматика..., 1982, с. 305–343].

3.1. Изъявительное наклонение

Мы рассмотрим, как 10 временных форм якутского глагола в изъявительном наклонении соотносятся с 12 видовременными формами английского глагола в том же наклонении.

3.1.1. Настояще-будущее время

Отмечается три случая употребления этого времени, а именно:

- 1) Для передачи действия, происходящего обычно, постоянно (11a); в этом случае настоящее-будущее время соотносится с англ. настоящим простым временем (11б).

- (11) а. Ардах сайын түһэр.
 б. It rains in the summer. (present simple)

2) Для передачи действия, которое, начавшись ранее, продолжается в момент речи. В данном случае в аналогичном английском предложении будет использоваться либо настоящее простое, либо настоящее продолженное, в зависимости от того, на чем акцентируется внимание: если на действии вообще, то настоящее простое (12а, б), а если на том, что действие происходит именно сейчас, то настоящее продолженное (13а, б).

- (12) а. Кинилэр бу куоракка олороллор.
б. They live in this town. (present simple)
- (13) а. Биһиги мунньахха олоробут.
б. We are sitting in a meeting. (present continuous)

3) Для передачи действия, совершающегося после момента речи (14а), что может соответствовать нескольким английским временам: настоящему простому (14б), будущему простому (14в) или будущему продолженному (14г). В том случае, если глагол не может быть употреблен в продолженном аспекте по семантическим причинам, как, например, в случае с глаголом *to be* «быть» и другими абстрактными глаголами, а также глаголами, обозначающими эмоции и обладание (чем-то), существует только два варианта: настоящее простое (15б) и будущее простое (15в).

- (14) а. Эһиил мунньах ытабыт.
б. We hold a meeting next year.
в. We will hold a meeting next year.
г. We will be holding a meeting next year.
- (15) а. Кэлэр нэдиэлэҕэ мунньах буолар.
б. There is a meeting next week.
в. There will be a meeting next week.

3.1.2. Будущее время

Как мы видели из примеров выше, в английском языке так же, как и в якутском, имеется опция передачи оттенков будущего времени при помощи форм настоящего. Оба языка также обладают формами собственно будущего времени.

- (16) а. Биһиги киинэҕэ барыахпыт.
б. We will go to the movies.

Интересно отметить, что значение вспомогательного глагола *will* в плане выражения несколько совпадает с формой на *-ых*. Так, обе формы могут быть использованы для передачи просьбы (17), для обозначения способности, (потенциальной) возможности (18) и для обозначения привычных, ожидаемых действий, характеризующих субъекта, его склонности и предрасположенности (19).

- (17) а. Миэхэ көмөлөһүүн дуо?
б. Will you help me?
- (18) а. Таракааннар хайа баҕар күнү-дьылы тулуйуохтара.
б. Cockroaches will survive any weather.
- (19) а. Эмиэ чааһы быһа олоруоҕа уонна санаарбыаҕа.
б. He will sit for hours again and brood.

3.1.3. Недавнепрошедшее (прошедшее категорическое) время

Этой временной форме якутского глагола наиболее близки в английском языке прошедшее простое и настоящее завершённое. Последнее употребляется в том случае, если упор делается на факт совершения действия незадолго до момента речи, в остальных случаях предпочтение отдается прошедшему простому.

- (20) а. Мин (бэҕэһээ) сурук туттум.
б. I received a letter (yesterday). (прошедшее простое)
- (21) а. Мин (билигин аҕай) сурук туттум.
б. I have (just) received a letter. (настоящее завершённое)

3.1.4. Преждепрошедшее повествовательное время

Поскольку эта форма употребляется для передачи времени, более отдаленного от момента речи, чем предыдущая форма, то ей в английском языке не может соответствовать форма настоящего завершённого, а только прошедшего простого (22) или прошедшего завершённого. Последней форме предпочтение отдается, если действие совершено до какого-либо момента в прошлом (23) или произошло ранее другого, также прошедшего действия (24).

- (22) а. Мин иллэрээ күн сурук туптутум.
б. I received a letter the day before yesterday. (past simple)
- (23) а. Биэс иннинэ үлэбитин бүтэрбиппит.
б. By 5 o'clock we had finished our work.
- (24) а. Кини кэлиэн иннинэ үлэбитин бүтэрбиппит.
б. We had finished our work before he came.

3.1.5. Прошедшее результативное время первое

Это время характеризует действие как совершённое в прошлом, но не осознанное в момент его совершения и обнаруживаемое лишь в настоящее время по своим наличным результатам (25а, 26а). Как таковое, ближайшим аналогом этого времени в английском языке может выступать настоящая завершённая видовременная форма (25б, 26б).

- (25) а. Миини олус туустаабыккын.
 б. You have salted the soup too much.
 (26) а. Харчыбын дьиэбэр хаалларбыппын.
 б. I have left my money at home.

Однако, если результативное время используется при повествовании о давнопрошедших событиях или для выражения действий, произошедших задолго до момента речи как в (27а), то в английском используется прошедшее простое (27б).

- (27) а. Былырын эн лотереяны сүүйбүккүн.
 б. You won the last year's lottery.

Как отмечает Коркина [1970, с. 88], это время может сочетаться со многими модальными и служебными частицами и словами, которые осложняют оттенки его значения. Так, в примерах (28а) и (29а) встречается модальное слово *эбит* 'оказывается'. Семантический оттенок, вносимый этим словом, в обоих случаях передается отдельным предложением. В первом примере оттенок результативности будет передан при помощи оборота *it turns out* 'оказывается'. Результатом будет сложноподчиненное предложение (28б), где *it turns out* 'оказывается' будет главным, за которым следует придаточное дополнительное, факультативно вводимое союзным словом *that* 'который' (омонимичное указательному местоимению *that* 'тот, та, то'). Поскольку действие, выраженное глаголом *выиграть*, произошло в прошлом году, т.е. задолго до момента речи, то в придаточном предложении используется форма прошедшего простого времени.

- (28) а. Эн былырынны лотереяны сүүйбүт эбиккин.

б. It turns out (that) you won the last year's lottery.

Во втором примере оттенок наличного результата передается вводным словосочетанием *as I see* 'как я вижу' и в главном предложении используется форма настоящего завершенного, поскольку действие произошло незадолго до момента речи и результат налично, может быть лично засвидетельствован говорящим.

- (29) а. Эһиги эмиэ кэлбит эбиккит.
 б. You have come as well, as I see.

3.1.6. Прошедшее результативное время второе

Так же, как и только что обсужденная форма, эта форма тоже связывает совершенное в прошлом действие с настоящим моментом: действие, совершенное в неопределенном прошлом, выявляется в момент речи [Коркина

1970, с. 94]. Если это неопределенное прошлое на временном отрезке отстоит недалеко от момента речи или остается неопределенным, то употребляется перфект настоящего времени, как в (30)-м примере. В противном случае необходимо употребить прошедшее простое. Оттенок же выявляемой в настоящий момент результативности передается наречием *already* 'уже'.

- (30) а. Мин ити кинигэни ааҕан турабын.
 б. I have already read the book.

(present perfect)

- (31) а. Мин ити кинигэни былырын ааҕан турабын.

б. I already read the book last year.

(past simple)

3.1.7. Прошедшее эпизодическое время

Это время передает прошлые действия, которые носят эпизодический, нерегулярный или однократный характер. В (32)-м примере действие также носит характер эпизода, как в английском, так и в якутском предложении, хотя в якутском предложении употреблена форма преждепрошедшего, а в английском — форма прошедшего простого времени. То, что эти формы могут передавать эпизодичность, однократность прошлых действий, является побочным фактом, и эти побочные значения выводятся из контекста данного предложения. В трех других примерах (33–35) значение эпизодичности, однократности грамматикализовано и прямо выводится из одного из трех вариантов видовременных форм. Поскольку в английском языке не имеется грамматических средств передачи эпизодического значения, при переводе всех трех вариантов прошедшего эпизодического времени якутского языка на английский используются перефразировки *to have a case* 'иметь случай', *to have an episode* 'иметь эпизод', *to have an opportunity* 'иметь возможность' и другие подобные им, а также используется наречие *once* 'однажды', чтобы подчеркнуть однократность действия. Любой из трех якутских вариантов, приведенных в примерах (33а), (33б) и (33в), может быть передан в английском языке с помощью любого из вариантов, данных в примере (34).

- (32) а. Кинилэр мунньахха мөккүспүттэр.
 б. They argued at a meeting.

- (33) а. Кинилэр мунньахха мөккүспүттээхтэр.
 б. Кинилэр мунньахха этиспиттэрэ баар.
 в. Кинилэр мунньахха этиһэн турардаахтар.

- (34) а. They had a case when they argued at a meeting.

- б. They had an opportunity to argue at a meeting.
в. They had an episode of arguing at a meeting.
г. They once argued at a meeting.

3.1.8. Прошедшее незаконченное время (имперфект)

Если данная форма выражает совершившееся в прошлом действие, которое было длительным, или действие, совершавшееся регулярно, многократно повторявшееся в прошлом, то чаще всего используется оборот *used to* ‘иметь место, привычку, обыкновение происходить в прошлом’.

- (35) а. Сайын аайы күөлгэ сөтүөлүүлэрэ.
б. They used to swim in the lake every summer.

Если действие представлено в развитии в определенный момент или отрезок времени в прошлом, то используется прошедшее продолженное время.

- (36) а. Кини ол кэмнэ атын тэрилтэбэ үлэлиирэ.
б. He was working in a different company at that time.

3.1.9. Давнопрошедшее (предпрошедшее) время

В якутском языке эта форма служит для обозначения действия, которое предшествует другим прошедшим действиям, отстоящим относительно близко от момента речи. Эта форма имеет прямой аналог – английское прошедшее завершённое.

- (37) Мин оскуолаҕа киирэрбэр, кини төрдүс кылааһы бүтэрбит этэ.

When I entered school, he had finished the fourth grade.

3.1.10. Давнопрошедшее эпизодическое время

В якутском языке эта форма образуется сочетанием прошедшего эпизодического времени со вспомогательным глаголом *э-* в форме прошедшего категорического времени. В английском языке оно передается так же, как и прошедшее эпизодическое время (т.е. при помощи парфраз; см. 3.1.7), но в форме прошедшего завершённого (перфекта).

- (38) Кинилэр мунньахха мөккүспүттээх этилэр.
Кинилэр мунньахха этиспиттэрэ баар этэ.
Кинилэр мунньахха этиһэн туардаах этилэр.
(39) They had had a case when they argued at a meeting.

They had had an opportunity to argue at a meeting.

- They had had an episode of arguing at a meeting.
They had once argued at a meeting.

3.2. Повелительное наклонение

Как уже упоминалось выше, в обоих языках во втором лице форма повелительного наклонения совпадает с нулевой словарной формой. Однако в других лицах только якутский язык имеет собственные маркеры повелительного наклонения (в близком будущем времени), в английском же отсутствует полная парадигма личных форм и вместо них используются парфразы при помощи глагола *let* ‘позволять, разрешать’, как видно из табл. 2.

Таблица 2

Близкое будущее время и способы его передачи в английском

	Положительная форма		Отрицательная форма	
1-е лицо ед.ч.	барыым	let me go	барымыым	let me not go
2-е лицо ед.ч.	бар	go	барыма	do not go
3-е лицо ед.ч.	бардын	let him go	барбатын	let him not go
1-е лицо мн.ч.	барыабын, барыахайын	let us go	барымыабын, барымыахайын	let us not go
2-е лицо мн.ч.	барын	go	барымаҥ	do not go
3-е лицо мн.ч.	бардыннар	let them go	барбатыннар	let them not go

Что касается неполной парадигмы отдаленного будущего времени, то способы его передачи в английском ограничены всевозможными наречиями, указывающими на большую временную отдаленность от момента речи. Так, в (41)-м примере таковым наречием является *later* ‘позже, позднее’.

- (40) Сарсын кэлээр! Come tomorrow!
(41) Сурукта суруйаар. Кимиэхэ да этимээр.
Write me a letter later. Don't tell anyone later.

3.3. Условное наклонение

В якутском языке имеются 2 формы условного наклонения. Обе формы выступают в качестве сказуемого придаточного предложения, выражающего условие для совершения второго действия, переданного сказуемым главного предложения, которое отражает следствие, результат этого условия. Главное сказуемое может передаваться глаголом в разных наклонениях: например, сослагательном (42), повели-

тельном (43), изъявительном (44), возможном (45), долженствовательном (46), утвердительном (47). Поскольку в английском отсутствуют формальные маркеры условного наклонения, перевод условной формы обоих якутских вариантов зависит от главного сказуемого: если оно стоит в сослагательном наклонении, то придаточное сказуемое условия также стоит в сослагательном наклонении, как в (42в), в других случаях она переводится при помощи настоящего простого времени. Решающую роль в передаче значения условности играет союз *if* 'если'. Сказуемое же главного предложения переводится соответствующим образом: так, в (42)-м примере мы имеем английский глагол *rejoice* 'радоваться', которому предшествует вспомогательный глагол *would* — показатель сослагательного наклонения в английском языке. В других примерах мы также имеем английские аналоги якутских наклонений: уже рассмотренных повелительного в (43) и будущего изъявительного в (44); что касается остальных, то средства их выражения в английском языке будут обсуждены под следующими пунктами.

- (42) а. Кыайдаргын, биһиги үөрүөх этибит.
 б. Кыайдаххына, биһиги үөрүөх этибит.
 в. If you won, we would rejoice.
- (43) а. Кыайдаргын, ону бэлиэтээр уонна биһигини ыныраар.
 б. Кыайдаххына, ону бэлиэтээр уонна биһигини ыныраар.
 в. If you win, celebrate that and invite us.
- (44) а. Кыайдаргын, биһиги үөрүөхпүт.
 б. Кыайдаххына, биһиги үөрүөхпүт.
 в. If you win, we will rejoice.
- (45) а. Кыайдар, телефоннаарай?
 б. Кыайдаһына, телефоннаарай?
 в. If he wins, maybe he will call us?
- (46) а. Кыайдаргын, биһиэхэ биллэриэхтээххин.
 б. Кыайдаххына, биһиэхэ биллэриэхтээххин.
 в. If you win, you must let us know.
- (47) а. Харчы көһүммүт, командировкаҕа барыһы.
 б. Харчы көһүммүтүнэ, командировкаҕа барыһы.
 в. If there's enough money, he will probably go on a business trip.

В якутском языке вторая форма условного наклонения на *-тах* может выступать в качестве придаточного времени. В этом случае в английском языке смысловая нагрузка ложится на другой союз, а именно *when* 'когда', видо-временная форма остается той же.

- (48) а. Кэллэххинэ, киинэҕэ барыахпыт.

- б. When you come we will go to the movies.

Вторая условная форма может также употребляться самостоятельно — в качестве сказуемого вопросительного предложения. Аналог в английском языке сопоставим с русской конструкцией *что если* и точно так же использует вопросительное слово *what* 'что' в купе с союзом *if* 'если'.

- (49) а. Киинэҕэ бардахпыттына?
 б. What if we go to the movies?

3.4. Утвердительное наклонение

Как можно догадаться из приведенного выше (47)-го примера, для выражения значения якутского утвердительного наклонения в английском, в котором таковое формально отсутствует, используются вспомогательный глагол будущего времени *will* и различные наречия, значение которых подтверждает уверенность говорящего в совершении действия после момента речи на основе оценки говорящим конкретной ситуации. Например, наречия: *probably* 'вероятно', *apparently* 'явно, очевидно, вероятно', *obviously* 'очевидно, видно', *evidently* 'явно, несомненно, видимо', *definitely* 'определенно, несомненно'.

- (50) а. Бүгүн ардах түһүүһү.
 б. It will probably rain today.
 в. Эн үчүгэй учуутал буолууһугун.
 г. You will definitely become a good teacher.

В тех случаях, когда имеется оттенок необходимости, а также наказа со стороны говорящего слушающему, может использоваться модальный глагол *should* или вспомогательный глагол *have to* 'быть должным, вынужденным' в будущем времени.

- (51) а. Дьиэбэр хаалыһыбын.
 б. I should stay at home.
- (52) а. Табахтыыргын ууратыһыккын.
 б. You should quit smoking / You will have to quit smoking.

3.5. Долженствовательное наклонение

В якутском языке долженствовательное наклонение обладает временной парадигмой настоящего-будущего, будущего и прошедшего. Настояще-будущее время образуется от вторичной причастной формы на *-ар-даах* и используется для обозначения действия, имеющего быть осуществленным в настоящее время (53), или действия, должного быть осуществленным в будущем (54). В английском языке в обоих случаях следует использовать модальный глагол долженствования *must*, который не изменяется

по временам, но может быть интерпретирован, как указывающий на действие в будущем. Также имеется опция использования вспомогательного глагола *have to* 'быть должным, вынужденным сделать что-либо', который имеет форму настоящего (53в) и будущего (54в).

- (53) а. Билигин маны омордордоохпун.
 б. Now I must do this.
 в. Now I have to do this.
 (54) а. Кэлэр нэдиэлэни быһа доклад бэлэмни-ирдээхпин.
 б. Throughout the whole next week I must prepare a talk.
 в. Throughout the whole next I will have to prepare a talk.

В будущем времени якутский язык использует вторичную причастную форму на *-ыхтаах*. Будущее время долженствовательного наклонения служит для обозначения действия, которое должно совершиться в будущем. Английский же язык для этой цели прибегает, как и в предыдущем случае, к помощи глагола *must* или формы будущего времени *have to*. Однако, поскольку, как уже упоминалось выше под пунктами 3.1.1 и 3.1.2 (см. также примеры (146) и (156)), английский язык может передавать значение будущего времени при помощи форм настоящего простого, особенно при наличии наречий будущего времени, то присутствие вспомогательного глагола *will* необязательно (его факультативность отмечена скобками).

- (55) а. Эһиил отчет суруйуохтаахпын.
 б. Next year I (will) have to write a report.

Для образования прошедшего времени долженствовательного наклонения в якутском языке используются две предыдущие формы вторичных причастий *-ардаах* и *-ыхтаах* и формы прошедшего категорического времени от недостаточного глагола *э-*. В английском аналогичное значение действия, которое долженствовало быть совершенным в прошлом, передается глаголом *have to* в прошедшем простом времени.

- (56) Эдьийим ол күн ас астырдаах этэ.
 My sister had to cook that day.
 (57) Аара дэриэбинэҕэ таарыйыахтаах этибит.
 We had to stop at the village on the way.

3.6. Наклонение обычно совершаемого действия

В якутском языке имеется формальный хабитуальный маркер (*-ааччы*) для обозначения действия, которое совершается обычно, регулярно. В английском языке для передачи хабитуальности используются парафразы: напри-

мер, наречие *usually* 'обычно' или глагольные обороты *to be in the habit of / have the habit of doing something* 'иметь привычку делать что-либо', *to be accustomed to doing something* 'быть привыкшим делать что-либо', *to be used to doing something* 'быть привыкшим делать что-либо', *used to* 'иметь место, привычку, обыкновение происходить в прошлом'.

- (58) Мин эрдэ турааччыбын.
 I usually get up early.
 I am used/accustomed to getting up early.
 I {am in/have} the habit of getting up early.
 (59) Кини бэрик биэрээччи этэ.
 He usually gave bribes.
 He used to give bribes.
 He was used/accustomed to giving bribes.
 He {was in/had} the habit of giving bribes.

Как известно, маркер *-ааччы* может образовывать имена существительные от глагольных основ. В этом случае он соответствует в английском языке аффиксу деятеля, или так называемому агентивному аффиксу *-er*. *суруйааччы* — *writer*, *салайааччы* — *leader*, *ааҕааччы* — *reader*. Исследованию сходств и различий между этими двумя суффиксами, а также их формальному анализу в рамках генеративной теории принципов и параметров посвящена работа [Baker and Vinokurova 2009].

3.7. Возможное наклонение

Формы этого наклонения служат для выражения нейтральной возможности (61), желательной возможности (с оттенком надежды) (62), отрицательной возможности (с оттенком опасения или предупреждения по поводу нежелательности действия) (63). Для выражения подобных значений в английском языке используются опять же всевозможные наречия (*maybe* 'может быть, возможно', *hopefully* 'с надеждой'), модальные глаголы возможности *can*, *may* и их сослагательные формы *could*, *might* (60), а также формы будущего времени (61). Для выражения отрицательной возможности с оттенком предупреждения подходит оборот *be careful lest* 'будь осторожен, чтобы не', за которым следует глагол в сослагательном наклонении.

- (60) Эһиги сарсын кэлээйэбитий?
 Maybe you could come tomorrow?
 (61) Бүгүн итииһи биэрээйэллэр.
 Hopefully they will turn on heating today.
 (62) Сирэйиң үлүйээрэй.
 Be careful lest your face gets frostbitten.

Если в якутском языке глагол во втором лице возможного наклонения выражает строгий наказ, наставление, настойчивую просьбу, то в аналогичной ситуации в английском языке используется отрицательная форма императива.

- (63) Мунньахха күлээйэбин.
Don't laugh at the meeting.

3.8. Наклонение несовершеншегося (неосуществленного) действия

Это наклонение не имеет собственных морфологических показателей, а использует аналитическую конструкцию, состоящую из деепричастия на *-а/-ы* от смыслового глагола и форманта *илик*. Имеет формы настоящего и прошедшего времени. На английский язык передается при помощи отрицательной формы настоящего (64) или прошедшего (65) перфекта в сочетании с наречием *yet* 'еще'.

- (64) Куосканы ахата иликпин.
I haven't yet fed the cat.
(65) Куосканы ахата илигим.
I hadn't yet fed the cat.

3.9. Сослагательное наклонение

Якутский язык имеет три формы сослагательного наклонения. В основе первых двух лежит причастие на *-ых* в сочетании со спрягаемой формой *этэ* (первая форма сослагательного наклонения) или *эбит* (вторая форма). Первая форма используется в составе условного периода, где она составляет его вторую половину, а первая половина выражена условной формой. Семантика сослагательного наклонения такова, что условная форма выражает условие, предпосылку для потенциально возможного действия в плане прошедшего или будущего времени. В английском языке, который не имеет собственно условной формы, в обоих частях условного периода используется сослагательное наклонение.

- (66) а. Үлэбитин бүтэрдэрбит, сынньаныа этибит.
б. If we finished our work, we would rest.
в. Эн оннугар мин эбитим буоллар, сөбүлэһиэм суох этэ.
г. If I were you, I wouldn't agree.

Сослагательная форма на *-ых этэ* может употребляться самостоятельно, что также возможно и в английском.

- (67) а. Эн онно барсыан этэ дуо?
б. Would you go there?
в. Киэһэ буолла, дьиэлиэх этибит.
г. It's late, we should go home.

При передаче модального оттенка порицания за неправильные действия в прошлом употребляется модальный глагол *should*, за которым следует перфект главного глагола.

- (68) Ону кинилэргэ кэпсиэ суох этин.
You shouldn't have told that to them.

Вторая форма на *-ых эбит* носит оттенок перфективности, вносимый давнопрошедшей формой недостаточного глагола, в дополнение к основному значению сослагательности и поэтому в английском языке передается сочетанием модального глагола *would* с перфектом смыслового глагола. Вдобавок эта форма может передавать дополнительные оттенки: совет, побуждение к действию (70), просьбу, пожелание совершить действие (71), мягкий укор (72). Для передачи этих дополнительных оттенков лучше всего использовать вспомогательные глаголы *had better* 'лучше бы сделать что-либо' или *should* 'следует сделать что-либо'.

- (69) Атын күн эбитэ буоллар, бу суруктан күлүөх эбиппин.

If it had been a different day, I would have laughed at this letter.

- (70) Тимэххин тиктиэ эбиккин.
You should sew on your button.
(71) Онно бара сылдыа эбиккин.
You had better go there.
(72) Итини баҕас өйдөөхтүө да эбит.
He should have understood that.

Третий вариант, совпадающий с нестяженной, полной формой изъявительного имперфекта (причастие на *-ар* и прошедшая категория глагола *э-*), не используется самостоятельно, а только в составе условного периода.

- (73) Мин эппитим буоллар, кини барбат этэ.
If I had told him, he wouldn't have gone.

3.10. Предположительное наклонение

Это наклонение оформляется присоединением аффиксов принадлежности к причастию на *-тах* и обладает семантикой предположительной модальности. Поскольку предположение говорящего о совершенности действия уже локализует это действие в прошлом, то аналогичное значение передается в английском языке сочетанием модального глагола долженствования *must* с перфектом основного глагола.

- (74) Валя дьиэтигэр тийдэҕэ.

Valya must have reached home by now.

(75) Элбэх тыл мэлийдэбэ.

Many a language must have vanished.

4. Заключение

В данной статье было показано, что хотя в английском языке имеется только три наклонения, тем не менее он способен адекватно передать все оттенки значений десяти якутских наклонений. В основном это делается за счет наречий и вспомогательных глаголов, а также всевозможных устойчивых конструкций и оборотов. Вообще необходимо обратить особое внимание на то, что якутский язык обладает только четырьмя собственно суффиксами наклонений: утвердительное *-ыһы*, условное *-тар*, возможное *-аайа* и повелительное *-ыым*, *-ың*, *-аар*, *-тын*. Таким образом, с чисто морфологической точки зрения якутский язык так же, как английский, не может продемонстрировать полного соответствия между морфологическими и синтаксическими категориями и точно так же прибегает к помощи парафраз и устойчивых конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

- Берман И.М. Грамматика английского языка. — М.: Высшая школа, 1994.
- Бётлингк О.Н. О языке якутов. — Новосибирск, 1990.
- Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. — М., 1982.
- Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис. — Новосибирск, 1982.
- Данилова Н.И., Попова Н.И., Ефремов Н.Н. Курс якутской грамматики: Система морфологических категорий и синтаксических конструкций. — Якутск, 2004.
- Клементьева Т.Б. Повторяем времена английского глагола. — М.: Высшая школа, 1985.
- Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. — М.: Наука, 1970.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. Ярцева В.Н. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. — М., 2001.
- Baker, M. and N. Vinokurova. On agent nominalizations and why they are not like event nominalizations // *Language*, Volume 85, Number 3, pp. 517–556. Washington DC: LSA, 2009.

N. I. Vinokurova, I. P. Vinokurov

Moods in Sakha and English: a comparatiive analysis

In this paper we will compare 10 tense forms of the Yakut verb in the indicative mood with 12 tense-aspect forms of the English verb in the same mood. Moreover, it will be shown that although English has only three moods, nevertheless it is capable of rendering all meaning nuances of the Yakut moods.

Keywords: mood, tense-aspect form, indicative mood, mood suffixes, auxiliary verb, modal verb.

УДК 821.512.157:82—4

Д.Е. Васильева

Публицистика Софрона Данилова в современном контексте

В кратких зарисовках и выступлениях народного писателя Якутии Софрона Данилова ярко выражается его национальное и общечеловеческое мировосприятие.

Ключевые слова: актуальные проблемы современности, размышления, наблюдения, жизненные ценности, судьбоносные проблемы, социально-экономическое развитие, суверенитет, духовное развитие, дружба народов.

Софрон Данилов — разносторонний и щедрый талант. Он всю свою не столь долгую жизнь плодотворно работал во всех жанрах якутской литературы. Несомненно, его излюбленным жанром была проза. Прозой он начал

свою творческую жизнь и до конца не расстался с ней. В последние десятилетия жизни он написал несколько интересных повестей и рассказов, посвященных актуальным проблемам современности: проблемам войны и мира, жиз-

ни и смерти, чести и совести, братской солидарности народов и т.д. В этих произведениях отчетливо видны социально-гражданский пафос, широта временного диапазона и новые нравственные искания.

В 1994 г. в Якутском книжном издательстве вышла книга Софр. Данилова «Санаам туймуулара», подготовленная к печати вдовой писателя Марией Егоровной Даниловой. В нее вошли небольшие рассказы, эссе и новеллы писателя. Жанр такого типа в европейской литературе известен давно. У нас в России тоже появились книги такого жанра: «Мгновения» Юрия Бондарева, «Затесы» Виктора Астафьева, «Камешки на ладони» Владимира Солоухина и др. О жанровых особенностях своей книги «Санаам туймуулара» («Про себя и вслух») Софрон Данилов писал так: «Вещи, включенные в эту книгу, статьями не назовешь, к рассказам не отнесешь, воспоминаниями не признаешь. Что же они тогда?»

Определить их жанр точно — я сам затрудняюсь. Может быть, будет ближе к истине, коль я их назову «заметами»? Книга эта была написана не как мои прочие вещи... она не излилась единым потоком, а составлена из отдельных замет, мыслей про себя и вслух в различное время по самым различным поводам» [Софрон Данилов, 1994а, с. 6].

Подборка «замет» Софрона Данилова, опубликованная на русском языке в переводе талантливого переводчика Владимира Николаева в журнале «Полярная звезда», начинается с произведения «Родина». Довольно пространно размышляя над понятием Родина, писатель делает такой вывод: «В понятие «Родина» входит, если не все, то очень и очень многое — и природа родного края, и твой народ, живущий и творящий там, и вся его вековая история — с незапамятных времен до сегодняшнего дня» [Там же, с. 7]. Размышляя далее над этой темой, писатель упоминает о прощальном свидании основоположников якутской литературы — А.Е. Кулаковского (после операции) и А.И. Софронова. Когда А.И. Софронов подробно записывал последнее завещание А.Е. Кулаковского, его «поразило последнее: ну, какая может быть разница — где быть захороненным после смерти. Он так и записал: может быть, в старости, при последнем часе нечто подобное выскажу и я?» [Там же, с. 7].

Далее Софр. Данилов с большой горечью описывает последние годы жизни А.И. Софронова: «Впоследствии Анемподист Иванович, обвиненный по злому навету, прошел через тя-

желое испытание узилищем и был отправлен в ссылку, в далекий Архангельск. Там, тяжело хворая чахоткой, без работы, без крова над головой, мыкая горе в холоде и в голоде, влача горькую участь пария, он в отчаянии взмолился: донести бы хоть полуживую душу свою до родной Якутии и оставить кости свои погребенными в родной земле» [Там же, с. 7]. Так писатель, весьма трогательно и зримо, рисуя последние дни жизни двух выдающихся сыновей якутского народа, высказывает свои сокровенные мысли о Родине, о родимом крае.

Подытоживая свои мысли о Родине, автор пишет такие глубоко правильные и психологически вполне убедительные строки: «Мать не выбирают по своему усмотрению. На посторонний взгляд она может быть и чертами топорна, и характером груба, неотесана, но для собственного дитя она всех прекрасней, всех дороже, теплей и сердечней всех и любимее всех остальных, вместе взятых... Родину тоже не выбирают по своему усмотрению. Именно вот поэтому, какими бы лютыми морозами она тебя не терзала, какими бы сквозными ветрами она тебя ни продувала, она для тебя всех других земель и краев родней, ближе, кровней, дороже и любимее всех остальных, вместе взятых» [Там же, с. 13].

В этой публикации читатель найдет небольшую зарисовку: «Слово, что огонь». Она начинается с такой расхожей истины: «Слово человеческое — это огонь», говорит якутская пословица. Далее Софр. Данилов, как бы размышляя, уточняет ее истинное содержание: «Бессмертный удел имеет лишь то праведное слово, которое славит доброе и прекрасное, порицает злое и подлое. У слова, основанного на лжи и кривде, век короток, оно быстро изливает себя, сходит на нет, испаряется». Далее автор, познавший на горьком опыте, какое зло приносят ложь и кривда в человеческую жизнь, совершенно искренне предупреждает читателей: «Слово, что огонь. Значит, надо с ним обращаться так же очень осторожно, как с огнем. Ложь и кривду, как только они возникнут, следует тут же прихлопнуть, да так, чтобы они никогда впредь не возникали, не проклюнулись. В противном случае... может... вспыхнуть опять, с новой, уже уничтожающей силой, превратиться во всеобщую беду» [Там же, с. 13].

Читатель не может не согласиться с такими выводами писателя. Не оставляет нас равнодушным и его зарисовка «Глаза человеческие». Начинается она с поговорки: «Говорится, что

глаза — зеркало души» [Там же, с. 23]. Далее он поясняет: «Иногда бывает так, что у двух людей — погодков глаза точь-в-точь одинаковы — и по свету, и по разрезу, и по размерам. Но, если приглядеться, у одного они пронизаны внутренним светом, у другого — хранят пасмурную тень», — утверждает мастер якутской прозы.

В следующем абзаце сам себе задает вопрос: «Что такое душа? К чему она больше относится: к уму-разуму или к сердцу?». И тут же отвечает: «Наверное, все-таки правильной будет сказать: к сердцу ближе. Правильно, но коль так, то внутренний свет к глазам человека идет прямоком от его сердца. Поэтому — каково твое сердце, таковы и глаза» [Там же, с. 23], — так метко и четко заключает автор.

В маленькой зарисовке «Самая красивая женщина» писатель описывает свой идеал красивой женщины. В начале зарисовки автор показывает двух мужчин, спорящих о женской красоте: «Один любит жгучие, черные глаза, другой — серые с голубизной... Одному нравятся короткие волосы, другому длинные, выющиеся до пят... Все попытки разубедить друг друга ни к чему не привели» (с. 438). Потом они пошли к умудренному жизнью старику и спросили, какая женщина самая красивая: «Долго глядел старец на голубеющие за облаками вершины далеких гор и, светло улыбнувшись, ответил: — Любимая» [Софрон Данилов, 1989, с. 499].

В зарисовке «Репей и лилия» изображается, казалось бы, совершенно обыкновенная картина. Но и здесь автор находит различный подход к предметам своего интереса и делает соответствующий вывод: «На цветочной клумбе вырос Репей. Хотели вырвать его, но лишь обломали. Зато легонько ранили при этом белую Лилию. Стала блекнуть Лилия, никнуть венчиком цветка все ниже к земле и совсем угасла, наконец. А Репей пустил корни еще глубже, выше прежних выкинул новые побеги, накрыл — подавил лопухами своими всю клумбу» [Там же, с. 506]. Далее автор делает такой меткий и остроумный вывод: «Прекрасное уязвимо и хрупко. Дурное выносливо, цепко и хватко. Не так ли и у людей?» [Софрон Данилов, 1989, с. 504]

Читатель найдет много таких интересных зарисовок, наблюдений и размышлений в прекрасной книге Софр. Данилова «Санаам туймулара» («Мысли про себя и вслух»). Все выше названные зарисовки покоряют нас обобщающей мыслью, выражающей авторскую идею. Зачастую в них мы не чувствуем слитности ав-

тора и героя. Он изображает какой-нибудь жизненный случай или ситуацию и выражает свою авторскую позицию. При этом, рисуя эти жизненные обстоятельства, он сопоставляет различные жизненные ценности и в конце утверждает истинные общечеловеческие ценности. Эти зарисовки цикла можно отнести к произведениям социально-культурной проблематики. Исследователи литературы считают, основным признаком социокультурной проблематики — «акцент на устойчивые, сложившиеся, повторяющиеся черты бытия и сознания людей; здесь важна не динамика, а статика жизни. Второй существенный признак произведений с этой проблематикой — то, что в них осмысливаются, как правило, такие свойства и качества, которые характерны для очень широкой группы людей, иначе говоря, осмысливается состояние среды, множества, а не индивидуальная неповторимость отдельной личности» [Есин, с. 48].

В последние годы жизни Софрон Данилов, глубоко погруженный в неподвижность застойного времени, много думал и размышлял. Произведения, включенные в книгу, написаны на основе этих дум и тревог. Среди этих произведений — есть небольшой рассказ «Трагедия Чернобыля». В нем писатель описывает величайшую трагедию глазами очевидца: «Внутри зоны, как и снаружи, перед тобой будет ходить волнами сочная зелень, шуметь на ветру густой лиственный лес, играть в солнечных бликах прозрачно чистая вода озер и речек, обвеять уютным теплом хрустально-звонкий воздух; но все они на самом деле угрожают тебе неотвратимой смертью. А смерть та — невидима, она не имеет ни цвета, ни запаха, ни вкуса, ни звука; она невидимая и неосязаемая, рассеяна кругом, присутствует везде, достает повсюду. На хлебных нивах, никем не посеянные, наливаются, вызревают и осыпаются зерновые; в садах, никем не ухоженных, на каждом дереве нагибаются ветки от крупных зрелых плодов. И каждое зерно, каждый такой плод несут в себе убийственный заряд радионуклеидов» [Софрон Данилов, 19946]. Это описание природы Чернобыля после аварии на АЭС никого не может оставить равнодушным. По признанию самого писателя, голос очевидца этой страшной трагедии, потряс его «до глубины души и тронул до сердечных спазм, до холодных мурашек по телу...» [Там же, с. 42]. Как видим, как и в предыдущих произведениях, главная сюжетная линия основана на антитезах: благоухаю-

щая, прекрасная природа и ее убийственная сила. С.П. Данилов опасается за будущее народов мира: «Неужели к нам, горемычным, на подходе то апокалипсическое время, когда мы на цветущий луг, на шумную дубраву, на хрустально-чистые воды, на золотой налившийся колос, на сладкую ягоду будем смотреть со всякой опаской: «А не отравлены ли они радиацией?» [Там же, с. 42]. Этот крик души писателя ярко выражает тревогу и тяжелые думы.

Замечая пессимизм окружающих, проклиная атомную энергию, писатель словами одного из великих ученых мира Ф. Жолио Кюри, утверждает: «Наука не может быть виновата... Виноваты те люди, которые плохо используют ее достижения» [Там же, с. 43].

Софрон Петрович Данилов как мыслитель и крупный общественный деятель на Первом Конгрессе народа саха в декабре 1992 г. выступил с большим и весьма содержательным докладом, в котором были затронуты самые судьбоносные проблемы из жизни нашего народа. По своему значению этот доклад Софрона Данилова во многом напоминает современному читателю «Письмо якутской интеллигенции», написанное А.Е. Кулаковским еще в 1912 г.

В докладе «Духовное возрождение народа саха» С.П. Данилов основной акцент сделал на социально-экономическое развитие Якутии. При этом данную проблему тесно связал с духовным развитием родного народа. Для этой цели он указывал на неотложную необходимость развития науки и культуры.

Софрон Петрович призывал свой народ жить в дружбе и согласии, не только между собой, но и с братскими народами. Он верил в прекрасное будущее родного народа в тесном контакте и дружбе с людьми разных стран и континентов. Но особо выделял важность тесной дружбы и сотрудничества с народами России.

Далее в своем выступлении он подчеркивал большое значение принятия Декларации о суверенитете Якутии и Конституции РС(Я). При этом акцентировал внимание слушателей на хозяйском отношении к использованию полезных ископаемых родной земли, развитию сельского хозяйства и других актуальных проблемах.

Своей яркой и глубоко продуманной речью он еще раз доказал, что, действительно, является не только большим мастером художественного слова, но и художником-мыслителем и крупным общественным деятелем, духовным лидером народа саха, который реагировал на текущие актуальные и судьбоносные проблемы

социальной и духовной жизни народа саха [Софрон Данилов, 2000а, с. 573–594].

Будучи неразрывно связанным с судьбой родного народа, человеком страстного гражданского темперамента, Софрон Данилов в своих многочисленных выступлениях перед общественностью и на различных форумах самого высокого уровня, а также на страницах книг и периодической печати чутко затрагивал актуальные проблемы жизни республики. Так, например, выступая на пленуме обкома КПСС от 18 ноября 1990 г. Софрон Данилов резко критиковал руководство партии за отсутствие четкой программы выхода страны из политического и экономического кризиса: «И почему мы самонадеянно считаем, что народ, которого мы обрекли на нищенское существование, на неимоверные муки и страдания, должен еще верить нам и слушаться нас? Надо, товарищи, избавиться от обманчивых иллюзий, надо иметь мужество смотреть в глаза суровой правде и думать о том, как заново завоевать утраченный авторитет и доверие» [Софрон Данилов, 2000б, с. 524].

В 1990 г. на VII Съезде писателей РСФСР, опираясь на факты реальной жизни, он смело называл Якутию валютным цехом страны и в то же время придатком и колониальной окраиной России: «Якутия дает стране баснословные прибыли... по данным зарубежных экономистов, Якутия ежегодно дает государственной казне только алмазов на сумму до 80 миллиардов долларов. И республика наша от этих миллиардов почти ничего не получает... баснословно богатейшая республика и убогая, нищенская жизнь ее народа» [Софрон Данилов, 2000в, с. 513].

Отстаивая суверенитет республики, он неоднократно подчеркивал, как и все наши крупные корифеи литературы, начиная с А.Е. Кулаковского, что «Россия — это наш любимый до боли сердечный, милый родной дом». На VII пленуме правления писателей эту мысль он углубил и высказал такую истину, под которой подписались бы многие якутяне: «Россия... Под этим понятием мы представляем не только русский народ, но многоликую, многоцветную, многоязычную семью народов от ледяных берегов Чукотки до голубых волн Балтики... У нас общая судьба, общие горести и общие радости... Наши народы — друзья не только в дни побед и торжеств. Мы будем всегда верны и в трудные, тяжелые дни. Все народы России могут на нас рассчитывать» [Софрон Данилов, 2000г, с. 487].

Действительно, Софр. Данилов в своих ярких выступлениях всегда затрагивал весьма насущные и судьбоносные проблемы, которые он излагал в очень убедительной форме, задушевно и красиво. В них Софрон Данилов зачастую сопоставляет различные жизненные ценности и утверждает ценности, основанные на добрых принципах гуманизма и высокой нравственности. Общая тональность этих публицистических произведений, затрагивая социально-нравственные и общественно-политические противоречия современной жизни, отличается аналитичностью, острым внутренним драматизмом. В них наблюдается синтез документального, социального, автобиографического начал. Ярким подтверждением сказанного могут послужить вышеупомянутые публицистические произведения писателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Данилов Софрон. Самая любимая женщина // Избранное. Т. 2. — М.: Современник, 1989. — С. 499.
- Данилов Софрон. Про себя и вслух (перевод с якутского Владимира Николаева // Полярная звезда. — 1994а. — № 4. — С. 6.
- Данилов Софрон. Трагедия Чернобыля // Полярная звезда, — 1994б, №4. — С. 42.
- Данилов Софрон. Саха норуота барбараы суолунан // Собрание сочинений. Т. 7. — Якутск, 2000а. — С. 573–594.
- Данилов Софрон. Трудные времена для партии // Собрание сочинений. Т. 7. — Якутск, 2000б. — С. 524.
- Данилов Софрон. Мы всегда будем верны дружбе // Собрание сочинений. — Якутск, 2000 г. — С. 487.
- Данилов Софрон. Не могу не говорить о них // Собрание сочинений. Т. 8. — Якутск, 2000в. — С. 513.
- Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературных произведений. — М.: Наука. 2002— С. 48.

D.E. Vassiljeva

Sofron Danilov's journalism in a modern context

Short sketches and speeches of the people's writer of Yakutia Sofron Danilov vividly express his national and universally human worldview.

Keywords: actual problems of modernity, ponderings, observations, life values, crucial problems, social and economic development, sovereignty, spiritual development, peoples' friendship.

УДК (811+398)(=554)

Л.Н. Жукова

Пространственно-временные представления в языке и фольклоре лесных юкагиров

Юкагирское исчисление времени и расстояния определялось нахождением человека в процессе движения. Период кочевания складывался из дневных кочевых переходов и нахождения во временных жилищах. Короткий промежуток исчислялся временем «закипания котла».

Ключевые слова: период кочевания и «сидения» на месте, опредмеченность времени и расстояния, котел.

Лесные юкагиры верхней Колымы, называющие себя *оулу*, в начале третьего тысячелетия н.э. сохраняют самый архаический, по существу неолитический, присваивающий тип хозяйственной деятельности. Это охотники на лося, пушных зверей, боровую и перелетную птицу, рыболовы. Особенность хозяйственной деятельности отличает *оулу* от *вадулов* — тундровых юкагиров низовий Колымы и от окружающих соседних народов (оленьеводов чукчей, коряков, эвенов, эвенков; скотоводов и коне-

водов якутов), в разные периоды своей истории перешедших к производящему хозяйству. Различия в хозяйственно-экономической деятельности закрепились в мировоззренческих установках, фольклоре и мифологической картине мира, языке и менталитете народа. Архаический тип хозяйства обуславливает сохранение лесными юкагирами элементов языческого миропонимания древних охотников и рыболовов.

Древние пространственно-временные отношения нашли отражение в мужском и женском

пиктографическом письме на бересте *шанбаар шөрилэ* 'письмо на коже дерева' [Иохельсон, 1898; 1934; 20056. Жукова] и в языковых материалах. Обратимся к вопросу традиционного одульского исчисления времени и расстояния. «Время представлялось первобытному сознанию в виде пространства, имеющего свои отрезки; пространство же воспринималось им в виде вещи» [Фрейденберг].

В начале XX в. один из первых исследователей юкагирской культуры В.И. Иохельсон писал о юкагирском исчислении расстояния и времени так: «Юкагиры не имеют строгой меры для определения расстояния. Есть слово *мидол*, означающее расстояние, покрываемое дневным переездом. Слово происходит от *мидочэ*, что означает 'кочевой лагерь' (стойбище). Однако трудно сказать, означает ли *мидол* пройденное расстояние или время, за которое это расстояние проходимся. Очевидно, расстояние определяется здесь термином времени» [Иохельсон, 20056, с. 82]. Юкагиры, выйдя утром в дорогу и разбив новый лагерь в конце дня, говорят: «Мы сделали *мидол*». В зависимости от длины пути *мидол* бывает большой и маленький, т.е. большой путь, большее время — и меньший путь, малое время. Скорее всего, не протяженность пути и затраченное время принималось во внимание, а само нахождение человека в процессе движения. Об этом сообщают сами юкагиры: «Мы выходим утром, и когда наши ноги устают, деревенеют и перестают сгибаться, мы говорим, что мы сделали *мидол*» [Там же, с. 83].

Подтверждают это предположение и словарные материалы. Когда юкагиры отправляются кочевать с семьями на неопределенное время, употребляют термин *мидоо* 'кочевать, бродить, перекочевывать'. Кочевка состоит из дневных переходов *мидол*. Каждый *мидол* в конце дня завершается сооружением кочевого жилища *мидочэ* [Там же, с. 457]. Таким образом, языковыми средствами создается ясное описание периода жизни рода или семьи юкагиров, отправившихся кочевать: в период *мидоо* они будут иметь множество *мидол* и *мидочэ*.

Пребывание в кочевом жилище, дневной путь и сама продолжительность кочевания могут зависеть от разных причин. Нахождение во временном стойбище может зависеть от погоды, состояния здоровья людей и сложности пройденного пути, от продолжительности дня, от заготовки впрок продуктов и прочее, т.е.

может длиться от одного до нескольких дней. От этих же причин зависит *мидол*, дневной путь. Сам период кочевания более определен, к примеру, от места зимовки в верховьях притоков р. Колымы до устья р. Ясачной, где в начале лета проводятся ежегодные встречи и празднества. Этот маршрут из года в год может частично корректироваться по каким-либо обстоятельствам. Указанные причины объясняют, почему названные термины не имеют временной и пространственной конкретики.

У верхнеколымских юкагиров в годовом природохозяйственном цикле существовало два активных периода кочевания *мидоо* — первый, весенний и второй, осенний в обратном направлении к месту зимовки. Соответственно были два периода «без движения», т.е. когда 'сидели' *модо* на земле, на месте зимовки или летнего празднества [Там же, с. 487].

Длительность периода *модо* также зависела от многих причин. Продолжительность пребывания в зимних жилищах во многом определялась наличием запасов продуктов, сделанных осенью. Их недостаток вызывал ранние сроки наступления периода *мидоо*. Продолжительность летнего *модо* была более определенной: вслед за вскрытием рек (конец мая) юкагиры спускались на лодках и плотах к месту сборов и разъезжались в очередной *мидоо* примерно через месяц [Спиридонов, с. 41–42].

Заметим, что два главных периода в промыслово-хозяйственной жизни одулов — кочевание и «сидение» на месте нашли отражение в традиционных пожеланиях друг другу: «хорошо ходи» и «хорошо сиди».

В качестве типологической параллели юкагирского, монгольского и русского древнего исчисления расстояния и времени приведем следующую цитату: у монголов «существует выражение *өдорчийн газар* 'расстояние дневного пути', указывающее на сопряженность времени и пространства в монгольском языке, что характерно для современных русских диалектов и русского языка в целом» [Даяндорж, с. 70]. Ср. у тунгусов: герой сказки утром встал рано и отправился в путь, он «шел целый день и, пройдя расстояние целого дня, остановился на ночь» [Иохельсон, 20056, с. 420].

Небольшой промежуток времени юкагиры называют *лунбуга йэлэл* 'котел закипел' и *йэрхайэ лунбуга йэлэл* 'замороженный котел закипел', последний промежуток чуть длиннее. В.И. Иохельсон считал, что эта мера длины за-

имствована юкагирами от якутов: «Расстояние, которое проходят, пока закипит котел, они (якуты. — Л. Ж.) называют *кёс*. Слово это означает ‘котел’*. «Котел» равен примерно часу — времени, за которое всадник проходит от пяти до шести миль, а пешеход — от трех до четырех миль. «Оставайся там, пока не закипят друг за другом три котла», т.е. три часа... «Закипание котла» юкагиры называют также *йахан мидол* (т.е. якутский *мидол*), который значительно меньше, чем *одун мидол* (т.е. юкагирский *мидол*)» [Там же, с. 83].

В одульской сказке богатырь на приглашение юкагира-охотника выпить чаю ответил: «Снег в твоём котле пока растает, добежу обратно» [Юкагиры, с. 54]. Следуя В.И. Иохельсону, на покрытие одного и того же расстояния юкагиру и якуту потребуется разное время, *мидол* всадника-якута будет меньше юкагирского.

Слово «котел» ассоциируется обычно с металлической посудой, но у юкагиров такие котлы — сравнительно позднее приобретение. Существовали деревянные, берестяные, в еще более глубоком прошлом — керамические ёмкости для жидкости, фольклор юкагиров сообщает о каменных котлах чукчей [Фольклор..., с. 137]. Воду в деревянном ведре нагревали, опуская в него раскаленные камни. В якутских загадках, по-видимому, записанных от обьякученных аборигенов, для приготовления горячей пищи упоминаются заглаженные глиной черепа диких животных:

«Говорят, голова старого лося в огонь вкатывается» (Глиняный горшок).

«Есть, говорят, гладко обмазанный оленин череп» (То же) [Якутские..., с. 251–252].

Интересна параллель головы животного и глиняного горшка. Во-первых, это может быть намеком на утилитарное использование черепа крупного животного в качестве сосуда (ср. известный в этнографии пример изготовления чаши из черепа врага). Обмазывание такого «котла» глиной и обжигание в огне, возможно, привело к появлению собственно глиняной посуды. Во-вторых, создается устойчивая семантическая цепочка: голова — котел — женская утроба, где вынашивается новая жизнь. Во многих культурных традициях сосуд обозначает женское начало. Ср. русскую пословицу: «Женщина без живота, что кастрюля без крышки».

На соотнесенность беременной женщины с сосудом указывают записи В.И. Иохельсона, касающиеся оберегания рожениц. «Двум беременным женщинам нельзя есть пищу из одного котла или пить воду из одного кувшина, или черпать воду из одной проруби, так как один котел, один кувшин или одна прорубь символизируют только одно открытое отверстие, предназначенное для одного» [Иохельсон, 2005б, с. 154]. Запись иллюстрирует тождественность восприятия юкагирами материнской утробы как сосуда — котла, кувшина. Ср.: широко известные в быту выражения: «Котел не варит», «Хоть горшком назови, только на огонь не ставь»; «Порожний горшок на огонь не ставь».

В материале, использованном для изготовления котла, а, следовательно, во времени, необходимом для его закипания, может скрываться причина различий юкагирского и якутского «котлов».

У юкагиров через «котел» задавались представления о краткости времени и пространства. Сочетание пространственно-временных параметров с захоронением человека находим в фольклоре одулов. В тексте «Сказка о Мунэджидиэ (Нижняя Челюсть)» одноименный мужской персонаж «давно (было)... товарищей с женами убил. Трех детей девушек [умертвив?] в котел положил, корытцем прикрыл. (Дети через какое-то время. — Л. Ж.) из середины котла выросли... На дворе их старшая сестра на четвереньки встала». Ее младшие сестры тоже встали. «Потом старшая сестра их встряхнулась. Они тоже встряхнулись — вторым белыми волками стали». Волки побежали мстить семье старичка за убийство родителей. Отомстив, «опять людьми сделались» [Иохельсон, 2005а, № 11].

Полагаем, что вслед за помещением детей в сосуд следует их оживление и перевоплощение человек — волк — человек. Указание в тексте, что событие, «давно (было)» предполагает временную составляющую, как давнее и прошедшее. В таком случае помещение детей в сосуд и прикрытие «крышкой» может быть истолковано как специфическое захоронение. Интересно, что способ погребения детей в глиняных горшках зафиксирован в археологических материалах

* В якутском яз. *күөс* ‘горшок’, ‘варево в горшке’ (общетюрк. *көш*, *көч* [көөш, көөч]); *көс* I ‘кочевать’, *көс* II ‘кочевка, кочевой’ (общетюрк. *көс*, *көч* [көс, көч]). Якутская миля (около 10 км) происходит от последнего слова *көс*, но не от *күөс*. *Күөс* быстыҥа — время варки мяса в котле — около 1 часа. (замечание д.ф.н. П.А. Слепцова).

древнего Китая. На неолитической стоянке Сяванган обнаружены «три детских захоронения в горшках *гуань*, прикрытых мисками *бо*, из глины с примесью песка» [Кучера, с. 63]. Горшок *гуань* имеет крупное тулово с прямым дном и отогнутым венчиком; миска *бо* широкая и глубокая, без венчика, с небольшим прямым дном.

Обнаруживается семантическая тождественность одульского («трех детей девушек в котел положил, корытцем прикрыл») и древнекитайского («три детских захоронения в горшках *гуань*, прикрытых мисками *бо*») погребений. В обоих случаях дети помещены в крупные сосуды и прикрыты «крышками». (Полагаем, что помещение трех детей в один сосуд в одульской сказке является метафорой). На неолитических памятниках Якутии среди обломков керамики встречаются большие глиняные сосуды (тип *гуань*), об изделиях, подобных мискам *бо*, сказать пока трудно. А неолитические сосуды имели округлое или приостренное дно, только в раннем железном веке появилась керамика с плоским дном, которая стала преобладающей в средние века (кулун-атахская и якутская культура) [Алексеев, 1996а,б; Гоголев; Константинов].

В фольклоре одулов семантическая связь женщины и котла отражается часто.

В сказке кожа с живота старухи после варки в котле превратилась в лосиный жир [Иохельсон, 2005а, № 23].

Обернувшийся камнем людоед *Чуолиды Полут* был назван двумя девочками «игрушкой», «ребенком», брошен ими в кипящий котел, бежал за детьми с котлом на голове, упал в море, умер [Жукова, Николаева, Демина, № 26]. В тексте «Старик Бисерная Борода» *Чуолиды Полут* в поисках спрятанных детей обращается к двум предметам: Корыту, Чайнику, а Банка сама подсказывает людоеду, где найти детей. Все предметы представлены емкостями для жидкости, в том числе названы Банка и Корыто, воссоздающие код двух погребальных сосудов. Создается еще структурная цепочка: сказочный людоед — дети — погребальные сосуды [Там же, № 25; Иохельсон, 2005а, №19].

Котел выполняет функцию спасительного укрытия для женских персонажей эвенкийских сказок [Варламова, с. 53, 126].

Через сосуд обыгрывается тема рождения и смерти в загадках якутов. Ср. загадки о беременной женщине:

«В горшке зятюшка нарождается».

«Говорят, в горшке солнце светится»

[Якутские..., с. 180].

И наоборот, глиняный сосуд кодируют через образ человека:

«Каждый день голое дитя на огонь

задом садится».

«Говорят, глина — рыдает, деревяшка —

успокаивает»

(Закипание котла с пищей).

«Когда смертный день пришел, он без поа умер»

(Разбитый горшок) [Там же, с. 251–252].

У якутов глиняная посуда имеет отношение к теме смерти. «Души наиболее сильных духов *юёр* запирали в глиняные горшки... Такого рода *тюктюйэ* (вместилища. — Л. Ж.) зарывали в землю под старой лиственницей или же внутри юрты в ее левой половине... По фольклорным данным, с глиняным горшком на голове хоронили людей, которые при жизни были парализованы, лишены способности передвигаться. При этом тела их ориентировали головой на восток, чтобы «неполноценные» умершие прямоком отправлялись в *дьабын* (мир небытия). Если рождался уродливый теленок... его сразу же умерщвляли и клали в большой глиняный сосуд, который снаружи тщательно обмазывали глиной и закапывали в северном углу хлева... В этом плане представляет интерес обычай якутов ставить возле места, где держат телят, глиняные горшки вверх дном... [В некоторых случаях] *юёр* можно рассматривать как временное, переходное состояние очищения. Через вселение *юёр* во вместилище снималось все его отрицательное отношение к жизни: обида, неудовлетворенность, озлобленность и т.д. — и он, таким образом, постепенно превращался в «правильно» умершего, который имел право на повторное возвращение к жизни» [Бравина, Попов, с. 190–191].

Захоронение в сосуде или с сосудом на голове указывает на «неполноценность» погребенного, так «запирали» вредоносную душу. Такие захоронения являются, во-первых, специфическим способом защиты рода (стада животных) от дефекта. Во-вторых, в случае смерти или убийства детей это временные вместилища души еще неполноценных членов общества. В-третьих, захоронение в глиняном, берестяном, деревянном, кожаном сосуде моделирует возвращение погребаемого в материнское лоно для последующего «выздоровления» и снятия негативной наследственности предыдущих рождений. Здесь обнаруживаются параллели со сказочными сюжетами, известными у многих народов, когда убитого человека для оживле-

ния помещали во внутрь тотемного животного. В-четвертых, этот способ не закрывал, а предусматривал реинкарнационный этап перерождения.

Погребальные глиняные сосуды имеют семантические связи с распространенным мифопоэтическим символом — Мировым яйцом. Яйцо с зародышем внутри — символ мифопоэтической Вселенной, верхняя часть яйца ассоциирована с Небом, нижняя — с Землей. Также соотнесены между собой два погребальных сосуда. Единство Неба и Земли, мужского и женского начал создавали в представлении древнего человека модель двучастной Вселенной, которую воссоздавали предметный (сосуды) и животный (яйцо) коды.

В настоящее время древние представления о времени и пространстве лесными юкагирами во многом утрачены. Этому немало способствовали объективные причины. Социально-экономические перемены в стране в XX в., переход от полукочевой жизни к оседлому поселкованию значительно повлияли на годовой хозяйственный цикл. Переход к общероссийскому исчислению времени, мер длины, веса и расстояния уже через три-четыре поколения стер в памяти соответствующие архаические номинации. В связи с этим не вызывает удивления полное отсутствие в юкагирском языке и народной памяти сведений о древнем способе захоронения в сосуде. Приведенные материалы еще раз свидетельствуют о былом духовном богатстве и мифопоэтической наполненности древней охотничьей культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья / Серия «История и культура Востока Азии». — Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996а. — 95 с.

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы / Серия «История и культура Востока Азии». — Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996б. — 144 с.

Брагина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). — Новосибирск: Наука, 2008. — 296 с.

Варламова Г.И. (Кэптукэ). Женская исполнительская традиция эвенков (по эпическим и другим материалам фольклора). — Новосибирск: Наука, 2008. — 230 с.

Гоголев А.И. Якуты: (проблемы этногенеза и формирования культуры). — Якутск: Илин, 1993. — 136 с.

Даяндорж Алтанцэцэг. Отношение к времени как выражение целостности мировосприятия: концепт «день» в русском и монгольском языках (на материале письменных источников) // Изв. Росс. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. — № 37 (80): Аспирантские тетради: Науч. журнал. — СПб.: 2008. — С. 65–71.

Жукова Л.Н. Представления одулов (лесных юкагиров) о первопредках по данным изобразительного искусства и фольклора // Якутский архив. — 2008. — № 4. — С. 3–19.

Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров верхней Колымы. — Якутск: Изд-во ЯГУ, 1989. — Ч. 1. — 161 с.; — Ч. 2. — 89 с.

Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена // Изв. Рус. географ. об-ва. — СПб., 1898. — Т. 34. — Вып. 3. — Приложение.

Иохельсон В.И. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — Ч. 3. — С. 148–180.

Иохельсон В.И. Материалы по юкагирскому языку и фольклору, собранные в Колымском округе. — Якутск: Бичик, 2005а. — 270 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. — Новосибирск: Наука, 2005б. — 675 с.

Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. — Новосибирск: Наука, 1978. — 128 с.

Кучера С. Китайская археология. 1965–1974 гг.: Палеолит — эпоха инь. Находки и проблемы. — М.: Наука, 1977. — 369 с.

Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. — Якутск: Северовед, 1996. — 80 с.

Фольклор юкагиров / Сост. Г.Н. Курилов. — М.; Новосибирск: Наука, 2005. — 137 с.

Фрейдсберг О.М. — Миф и литература древности. — М.: Наука, 1978. — 605 с.

Юкагиры. Историко-этнографический очерк / Под ред. А.П. Окладникова. — М.: Наука, 1975. — 244 с.

Якутские загадки / Сост., автор перевода, вступ. статьи, комментарии С.П. Ойунская. — Якутск: Кн. изд-во, 1975. — 376 с.

L.N. Zhukova

Space and tense presentations in the language and folklore of the Forest Yukaghirs

Yukaghir estimation of time and distance was determined by the location of a human in the process of movement. The nomadic period consisted of diurnal migrations and stays in temporary dwellings. A short period of time was estimated by the time of the «kettle boiling».

Keywords: period of migrating and «sitting» in place, objectification of time and distance, kettle.

А.С. Ларионова

Юкагиро-якутские параллели в традиционной песенной культуре

Статья посвящена не исследованной вплоть до настоящего времени проблеме юкагиро-якутских взаимовлияний в различных жанрах традиционной песенной культуры. В круговых песнях-танцах обнаруживаются соответствия в использовании внесмысловых слов. Звукоподражательная культура, используемая в различных нарративах, также имеет многие сходные черты.

Ключевые слова: песня, танец, жанр, этнос, обряд, фольклор, тембр, ритм, интонация.

В традиционной песенной культуре народов Якутии выявляется много сходных моментов, имеющих общетипологические основы и обусловленных процессами взаимовлияния. Сходство наиболее наглядно проявляется при сравнении круговых обрядовых песен-танцев, шаманских камланий, звукоподражательных слов и традиционных песен.

Взаимовлияние в танцевальной культуре народов Якутии отмечал еще В.И. Иохельсон: «Круговые танцы сопровождаются пением из четырех нот, соответствующих четырем шагам. Слова песни: *хоо 'йои-хээ 'йуи* или *хээ 'кэ-хаа 'ка* — являются тунгусскими. Юкагиры не знают их значения и считают просто восклицаниями. Мне кажется очевидным, что этот танец заимствован у тунгусов. Возможно, и якуты переняли у тунгусов свой круговой танец. У юкагиров этот танец иногда сопровождается пением и движениями, которых нет у тунгусов, но есть у чукчей и коряков. Тунгусские песни, о которых говорилось выше, время от времени прерывались гортанным дребезжанием и другими звуками, имитирующими крики различных животных. Некоторые танцоры, особенно девушки, мастерски издают гортанное дребезжание, похожее на хрюканье тюленей, в то время как другие отвечают более высокими гортанными звуками. Довольно странно, однако, что сами юкагиры не могли объяснить, каких животных они имитировали ... Только один танец сопровождается звуками, подражающими крикам птиц, на которых охотятся юкагиры. Этот танец известен как «танец лебедей» (*йо 'ми-чомо-лонгдол*) и исполняется в комбинации с круговым. Девушки и юноши образуют круг и передвигаются справа налево вокруг пары, изображающей лебедя-самца, ухаживающего за самкой. Самец кружится вокруг самки, поднимая поочередно левое и правое крыло (т.е. руки), а самка стремится ускользнуть от него. В то же время тан-

цующая пара имитирует звуки, которые издают лебеди в период спаривания» [Иохельсон, с. 192]. Танцевальным напевам якутов и юкагиров свойственно использование внесмысловых слов. Танцуют участники, двигаясь по кругу, взявши друг друга под руки, переплетая пальцы рук. Танцы сопровождаются пением. В вербальной составляющей якутского осуоха присутствуют обязательные припевные слова «*оһуо-оһуо-оһуокай*» и «*эһиэ-эһиэ-эһиэкэй*», которые имеют в своем составе фонему *h*. В юкагирском танце «*Лондол*», основанном также на использовании внесмысловых слов, также можно наблюдать подобные звуковые сочетания фарингального *h* с различными гласными и звонкими согласными: *һэ, һм, һи, һо, һу, һль*.

Кроме того в олекминском осуохае, как и в юкагирском, осмысленный текст заменяет набор внесмысловых слов. Музыкально-интонационному составу олекминского осуоха свойственны перетекание от тона к тону, отсутствие четкой акцентности опорного тона, чаще всего ямбический ритм. Подобное интонирование свойственно напевам многих арктических этносов, в том числе и юкагиров. У северных якутов припевные слова-возгласы хороводных песен иные, чем у жителей центральных улусов «у оленекских — *хэрийэ, суурай, сандыр*; у анабарских — *хэйро, суурай, сизйра*; у хатангских — *хэрийэ-хиэрра-хэйро*. Кроме того, у анабарских якутов отмечены круговые танцы, построенные на имитации весеннего хорканья оленей и щекота птиц — *чонгуска* и *чёмчө'йдююр*» [Шейкин, с. 90], что также указывает на сходные черты якутского и юкагирского танцев.

Основу интонационной культуры народов Якутии составляют имитации голосов животных и птиц. У юкагиров и якутов весьма развита культура звукоподражаний, разделяющихся на охотничье-промысловые и хозяйственно-бытовые сигналы. Последние используются для

управления домашними животными. Охотничье-промысловые натуралистические сигналы связаны с практическим применением их во время охоты на птицу или зверя и выполняют производственную функцию в жизни северных этносов, а также перешли впоследствии в детский игровой фольклор.

Особый интерес вызывает подражание ворону во время поедания мяса медведя людьми у многих этносов, населяющих Якутию. Здесь представлена единая звукоинтонационная модель имитации голоса этой птицы. Звукоподражания исполнялись с целью сокрытия истинного смысла происходящего. С помощью имитации крика ворона человек как бы показывал духу умерщвленного медведя, что его мясо ест ворон, а не человек. Как известно, медведь для многих этносов является тотемным животным: охота, разделка туши, поедание мяса считались опасным, поэтому все эти процессы сопровождались специальными ритуальными действиями. Весьма показательным, что имитация крика ворона в данном ритуале почти у всех народов Якутии совпадает как в ритмико-интонационном, так и тембровом отношении.

Так, звукоподражание ворону у юкагиров звучит как «кук-кук» почти на одном звуковысотном уровне и «интонируется в глубине гортани с призвуком “у” с добавлением ларингализации» [Игнатъева, Шейкин, с. 41]. Аналогичную имитацию голоса ворона мы наблюдаем и у якутов Нюрбинского и Мегино-Кангаласского улусов Якутии. Исполняется она также: «кук-кук» в глубине гортани с ларингализацией, троекратно через определенные паузы при повторе [Ларионова, с. 294]. В интонационном отношении наблюдаются некоторое понижение от cis^2 к b^1 и возврат к микроальтерационно пониженному звуку cis^2 . Общим в юкагирском и якутском звукоподражаниях является сохранение одного высотного уровня при троекратном повторе слога с обязательным воспроизведением согласного *к* и использованием ларингализации при интонировании. Несомненно, в связи с этим может идти речь о единых типологических основах интонирования при имитации голоса ворона у всех народов Якутии.

Звукоподражаниями в традиционной культуре народов Якутии часто пользуются в обрядах и, в частности, в шаманских камланиях. В них шаманы, описывая свои путешествия в различные миры, чаще всего имитировали звуки сакральных животных и птиц. Так, Г.В.Ксенофонтов в книге «Шаманизм. Избран-

ные труды» [1992] привел рассказ Михаила Алексеева из Кэнтикского наслега Верхневилюйского улуса «Духи-собаки и другие шаманские звери»: «В старину, я помню, шаманы при камлании ревели, подражая пороку (быку-производителю), и наращивали на голове чистые (прозрачные) рога. (Рассказчик понимает т.н. “хомусун”, шаманские фокусы при мистериях. — Г.К.). Это я наблюдал однажды. Давно у нас был шаман по имени Кённёр. Когда умерла его старшая сестра, он совершил камлание, во время которого, ставши на четвереньки, подобно детям, играющим в быков, гулко мычал и ревел по-бычьему» [Там же, с. 75–76].

Якутские шаманы начинают свое камлание с имитации ржания коня. На это указывает Г.В. Ксенофонтов: «Этот шаман (хоринский шаман Тиитэп. — А.Л.) при камлании надевал конскую узду, выйдя во двор, ржал по-конски. Входил же в юрту на четвереньках; при этом четыре человека все время держали за повод узды» [Там же, с. 211]. Это связано с сакральностью образа коня в якутском мировоззрении, в отличие от представлений других народов Якутии, у которых отсутствует звукоподражание коню. Якутские шаманы в своих камланиях использовали звукоподражания другим сакральным животным и птицам.

В целом, шаманским камланиям свойственна целая имитационная система. В.Иохельсон в труде «The Yukagir and Yukagirized Tungus» («Юкагиры и юкагиризованные тунгусы») описывает камлание юкагирских шаманов следующим образом: «С перекрещенными ногами шаман сел на оленью шкуру лицом к выходу и начал бить в бубен, сначала медленно и спокойно, а потом быстрее и громче. Затем он начал вызывать духов животных при помощи искусной имитации звуков» [Иохельсон, с. 285]. При этом В.И. Иохельсон привел приблизительное фонетическое произношение этих звуков в том порядке, в каком их издавал шаман с указанием названий животных и птиц:

1. га, га, га, га..... имитация гагары (ша 'лбэн);
2. чокь, чокь, чокь.....« бекаса;
3. турри, турри, турри.....
« другой разновидности
бекаса (по-юкагирски
чирми 'диэ);
4. курррр, курррр, курррр..... « другого вида
чирми 'диэ;
5. ку'ку, ку'ку, ку'ку.....« кукушки
(кукуно 'до);
6. пиль, пиль, пиль..... « орла (ха 'ниль);

7. ки'нгирик, ки'нгирик, ки'нгирик...« журавля (у'диль);
 8. оо - оо - оо - оо..... « волка
 (эу'рэйэ-ру'кун);
 9. 5000-5000-5000..... « медведя
 (ха'ичитэгэ) [Там же].

После имитаций голосов животных и птиц шаман снова забил в бубен, но более спокойно и, затем, повернувшись к очагу, запел. Таким образом, после звукоподражаний последовало продолжение камлания.

Представленные имитации не имеют нотографического отображения, и в мелодико-интонационном плане их можно представить, лишь реконструировав звучание, опираясь на более современные записи звукоподражаний. Возможно, юкагирские шаманы указанные выше звукоподражания в интонационном плане исполняли так же, как и имитации, используемые в охотничье-промысловых целях. Например, звукоподражание медведю основывалось на фарингализации звука [Игнатьева, Шейкин, с. 27], а имитация голоса кукушки, олицетворяющей злых духов, — на кварто-квинтовой нисходящей интонации [Там же, с. 29]. Хотя, как известно, точное подражание голосу кукушки основано чаще всего на нисходящей терцовой интонации. Следует отметить, что юкагирские шаманы имитировали голос журавля несколько иначе, чем в практических целях. Так, в охотничьей практике использовался лабиальный губной свист слогами *hy-hy* с элементами глиссандирования и скольжения [Там же, с. 28], т.е. охотничьи сигналы несколько отличаются от имитации голосов животных и птиц, используемых в нарративах. Но встречаются однотипные подражания, применяемые и в практике, и в фольклорных произведениях.

Таким образом, звукоподражания имели определенную заклинательную функцию, связанную с обрядами календарного и некалендарного циклов, а также с шаманскими ритуалами. О заклинательной функции их в связи с шаманскими обрядами пишет Е.С. Новик: «Особые приемы пения и музицирования — различного рода имитации “голосов природы”, нёбное или горловое пение — составляли тот культурный фонд, на базе которого развилось шаманское пение как своего рода персонологическое двуголосье, как особый музыкальный язык, который может быть использован для установления связей с духами, прямое общение с которыми запретно и опасно» [Новик, с. 82].

В свою очередь, в якутском песенном жанре *тангалай ырыата* специфические припевные призывки с придыханием и нёбным прищелкиванием напоминают хорканье оленя, что вызывает аналогии со звукоподражаниями. Им свойственно придыхание, сочетающееся с нёбным прищелкиванием, которое воспроизводится внесмысловыми слогами *һыт-тыа* почти перед каждым словом, как в песне «Харлаампый» («Харлампий») [Алексеев, Николаева, с. 79–80]. Помимо *тангалай ырыата*, существуют песни стиля *дэгэрэн ырыа* со специфическим звукоизвлечением через нос, которые называют *мурунг ырыата* (носовые, назальные песни). Подобное гнусавое исполнение часто встречается в песенной культуре арктических народов Якутии. Здесь можно усмотреть влияние песенных напевов малочисленных народов, населяющих Якутию, на песенную культуру народа саха. По-видимому, специфические способы пения *тангалай ырыата* и *мурунг ырыата* привнесены в якутскую музыку под влиянием культуры автохтонных этносов Якутии, так как в них так же, как в юкагирском *лондол*, эвенском *ниргэн* или в танце *Сээдэ*, важную роль играют способы пения на вдох и выдох.

Особенно показательна в плане использования звукоподражаний якутская народная песня «*Ыһыы ырыата*» («Посевная песня») [Корнилов, с. 26], где припевные внесмысловые слоги *һы-һы* в конце каждого предложения изложены восьмыми на одном звуковысотном уровне. В припевной части песни используются звуковые сигналы для понукания коня — *сам-сам* на одном интонационном уровне и быка — *сай-сай* нисходящей квинтой. Применяются также звукоизобразительные средства, передающие момент кошения травы, слогами *дар-дар* и *дур-дур* нисходящим ходом на квинту. Вообще эта песня представляет собой яркий пример употребления различных видов звукоподражаний.

Кроме того, в песнях *дэгэрэн ырыа* у народа саха часто используются внесмысловые слоги-вставки после изложения каждой строки. Для центральных улусов Якутии — это *ини*, для вилюйского региона — *үһү*. Вполне возможно, что данные внесмысловые слоги являются рудиментами звукоподражаний охотничьего ритуала, переосмысленные в слоговые припевки. Точнее, применительно к якутскому фольклору, охотничьи манки промысловых обрядов впоследствии, утратив связь со звукоподражаниями, стали использовать в *дэгэрэн ырыа* как припевные слоги.

Припевные слоги типа *һы* и *уһу* в песнях включают в себя фарингальное *һ*, часто используемое также в песнях и танцах юкагиров. У многих народов звонкая согласная *һ* в сочетании с различными гласными служит в ритуальном обряде звуковым подражанием какому-либо животному или птице. Так, юкагиры для звукоподражания журавлю употребляют губной свист, выводящий слог *һу* [Игнатьева, Шейкин, с. 28], а голос кукушки имитируют малотерцовой синкопированной интонацией, исполняемой на слоги *и-һу* [Там же, с. 28]. Голос лебедя изображают звуком *у-о-у-у-у* в поступенном нисходящем движении на микроальтерационно более узкий интервал, чем ч.4, но в определенный момент интонация преобразуется в слог *һуһ* почти на одном звуковысотном уровне и затем повторяется первоначальный гласный звук с интонационными скачками на различные интервалы [Там же, с. 30].

Вполне возможно также, что и специфические призывки в *тангалай ырыата* со слогами *һыт-тыа*, в *хабарга ырыата* — со слогами *тһыа-тһыа* и в *хонгсуо ырыата* со слогами *һг-һг*, а также внесмысловые слова *һээ-дьигэ-дьигэ* и многие другие, тоже, видимо, в своей основе выполняли функцию определенных сигналов охотничьего ритуала, утративших ныне первоначальное предназначение и перекочевавших в песни в качестве припевных вставок. Подобные сходные интонационно оформленные призывки и слоги могут представлять собой типологически единое явление у многих северных народов, истоки которого лежат в звукоподражании зверям и птицам, так как основным для них является тембровая окраска и своеобразная «игра» тембров. Эти натуралистические звукоподражания представляют одно из архаичных выразительных интонационных средств и служат основой тембрового своеобразия песенной культуры народов Якутии. В процессе эволюционного развития

такие звукоизобразительные средства перерабатывались через символические имитации голосов животных и птиц в различного рода специфические способы звукоизвлечения и своеобразные манеры исполнения музыкального фольклора.

Звукоподражания в фольклорных нарративах многих этносов обнаруживают типологически единое начало, поэтому в отношении юкагирско-якутских параллелей можно констатировать факт, что они зачастую имеют общетипологические основы. Это особенно проявляется в шаманских камланиях, звукоподражаниях и круговых танцах и песнях. В них и существуют отдельные элементы, возникшие благодаря процессу взаимовлияния культур, которые требуют специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Э., Николаева Н. Образцы якутского песенного фольклора. — Якутск: Кн. изд-во, 1981. — 100 с.

Игнатьева Т.И., Шейкин Ю.И. Образцы музыкального фольклора верхнеколымских юкагиров. — Якутск: Центр культуры и искусства им. А.Кулаковского, 1993. — 46 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / В.И.Иохельсон; Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. — Новосибирск: Наука, 2005. — 605 с. — (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, т. 5).

Корнилов Ф.Г. Саха бастакы ырыалара (Первые якутские песни). — Якутск: Кн. изд-во, 1969. — 60 с.

Ксенофонтов Г.В. Шаманизм. Избр. труды. — Якутск: Творческо-производственная фирма «Север-Юг», 1992. — 317.

Ларионова А.С. Вербальное и музыкальное в якутском дьэирэтии ырыа. — Новосибирск: Наука, 2004. — 324 с.

Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. — М.: Наука, 1984. — 304 с.

Шейкин Ю.И. Музыкальная культура народов Северной Азии. — Якутск: РДНТ, 1996. — 123 с.

A.S. Larionova

Yukaghir-Yakut parallels in traditional song culture

The article is devoted to the previously unexplored problem of Yukaghir-Yakut mutual influences in different genres of traditional song culture. In round song-dances we find correspondences in using meaningless words. Onomatopoeic culture used in different narratives also has many features in common.

Keywords: sng, dance, genre, ethnos, ritual, folklore, timbre, rhythm, intonation.

П.Е. Прокопьева

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ В XXI в.*

В статье анализируются материалы по обрядовому фольклору лесных юкагиров, собранные в XXI в. Делается основной вывод о том, что особенности функционирования обрядового фольклора юкагиров в настоящее время обусловлены бытованием их традиционных занятий — охоты и рыболовства. В обрядовой практике современных юкагиров прослеживаются как традиции, так и явления новационного характера.

Ключевые слова: лесные юкагиры, современный обрядовый фольклор, особенности функционирования, традиция, трансформация.

Обрядовый фольклор лесных юкагиров — локальной группы юкагиров верхней Колымы тесно связан с их традиционным образом жизни охотников, рыболовов, собирателей. Почитание Хозяев и духов природы (Вода, Огонь, Земля, Солнце, Тайга и др.) обусловило содержание ведущих обрядовых действий юкагиров и их вербальной составляющей.

Первые словесные и словесно-музыкальные образцы фольклора верхнеколымских юкагиров, сопровождающие различные обряды, были записаны крупным исследователем-североведом конца XIX — начала XX в. В.И. Иохельсоном и представлены в фундаментальных трудах «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» (1900 г.) [Иохельсон, 2005а] и «Юкагиры и юкагиризованные тунгусы» (1926 г.) [Иохельсон, 2005б]. Среди текстов шаманские песни, адресованные Реке, Земле, Небу и Огню, молитвы духу Лося, обращения к добытому медведю и др. [Иохельсон, 2005а, тексты № 40–50]. Небольшие по размеру, они отличаются образным языком, наличием средств художественной изобразительности: «Река-матушка, ты не согреешь ли? Со склеившимися (сухими) губами не отпускай!» [Там же, текст № 40], «Огненные глаза тебя чтобы не пронизывали. Острый язык чтобы тебе не говорил» [Там же, текст № 50].

После В.И. Иохельсона тема обрядности лесных юкагиров в контексте их религиозного мировоззрения получила подробное освещение в книге Л.Н. Жуковой «Религия юкагиров. Языческий пантеон» [Жукова, 1996]. Особую ценность работе придают современные материалы автора, относящиеся к 80-м годам XX в. Они свидетельствуют об отношении к благо-

детельным божествам природы юкагиров — наших современников, содержат тексты молитв, адресованных этим Хозяевам.

Целью данной статьи является описание данных по обрядовому фольклору верхнеколымских юкагиров, собранных в XXI в., выявление степени сохранности этого фольклорного пласта в повседневной жизни современных юкагиров.

В новом веке традиционные виды хозяйственной деятельности, охота и рыболовство, продолжают играть важную роль в жизнеобеспечении лесных юкагиров. Сохранение этих промыслов определяет функционирование фрагментов древних религиозных представлений и, как следствие, связанного с ними обрядового фольклора.

Одним из самых распространенных обрядов у лесных юкагиров является обряд кормления Огня, при котором в огонь бросают еду, чай — словом, берут понемногу от всего, что есть на столе. Этот обряд multifunctional и касается практически всех аспектов жизнедеятельности человека и рода в целом (промыслово-хозяйственного, семейно-бытового и т.д.). В фольклорных записях В.И. Иохельсона, у Огня юкагиры просили, в частности, спасти их от смерти [Иохельсон, 2005б, с.207], послать хорошее, отворотить беду [Там же, с.300].

Воззрения на Огонь как на добродетельное божество, к которому обращаются не только с конкретными просьбами, например, послать охотничью удачу, но и с общими, затрагивающими жизненные интересы всех людей, сохраняются в наше время в среде носителей традиционной культуры. В словесных обращениях, как и в старину, под адресатом текстов подразумевается непосредственно божество Огня:

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-14-14005а/Т «Фольклор и язык лесных юкагиров в XXI в.».

«Лосил-эмэй, мэт тэтин чаашэт лэгүлэк кэйну-мэ, тинг лэгүл лэк. Тинг лэбиэгэ чистэ чумут шоромопул омось модониккэн, омось эйрэнгиккэн, титтэл уөрпэ йодониккэн, нимудьэ эрчоон эл аа. Мит тэтин идьии лэгүлэк кэйнуулэ, туөн лэк, кимдэши (Огонь-матушка, я тебе сейчас еды даю, эту еду ешь. На этой земле пусть все люди хорошо живут, хорошо ходят, их дети пусть играют, никогда плохое не случается. Я тебе сейчас еду даю, это ешь, пожалуйста)»¹; «Лосид-эпиэ, мит уөрпэнул, митул лэгитэк, мит нингэ нугэлэт (Огонь-бабушка, наших детей, нас накорми, наши души согрей)»².

Возможность испрашивания у Огня счастливой жизни в целом, по всей видимости, обусловлена, во-первых, верой юкагиров в то, что он как доброе божество принадлежит Верхнему миру — миру покровительствующих людям богов, во-вторых, тем, что Хозяина Огня считали охранителем семейного очага. Эти взгляды на Огонь находят отражение и в сегодняшних материалах. Согласно одному мифу, «небесный человек» огромного роста однажды спустился с неба, чтобы дать людям огонь³. В воспоминаниях старейшин указывается, что при рождении ребенка кормили огонь, прося у него здоровья и благополучия для нового члена семьи: «Таасилэ лочилэ лэгитэнэм, нэмдик льэльэл, табудэ. 'Чуму омось оогэн, мэт уө омогэн, чоммугэн' (Потом огонь покормили, чаем, что есть, этим. 'Пусть все хорошо будет, мой ребенок пусть будет хорошим, здоровым, пусть растет')»⁴.

В настоящее время среди юкагиров разного возраста, не владеющих родным языком, одними из основных назначений обряда кормления Огня остаются испрашивание успешного промысла, благодарение за удачную охоту, выражение почтения хозяевам охотничьих территорий. В качестве иллюстрации приведем сообщение А.Е. Солнцева (1946 г.р.): «Когда приезжаешь на охоту, первым делом, дядя говорил, надо обязательно кормить огонь. Что у тебя есть, ты должен этим поделиться с огнем. Обязательно у него была водка, говорил что-то. Что было у нас из продуктов, он понемножку

отдавал на огонь. Мы, современные люди, сейчас тоже, когда на охоту выезжаем, на водоплавающую птицу, если убьем сохатого, обязательно покормим огонь. Это у нас уже как сила привычки или традиции»⁵.

В современных условиях промысловый обряд кормления Огня функционирует, по всей видимости, в двух формах: как дань традиции и как аутентичное действие. Статус обряда зависит от того, как его воспринимает исполнитель. Как показывают материалы, для многих юкагиров этот обряд продолжает сохранять свою сакральную сущность: они верят, что несоблюдение традиции влечет за собой негативные последствия, среди местного населения бытуют различные охотничьи былички, которые повествуют как о событиях далекого и недавнего прошлого, так и настоящего.

Сегодня большинство охотников, совершая обряд кормления Огня, свои просьбы не озвучивают, однако желания проговариваются ими про себя или подразумеваются. Некоторые пожилые охотники признались нам, что, кормя Огонь, пытаются произносить отдельные фразы на родном языке (МА — материалы автора, 2011).

Что касается других обращений при кормлении Огня, то не менее часто к обряду прибегают для того, чтобы помянуть покойных родственников. Общение с духами предков через кормление Огня традиционно для юкагирской культуры. Например, Л.Н. Демина поделилась следующими воспоминаниями: «Мать понимала язык огня. Печку утром затопим, огонь делает длинный звук 'тынг', 'о, они кушать просят', курить и кушать бросала. 'Лэгдэник, хаа-хаа тампэ, Хосин тампэ (Кушайте, родственники со стороны дедушки, со стороны мамы Хосин)'»⁶. В наши дни обряд кормления Огня с целью поминовения родных проводится как без слов, так и со словами, но обычно их говорят про себя. Так, одна женщина сказала, что, когда она кормит Огонь, мысленно просит души предков и умерших родственников принять пищу, «чтобы они там оберегали нас и знали, что мы помним о них» (МА, 2012).

¹ Записано от М.И. Турпановой (1938 г.р.) в 2007 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). Далее указывается только название населенного пункта.

² Записано от Л.Н. Деминой (1950 г.р.) в 2012 г. в г. Якутске. Обращение слышала от своей матери Е.Н. Дьячковой (1914 г.р.).

³ Записано от А.В. Слепцовой (1930 г.р.) в 2000 г. в с. Нелемное.

⁴ Записано от А.В. Слепцовой в 2007 г. в с. Нелемное.

⁵ Записано в 2011 г. в с. Нелемное.

⁶ Записано от Л.Н. Деминой в 2012 г. в г. Якутске.

В обрядовой практике лесных юкагиrow посредством кормления Огня реализуются еще обращения к духу Земли — одному из главных божеств их языческого пантеона. Из словесных формул к Земле, записанных от старожилow, очевидно, что в этом обряде у нее просили послать добычу, еду: «*Лэбиэд-эмэй, мит кэсиили, митин угуйэ шаар кэйк, лэгутэйбэн* (Земля-мать, мы приехали, подай нам завтра что-нибудь, то, что нам будет едой)»¹; «Когда в лес идем, мама, люди, огонь разожгут, в огонь бросают, чтобы река рыбу давала, земля мясом кормила, чтобы солнце грело»².

В мифологической картине мира юкагиrow дух Земли соотносится как с материнским, так и с отцовским началом. Параллельно с женским образом Земли, который свойственен преимущественно миропониманию носителей традиционной культуры (как правило, это люди старшего поколения), функционирует антропоморфный мужской образ *Лэбиэн Погиль* (Хозяин Земли), по времени, вероятно, сложившийся позднее культа Матери Земли, но генетически и семантически связанный с ним. Среди современных юкагиrow преобладает вера в Хозяина Земли (Тайги) — покровителя охоты, охранителя животных. Этому божеству посвящены сегодняшние обряды кормления Огня, проводимые в рамках промысловой деятельности.

Через кормление Огня осуществляется также связь с благодетельными духами вообще: в огонь бросают еду с тем, «чтобы они приняли ее и поделились с нами своим богатством, дали силу от родной земли живущим на ней» (МА, 2012). Возможно, эта недифференцированность духов является результатом трансформации традиционных представлений. Как известно, вследствие разрушения древней мифологической модели мира многие ее элементы либо утратились, либо подверглись изменениям, и, как свидетельствуют современные юкагирские материалы, продолжают претерпевать их. Тем не менее, модифицированные обряды (в конкретном случае это видоизменение обнаруживается в неперсонифицированности адресата) по сути заключают начальную ключевую идею и так же, как и раньше, предполагают словесное выражение, что вкупе с действием призвано воздействовать на окружающую действительность.

Как было сказано выше, при обряде кормления Огня произносили, в том числе молитвы к духу Земли. Обращаться к этому доброму божеству можно было и при других обстоятельствах. По рассказу Л.Н. Деминой, ее мать каждой весной ходила к местам, где когда-то произошли трагические случаи, и бросала там копейки со словами: «*Лэбиэд-эмэй, тэт лэбиэ будиэ мит уэрпэнул, митул омось эйрэш* (Земля-мать, на твоей земле наших детей и нас хорошо води». Это делалось для того, чтобы «ничего плохого не случилось»³. Сейчас некоторые юкагиры, большей частью женщины, делают подношения духам в лесу, но, полагаем, обычай восходит к традиции одаривать Землю: «я всегда что-нибудь в лес ношу», «беру в лес конфеты, сушеную рыбу, хлеб, бросаю на землю, когда ягоды собираю, ягоду бросаю. Если ягода просыпается на землю, то ее не поднимаешь, так как это земля просит у тебя» (МА, 2011, 2012). Обращения, которые при этом произносятся про себя, нередко посвящены самой Земле: «Мы делимся с тобой угощением, благослови нас, живущих на этой земле» (МА, 2012). Существование в наше время подобных обычаев доказывает сохранность отдельных отличительных черт самобытных верований юкагиrow, в частности, представлений о Земле как о сильном духе, благоволящем к людям.

Одной из самых почитаемых и ныне лесными юкагирами стихий природы является Вода. Специфика образа жизни верхнеколымских юкагиrow в прошлом тесно связана с передвижением по водным маршрутам, рыболовным хозяйством. По В.И. Иохельсону, юкагиры уважительно называли Воду матушкой, обращались к ней с просьбой позаботиться об их безопасности, дать еду, преподносили рекам дары в виде бисера, крови оленя [Иохельсон, 2005б, с. 300].

Современные юкагиры хорошо помнят о том, что для их родителей и старших сородичей подношение подарков Воде было обязательным обрядовым действием. Обычай неукоснительно соблюдался во время реколома: «Когда на реке ледоход, люди туда идут, бисер, копейки бросают, чтобы лед хорошо прошел, чтобы заторов не было»⁴; «Мама бросала монеты в речку, когда она стоит, чтобы ей легко было. Тогда лед потихоньку и легко уйдет. Говорили

¹ Записано от Н.М. Лихачева (1916?) в 2007 г. в с.Нелемное.

² Записано от Л.Н. Деминой в 2012 г. в г. Якутске.

³ Записано от Л.Н. Деминой в 2012 г. в г. Якутске.

⁴ Записано от Д.П. Борисовой (1946 г.р.) в 2011 г. в п. Сеймчан Среднеканского района Магаданской области.

реке ‘чтобы нашим детям было хорошо’, ‘омось эйрэш (хорошо нас води)’¹. Воде дарили гостинцы и когда ехали по реке. К примеру, вспоминающая юкагирку с реки Коркодон О.Д. Солнцева, А.С. Шохин (1954 г.р.) поведал, что она всегда бросала что-то в воду в качестве подарка: «У нее в сумочке мелочь всякая была, бусинки, может, обрезки ткани» [Прокопьева и др., 2011, с. 48]. Юкагиры в любое время приносили дары рекам в местах, где жили постоянно, или на родовых угодьях: «Мама в реку бисер бросала, мелкие цветы-ромашки или монетки. Монетки, говорит, это монисто. Бисер как украшение. Маленькие веночки из ромашек – это тоже дар девочкам². Она всегда говорила, чтобы река не им (взрослым), а нам, ее детям, дала благополучие, чтобы все было спокойно, чтобы еда была», «кормили реку на родовой территории, когда ехали вверх»³.

Собранные в последние годы от старейшин обращения к Воде свидетельствуют, что, несмотря на произвольную форму просьб, им присуще наличие устойчивых формул. Сравните фольклорный образец В.И. Иохельсона и современные тексты: «Вода-мать, нам еды давай. На своей поверхности нас хорошо води. Это для твоих ребят игрушки возьми» [Иохельсон, 2005а, текст № 44] и «*Оожиид-эмэй, митул омось эйрэш, мит уөрпэ омось эйрэниккэн, оожиигэ омось эйрэниккэн. Мэт тэтин лэгулэк кэйнумэ, бисерэ. Тэтин моннуйэ, мит уөрпэ эксильэ, лодкалэ омось эйрэниккэн. Оожиигэ нимудэ эрчоон өйльэгэн* (Вода-мать, нас хорошо води. Я тебе приношу бисер, разное. Тебе говорю, наши дети на ветках, лодках пусть хорошо ездят. На воде никогда плохое пусть не случается)»⁴, «*Унун-эмэй, тэт уөрпээнгин йоодийэноон мин, митул лэгитэк, омось эйрэш, анил нингоо льэгэн монут* (Река-мать, своим детям в качестве игрушек прими, нас корми, хорошо води, чтобы рыбы много было)»⁵. В структуре обращений к водной стихии выделяются такие повторы, как просьбы принять дары для себя и своих детей, безопасно водить по своим водам, давать еду.

Как видно, в текстах обращений нашли отражение древние представления о том, что Вода (Река) имеет детей, которых тоже нужно одаривать. Эти воззрения, по-видимому, имели живое бытование и в не столь отдаленное время. Так, А.В. Слепцова рассказала нам, что в пору создания колхозов, когда активно проводилась атеистическая работа, ее отец, не пожелав уничтожить икону, подарил ее речке, «чтобы играли ее дети»⁶. Поскольку обращения к Воде с просьбой взять подарки для детей записаны в современное время только от старейшин, можно предположить, что эти взгляды характерны лишь для носителей юкагирской культуры.

В настоящее время юкагиры, как и прежде, задабривают реку, бросая в нее монеты или еду. По сообщениям наших информантов, дары приносят в местах, где живут сами, где проживали их родители и предки. Реку обязательно одаривают, когда путешествуют по воде⁷. Обряд одаривания неизменно сопровождается словами, которые, как правило, произносят про себя: «чтобы река была добрая к людям, не приносила горя родным и неродным людям», «я обращаюсь ‘реченька’, про себя ласкаю» (МА, 2011, 2012).

Как следует из современных данных, не все сегменты мифологической картины мира юкагиров сохранились. Сегодня юкагиры не обращаются к таким добродетельным божествам, как Солнце и Небо, тогда как до недавнего времени это делали старейшины, знатоки родной культуры. Несмотря на это, те обряды, что еще проводятся сейчас, функционально близки прежним, известным из этнографической литературы, и включают тексты, по назначению мало отличающиеся от последних.

Если в прошлом, судя по трудам В.И. Иохельсона, молитвы к благожелательным божествам, могли пропеваться (некоторые такого рода фольклорные тексты помещены им под названием «шаманские песни»), то в наши дни используются исключительно словесные обращения. К слову, можно отметить, что указания на мелодическое оформление просьб содержатся и в нынешних материалах. В 2007 г. старо-

¹ Записано от Н.Ф. Маликовой (1940 г.р.) в п. Зырянка Верхнеколымского улуса республики Саха (Якутия).

² Имеются в виду дети Реки.

³ Записано от М.С. Громовой (1957 г.р.) в 2011 г. в с. Нелемное.

⁴ Записано от М.И. Турпановой (1938 г.р.) в 2007 г. в с. Нелемное.

⁵ Записано от Л.Н. Деминой в 2012 г. в г. Якутске. Обращение слышала от своей матери Е.Н. Дьячковой.

⁶ Записано от А.В. Слепцовой в 2003 г. в с. Нелемное.

⁷ Записано от М.С. Громовой, Г.И. Филатовой (1956 г.р.), А.И. Дьячковой (1948 г.р.) в 2011 г. в с. Нелемное.

жил Н.М. Лихачев сообщил нам, что некогда и мужчины, и женщины пели песню старинных людей, благодаря которой охотники «пустыми никогда не возвращались, то медведь, то сохатый как будто там (в лесу) привязанные, быстро их убивают»¹. Современные тексты обращений, хотя и проговариваются на русском языке, сходны со старинными как по смыслу, так и композиционно: в них вычленяются две основные части — это просьба принять дар и собственно просьба исполнителя обряда.

В XXI в. среди лесных юкагиrow, помимо веры в духов природных сил, продуцируются также другие верования. Например, одним из распространенных охотничьих обрядов остается обряд захоронения медведя. Согласно В.И. Иохельсону, у юкагиrow существовали культы крупных животных тайги — медведя и лося. Добыв медведя, его погребали по-особому — на помосте, и во избежание гнева со стороны животного выставляли виновником смерти лося: «Э, большой человек! Кто так сделал? Тальником питающийся (лось) это был, тальником питающийся это был» [Иохельсон, 2005а, текст № 49]. В новое время ритуальное погребение медведя совершали юкагиры пожилого возраста. Они устанавливали череп животного на возвышении (иногда на лабазе) с ориентацией на восток, завязывали пасть, просили у медведя прощение, говорили, что это не они убили его². Обращает внимание, что при захоронении животного старшие добытчики произносили над ним речь на русском, для окружающих, и юкагирском языках. Очевидно, что таким образом наставники демонстрировали молодым охотникам необходимость проведения обряда так, как это принято. По словам свидетелей обряда, при случае они проведут его аналогичным способом и скажут те же самые слова (МА, 2012).

Для пожилых юкагиrow, как и более века назад, естественна молитва к старому дереву — символу предков. Просьба «*Лигэл шаалтэгэ, митин тэт хамизэк* (Старое дерево, нам ты помоги)» [Прокопьева, 2009, с. 97] напоминает обращение, записанное В.И. Иохельсоном: «*Шан-хаха, митин омоч чундэк* (Дерево-дедушка о нас хорошо думай)» [Иохельсон, 2005а, № 47]. Известно, что юкагиры почитали дере-

вья: преклонение перед деревьями было связано с памятью о предках-шаманах; дерево само соотносилось с предком; внешнее сходство с деревьями имели изображения людей в пиктографических письмах; дерево, которому были приданы антропоморфные очертания, символизировало конкретного человека; дерево вообще являлось частью «живого», одушевленного и одухотворенного мира [Прокопьева, 2009, с. 96]. Эти воззрения неразрывно связаны с основополагающей идеей традиционной культуры о круговороте жизни, ее цикличности.

Представления о деревьях как олицетворении предков, сородичей бытуют и среди юкагиrow, не принадлежащих к поколению носителей родного языка и культуры. Некоторые люди верят в помощь в трудную минуту *шаан шотхаткиэ*³, или шаман-дерева, считают, что нужно привязывать ленты на определенные деревья, например, березу, которая, по преданию, является девушкой, ожидающей с охоты своего парня (МА, 2011).

В настоящем многое из обрядового фольклора лесных юкагиrow исчезает с уходом последних знатоков этнической культуры. Так, только хранители народных традиций напутствовали словами «*омось эйрэк* (хорошо ходи)», «*Лэбиэд-эмэй тэткэлэ омось эйрэшкэн* (пусть Земля-мать тебя хорошо носит)» (МА, 2002, 2012). Эти лаконичные благопожелания несут в себе широкий смысл. «Эйрэк (ходи)» имеет здесь еще значение «живи», так как в мировидении юкагира жизнь — это дороги и кочевки. В тексте актуализируется пожелание быть под защитой Земли, потому что с точки зрения юкагирской культуры для человека, особенно того, кто находится в пути, крайне важно покровительство этого божества.

От старейшин также были собраны сведения, которые могут быть интерпретированы в контексте обрядового фольклора. В частности, представляет интерес то, как юкагиры воспринимали божью коровку *чэкчиль эпизэ*, чье название в переводе на русский обозначает «бабушка-мастерица». Мастерницей насекомое называли за красивый наряд: «подразумевалось, что она красиво пальтишко сшила»⁴. В цветовой гамме и графике внешнего вида божьей коровки, дей-

¹ Записано в с. Нелемное.

² Записано от А.В. Слепцовой в 2000 г., Г.В. Шалугина в 2002 г., Ф.В. Кирдун (1957 г.р.) и В.Г. Шалугина (1964 г.р.) в 2012 г. в с. Нелемное.

³ Перевод не известен, шаан обозначает «деревянный; (чего? чей?) дерева». В юкагирско-русском словаре И.А. Николаевой и В.Г. Шалугина есть слово шаан шоххо «дерево (высокое с круглой макушкой)» [Николаева И.А., Шалугин В.Г., 2002, с. 85].

⁴ Записано от Л.Н. Деминой в 2012 г. в г. Якутске.

ствительно, усматривается сходство с юкагирским национальным костюмом, в котором предпочтение отдается красному цвету и кружковому орнаменту. По поверью юкагиров, божья коровка может передать девушке свое искусство в шитье, если взять ее на ладонь и попросить об этом: «*Тудин монтойок 'тэт чэкчиль мэтин кэйк!'*, *тудэл пиэриилэ таат угутэйм, тэтин тудэ чэкчильгэлэ кэйтэм, омось индиэтчэк* (Ей скажешь 'дай мне свое мастерство!', она крылышки так расправит, тебе свое мастерство передаст, хорошо будешь шить»¹. В юкагирском обществе умение шить высоко ценилось в женщине. В.И. Иохельсон писал, что если родился мальчик, то к узлу из оленьей шкуры, в который была завернута плацента, прикрепляли игрушечный лук, стрелы, деревянный нож и кусочки меха, чтобы он стал хорошим охотником, если же появлялась девочка, то привязывали деревянный женский нож, наперсток и иголку для того, чтобы она стала искусной мастерицей [Иохельсон, 2005б, с. 304]. Вероятно, испрашивание мастерства у божьей коровки первоначально имело магический подтекст, так как преследовало цель — достичь желаемого результата путем обращения к мифическому обладателю того, о чем просишь; в последующем же прошение могло приобрести развлекательную функцию.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В начале XXI в. носителями традиционных знаний юкагиров, в том числе обрядового фольклора, выступают преимущественно старейшины, носители родного языка и культуры. От людей старшего поколения записаны на юкагирском языке обращения к силам природы и природным объектам — Огню, Земле, Воде, Дереву и др., которые структурно и семантически равны молитвам, впервые зафиксированным у лесных юкагиров более ста лет назад.

Среди лесных юкагиров разных возрастных групп продолжают функционировать обряды, связанные с промысловой деятельностью, такие

как обряды кормления Огня, одаривания Воды, захоронения медведя. Обрядовым действиям по традиции сопутствуют словесные обращения, которые сегодня зачастую произносят про себя.

В современной обрядовой практике юкагиров наблюдаются явления трансформационного порядка, обусловленные прежде всего изменениями социально-культурных условий. Трансформация традиционных представлений обнаруживает себя в неконкретизированности получателя обрядовой информации, утрате подлинного смысла обрядов (как, например, при кормлении Огня).

Как показывают нынешние материалы, отдельные обряды юкагиров перестали существовать. В настоящее время у юкагиров не записаны просьбы к Солнцу, Небу, Хозяину Дома и др., бытовавшие в далеком и недавнем прошлом.

В целом, особенности функционирования обрядового фольклора лесных юкагиров в наши дни предопределены бытованием их традиционных занятий. Востребованность исконных промыслов обуславливает сбережение в сознании наследников юкагирской культуры элементов древнего мировосприятия предков.

ЛИТЕРАТУРА

Жукова Л.Н. Религия юкагиров. Языческий пантеон: Учебное пособие. — Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. — 90 с.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. — Якутск: Бичик, 2005а. — 272 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. — Новосибирск: — Наука, 2005б. — 675 с.

Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский. — СПб.: Дрофа, 2002. — 224 с.

Прокопьева П.Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. — Новосибирск: Наука, 2009. — 143 с.

Прокопьева П.Е., Шадрин В.И., Прокопьева А.Е. Коркодонские юкагиры в начале XXI в. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2011. — № 1(2). — С. 41–49.

P.E. Prokopieva

Ritual folklore of the Forest Yukaghirs in the 21st century

The article analyzes materials on the ritual folklore of the Forest Yukaghirs collected in the 21st century. The main conclusion is that the specifics of the functioning of the ritual folklore of Yukaghirs nowadays are conditioned by the prevailing of their traditional activities - hunting and fishing. In the ritual practice of modern Yukaghirs one can trace traditions as well as innovative phenomena.

Keywords: Forest Yukaghirs, modern ritual folklore, specifics of functioning, tradition, transformation.

³ Записано от Е.Н. Дьячковой (1914 г.р.) в 2005 г. в п. Зырянка Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия).

ЮБИЛЯРЫ

К 125-летию со дня рождения Г.А. Попова

Историк, педагог, общественный деятель

Григорий Андреевич Попов (1887–1942) родился в Октемском наслеге Западно-Кангаласского улуса Якутского округа в семье священника. Род Поповых ведет свое начало от прибывшего из Великого Устюга священно-

служителя Василия Иннокентьевича Попова, основавшего в 1764 г. Сунтарскую Введенскую церковь.

В 1917 г. после окончания Казанской духовной академии Г.А. Попов преподавал в духовных и светских учебных заведениях г. Якутска. В 1920–1921 гг. он руководил работами по всестороннему научному изучению Якутской губернии, в 1922 г. — зав. научным отделом при Наркомате просвещения ЯАССР. Отдел выполнял задачи координации местной научно-исследовательской работы, обеспечивал развитие сети краеведческих учреждений и организаций, содействовал работе экспедиций. Г.А. Попов возглавил Якутское краевое географическое общество, по инициативе которого в школах повышенного типа было введено преподавание нового предмета — краеведения. Будучи одним из учредителей научно-исследовательского общества «Саха кэскилэ» (Будущее якутов) (1925) Г.А. Попов заведовал этнографической секцией.

В 1920–1930 гг. работал заведующим Якутским краеведческим музеем, преподавателем советско-партийной школы, научным сотрудником Центрального архива, Национальной

библиотеки, Общества изучения Якутской АССР, Якутского отделения Арктического института, Главного управления Северного морского пути (ГУСМП).

В 1935–1937 гг. Г.А. Попов заведовал сектором истории Научно-исследовательского института языка и культуры при СНК ЯАССР. Был одним из первых преподавателей высшей школы Якутии: в 1936–1937 гг. читал лекции по истории Якутии в пединституте. В числе студентов и слушателей были такие известные впоследствии деятели науки и искусств, как Г.П. Башарин, Д.К. Сивцев (Суорун Омоллоон), Г.Г. Макаров.

Г.А. Попов — автор многих научных работ, учебных пособий, статей по истории Якутии и города Якутска, этнографии, краеведению. Его активная научная, педагогическая и общественная деятельность, длившаяся почти 20 лет, являет собой пример бескорыстного служения отечественной науке.

В 1937 г. Г.А. Попов подвергся необоснованным репрессиям, лишен свободы, реабилитирован посмертно в 1956 г.

Основные опубликованные работы: «Очерки по истории Якутии» (1924 г.), учебное пособие «Якутский край» в 2-х частях (1926), «История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутского края» (2005), «История города Якутска» (2007), хрестоматийный сборник документов «Прошлое Якутии» (2009).

Л.Н. Жукова,
к.и.н., с.н.с. сектора палеоазиатской
филологии ИГиИПМНС СО РАН,

Е.П. Антонов,
к.и.н. завсектором истории
ИГиИПМНС СО РАН,

К 100-летию со дня рождения В.М. Наделяева

Выдающийся монголист-тюрколог

Выдающийся тюрколог, монголист, основатель сибирской фонологической школы, заслуженный деятель науки Туvinской АССР Владимир Михайлович Наделяев родился 14 августа 1912 г. в г. Хабаровске.

Интерес и любовь Владимира Михайловича к языкам народов Сибири проявились еще в то время, когда он, молодой учитель, обучал грамоте долганских детей на Таймыре. Им был создан первый рукописный букварь долганского языка и разработаны учебные пособия для учащихся и преподавателей.

В 1939 г. он поступил на тюркско-монгольское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета. По окончании в 1944 г. ЛГУ, он был принят в аспирантуру к академику С.А. Козину при только что открывшемся Восточном факультете и одновременно приступил к работе здесь же в должности ассистента. После окончания аспирантуры В.М. Наделяев продолжил работу на факультете, был переведен на должность старшего преподавателя монгольского языка на кафедре монгольской филологии. Всё это время он не прекращал заниматься тюркскими языками — посещал лекции и семинары по современным и древним тюркским языкам у профессора С.Е. Малова, обрабатывал картотеку «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского, накопленную составителем после издания его выпусков в 1907–1930 гг.

В том же году будущий сибиревед начал заниматься в лаборатории экспериментально-фонетических исследований под руководством акад. Л.В. Щербы, написал работу по фонетике и грамматике монгольского языка; совместно с монгольскими учеными провел экспериментально-фонетическое обследование звуко-

вых систем монгольских территориальных диалектов. Подготовил пособия и разработал лекционные курсы тувинского языка. С 1958 г. работал в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР. Он один из редакторов и составителей «Древнетюркского словаря» (Л., 1969).

В 1966 г. Владимира Михайловича пригласили в Институт филологии, философии и истории СО АН СССР, где он организовал лабораторию экспериментально-фонетических исследований.

Им были разработаны теоретические концепции и методологическая база изучения языков народов Сибири, которые легли в основу дальнейшего развития сибиреведческой научной лингвистической школы. Он воспитал более 150 лингвистов-сибиреведов. Под его руководством и по разработанной им методике были описаны фонетические особенности монгольских (бурятского, калмыцкого, монгольского), тюркских (алтайского, долганского, кумандинского, телеутского, шорского, тувинского, чалканского и якутского); самодийских (ненецкого, энецкого, нганасанского) и других языков Сибири.

Он создал фонологическую школу, объединившую ученых, работающих в научных институтах крупных городов Сибири.

В.М. Наделяевым были уточнены принципы научной классификации гласных и согласных звуков. Ныне многими фонетическими школами используются знаки транскрипционной системы Л.М. Щербы с уточнениями В.М. Наделяева. Владимиром Михайловичем была предложена новая трактовка вопросов теории фонемы, не получивших однозначного решения в отечественной и зарубежной фонологии. В ней в качестве основного критерия строго научной классификации звуков речи принимается последовательность и единство оснований для сравнения фонетических единиц. Были усовершенствованы принципы артикуляционной классификации гласных (используются векторный, а не координатный подход к анализу вокальных настроек) и согласных звуков (квалифицирование по активному и пассивному органам, а также по дополнительным артикуляциям), необходимые для адекватной и единообразной интерпретации фонетических явлений в языках мира.

В настоящее время в русле концепций и методологии В.М. Надеяева успешно изучаются различные аспекты сорока бесписьменных и младописьменных языков, диалектов и говоров Сибири и сопредельных регионов — тюркских, монгольских, тунгусоманьчжурских, самодийских, обско-угорских, енисейских и палеоазиатских.

Владимир Михайлович занимался проблемами истории языков народов Якутии. Им выдвинута гипотеза о киданьской монголизации якутского языка в XI–XII вв., о миграции эвенов как этноса из байкальско-енисейского региона на северо-восток и усвоении ими в ходе миграции нового для них тунгусоманьчжурского языка.

Под руководством Владимира Михайловича были подготовлены научные кадры Якутии: доктор филологических наук, профессор И.Е. Алексеев, кандидат филологических наук Т.Е. Андреева и др. Он консультировал исследователей из Якутии в процессе подготовки ими кандидатских и докторских диссертаций, редактировал монографии и словари якутоведов, тунгусоманьчжуроведов. «Диалектологический словарь якутского языка» был подготовлен при непосредственном участии В.М. Надеяева.

Теоретический семинар, который вел Владимир Михайлович среди аспирантов и ученых в 70–80 гг. XX в. в Институте филологии, философии, истории СО АН СССР, оказал

благодарное влияние на развитие и формирование под руководством М.И. Черемисиной нового синтаксического направления в сибиреведении — изучения сложного предложения в языках разной типологии на основе методики структурно-семантического моделирования. Благодаря этой методике, были системно освещены многие актуальные вопросы синтаксического строя якутского языка (в частности, способы выражения сравнения, модели сложноподчиненных предложений и др.).

Таким образом, Владимир Михайлович внес большой вклад в изучение якутской фонологии, синтаксиса, диалектологии, вопросов происхождения языка саха, а также в экспериментально-фонетическое исследование говоров эвенкийского языка.

В настоящее время якутские ученые продолжают и развивают дальнейшее сотрудничество с новосибирской лингвистической сибиреведческой научной школой, у истоков которой стоял выдающийся тюрколог, монголист, просветитель народов Сибири Владимир Михайлович Надеяев.

*И.Я. Селютин,
д.ф.н., проф., г.н.с. ИФ СО РАН,*

*Т.Е. Андреева,
к.ф.н., замдиректора ИГиПМНС СО РАН,*

*Н.Н. Ефремов,
д.ф.н., г.н.с. сектора грамматики и диалектологии
якутского языка ИГиПМНС СО РАН*

К 100-летию со дня рождения Г.П. Башарина

Благодарность Учителю

После окончания университета в 1967 г. Мне посчастливилось работать в одном коллективе с Георгием Прокопьевичем Башариным. Впервые я увидела профессора, когда поступила на историко-филологический фа-

культет ЯГУ (1962–1967). В те годы он был деканом факультета. Мы, студенты, сразу попали в атмосферу дружного, сплоченного коллектива, постоянно ощущая чуткое, благожелательное отношение наших преподавателей. Мы принимали активное участие в общественной жизни факультета и университета. Примером для нас были наши преподаватели и, в первую очередь, профессор Башарин. Он всегда был в гуще жизни коллектива, первым приходил на субботники и демонстрации.

Георгий Прокопьевич был внимателен к молодым преподавателям, помогая в трудных ситуациях. Он поддержал и выступил с рекомендацией, когда меня принимали в партию. Порой в коллективе сглаживалась сложная ситуа-

ция. Так было в 1986 г., когда студентов ЯГУ обвинили в националистических проявлениях. Приезжала комиссия из ЦК КПСС с проверкой благонадежности коллектива. Георгий Прокопьевич принципиально отстаивал честь коллектива университета, не щадя себя.

Таким он был всегда, бескомпромиссный и честный, выступая на общих собраниях по самым острым вопросам. Речь Георгия Прокопьевича отличалась аргументированностью и логикой, страстью и умением убеждать.

Такую же принципиальность и стойкость ученый еще показал, защищая наследие основоположников якутской литературы: А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева. Профессор Башарин был не только известным учёным-историком, но и исследователем универсального гуманитарного профиля. Его отмечал углубленный интерес к вопросам истории якутской литературы.

В разгар тоталитаризма, в 1944 г., издав книгу «Три якутских реалиста-просветителя: (Из истории общественной мысли дореволюционной Якутии)», он, молодой тогда ученый, смело поднял свой голос за восстановление объективного, подлинно научного отношения к художественному наследию основоположников якутской литературы.

Анализируя творчество дореволюционных якутских писателей, ученый характеризовал их как основоположников якутской литературы и пришел к выводу, что их наследие является глубоко прогрессивным, подлинно народным, высокохудожественным.

Ведя полемику с ниспровергателями литературного наследия, автор книги утверждал, что главный вопрос, который волновал писателей-просветителей, это вопрос о судьбах родного народа, именно в этом он видел объективное значение их литературного наследия, «сокровищницы благородных чувств, свободолюбия, демократической, прогрессивной идеи, культурного богатства якутского народа» [Башарин, с. 140].

Таким образом, Г.П. Башариным была выработана методологическая основа рассмотрения творчества основоположников якутской литературы, его работа открывала перспективы дальнейшего теоретического изучения истории якутской литературы.

Но, как известно, в ситуации 40-х годов прошлого века книга оказалась в центре дискуссий, получив противоречивую оценку. Вновь, как в 30-е гг., выдвигаются обвинения в пережитках буржуазной идеологии, национализма. Лишь в новых исторических условиях, в 1994 г., книга была переиздана и получила объективную оценку научной и творческой общественности.

Как отмечал Г. Куницын, «эта книга — научный подвиг». Современные исследователи расценивают труд Г.П. Башарина как «научное открытие, положившее начало целому направлению общественной мысли Якутии». Народный писатель Якутии В.С. Яковлев—Далан отметил: «Книга Г.П. Башарина нашла свое настоящее место в истории якутской литературы» [Материалы, с. 19].

Таким образом, и в науке, и в общественно-педагогической деятельности профессор Г.П. Башарин оставался верен своим принципам и идеалам.

Не могу не вспомнить с особенным уважением верного друга жизни Г.П. башарина Кыдану Ивановну Платонову. Работая вместе в партбюро, я не раз убеждалась в объективности и бескомпромиссности Кыдааны Ивановны, в ее по-матерински добром и чутком отношении к студентам в те трудные дни. Как старший товарищ, она помогала молодым коллегам.

Я благодарна судьбе, что мне посчастливилось работать с такими преданными своему делу учеными-патриотами, как Кыдаана Ивановна Платонова и Георгий Прокопьевич Башарин. Якутский народ никогда не забудет их имена.

ЛИТЕРАТУРА

Башарин Г.П. Три якутских реалиста-просветителя: (Из истории общественной мысли дореволюционной Якутии). — Якутск, 1994.

Материалы презентации книги проф. Г.П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя». — Якутск, 1995.

А.Н. Мыреева,
д.ф.н., с.н.с. сектора литературоведения
ИГИИПМНС СО РАН

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н.В. Павлова

I Алексеевские чтения «Этнография, фольклористика и религиоведение Сибири и сопредельных регионов»

26 апреля 2012 г. в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН впервые прошли I Алексеевские чтения «Этнография, фольклористика и религиоведение Сибири и сопредельных регионов», посвященные памяти выдающегося этнографа, фольклориста Николая Алексеевича Алексеева.

Николай Алексеевич известен как исследователь религиозных верований, фольклора, этнографии народов Сибири и Дальнего Востока. Им написаны 100 научных трудов, в том числе пять монографий. Его работы были изданы во Франции, Германии, США, Югославии и Турции. В 2008 г. в серии «Избранные труды СО РАН» были изданы его научные работы по шаманизму, этнографии и фольклору народов Сибири. Н.А.Алексеев провел огромную работу по изданию 60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Еще одна сторона личности Н.А. Алексеева проявилась в таланте научного наставника. Им подготовлены высококвалифицированные специалисты, профессиональные интересы которых направлены на изучение разных аспектов традиционной культуры аборигенных народов Сибири. Признанием его трудов явилось присуждение ему высокого звания «Заслуженный деятель науки России» в 1997 г. и Государственной премии РФ в области науки и техники в 2002 г.

В I Алексеевских чтениях в качестве гостя выступила почетный директор Кельнского института этнологии Улла Йохансен.

В работе Чтений приняли очное и заочное участие 54 российских исследователя и преподавателя: Бурятского государственного университета, Института археологии и этнографии

СО РАН, Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Арктического государственного института искусств и культуры, Академии наук Республики Саха (Якутия), Музея музыки и фольклора Республики Саха (Якутия), Республиканского лицея-интерната Улахан-Чистайской СОШ им. Н.С. Тарабукина Момского района. Большой интерес вызвала презентация экспозиции, посвященной Н.А. Алексееву, директору ИГИИПМНС СО РАН (2007–2010 гг.), организованная музеем истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина. Кроме того, библиотекой ИГИИПМНС СО РАН была подготовлена книжная выставка «Научное наследие Николая Алексеевича Алексеева».

Гостей и участников I Алексеевских чтений приветствовал директор ИГИИПМНС СО РАН, д.и.н., профессор А.Н. Алексеев. Он подчеркнул особую роль и значение научного наследия Н.А. Алексеева в развитии изучения фольклора и этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, а также поблагодарил почетного директора Кельнского института этнологии, д.и.н., профессора Уллу Йохансен за то, что по ее инициативе Германская служба академических обменов для молодых исследователей истории, этнографии и культуры народов Якутии учредила стипендию имени Уллы Йохансен, презентация которой состоялась 24 апреля 2012 г. в РЦК им. А.Е. Кулаковского.

На пленарном заседании было заслушано 7 докладов. Заседание открылось докладом д.и.н., профессора СВФУ им. М.К. Аммосова, вице-президента АН РС(Я) А.И. Гоголева «Вклад

Приветственное слово директора ИГИИПМНС СО РАН д.и.н., проф. А.Н.Алексеева
Сидят: слева направо: к.и.н., доцент СВФУ им. М. Аммосова С.И.Петрова;
чл.-корр. РАН, д.г-м.н. А.Ф.Сафронов; почетный директор Кельнского института этнологии,
доктор этнографии, проф. Улла Йохансен; д.и.н., в.н.с. Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая В.И.Харитонов

Н.А. Алексеева в изучение религиозных верований тюркоязычных народов Сибири». Актуальные вопросы якутской фольклористики в свете идей и теоретических положений Н.А. Алексеева были рассмотрены в докладе известного якутского фольклориста, д.ф.н., профессора СВФУ им. М.К. Аммосова, главного научного сотрудника сектора якутского фольклора ИГИИПМНС СО РАН В.В. Илларионова. Религиозно-мифологические параллели якутов и приамурских народов стали предметом доклада д.и.н., профессора, завсектором археологии ИГИИПМНС СО РАН Р.И. Бравинной. В докладе д.и.н., ведущего научного сотрудника Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН В.И. Харитоновой «Этномедицина в контексте медицинской антропологии: методологические основы и вопросы методики полевых исследований» были затронуты актуальные проблемы медицинской антропологии и вопросы методики полевых исследований. Итоги и перспективы развития этнографической науки в Якутии были освещены в докладе д.и.н., завсектором этнографии народов Северо-Востока России ИГИИПМНС СО РАН Е.Н. Романовой «Этно-

графическая наука в Якутии: итоги и перспективы развития». Значительный интерес участников Чтений привлек доклад к.и.н., доцента СВФУ им. М.К. Аммосова С.И. Петровой «Непальский дневник Н.А. Алексеева».

В рамках I Алексеевских чтений работали две секции: «Фольклор и этнография народов Сибири и Дальнего Востока: вопросы теории и практики»; «Традиционная культура народов Сибири в современном мире», на которых был обсужден целый ряд вопросов, связанных с изучением и сохранением духовных и культурных ценностей народов Сибири и Дальнего Востока, в том числе по фольклорному наследию, религиозным верованиям и традиционной культуре, по современному состоянию и перспективам развития научных исследований в области истории, этнографии, лингвистики, фольклористики и искусствоведения, а также проблемы архивации фольклорных материалов. В завершение были подведены итоги и приняты рекомендации.

В будущем году Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН к 75-летию ученого планирует провести крупную научную конференцию.

Е.П. Антонов

**Научно-практическая межрегиональная конференция
«Роль Якутии в освоении Дальнего Востока»,
посвященная 380-летию вхождения Якутии в состав
Российского государства**

В рамках Дней Республики Саха (Якутия) в Хабаровске 12 сентября 2012 г. состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Роль Якутии в освоении Дальнего Востока», посвященная 380-летию вхождения Ленского края в состав России. Мероприятие было организовано Госкомитетом РС(Я) по инновационной политике и науке, Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН и Северо-Восточным федеральным университетом им. М.К. Аммосова. Пленарное заседание и работа круглых столов состоялись в Доме официальных приемов правительства Хабаровского края.

К работе конференции были привлечены представители органов государственной и законодательной власти, научных и деловых кругов субъектов Дальневосточного федерального округа и стран АТР. Доклады и выступления были посвящены проблемам социально-экономического и культурного развития, многогранному процессу цивилизационного освоения территории и взаимодействия дальневосточных народов.

Вице-губернатор Хабаровского края С.В. Щетнев в приветственном слове заявил, что Хабаровский край является крупнейшим потребителем угля на Дальнем Востоке, 38% которого обеспечивают поставки из Якутии. Он подчеркнул роль Якутии в развитии Дальнего Востока и реализации межрегионального сотрудничества: «Добрососедство в экономическом и культурном взаимодействии дает нам возможность развивать сотрудничество как во многих отраслях экономики — транспорте, промышленности, энергетическом секторе, так и в культуре и науке».

Директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН А.Н. Алексеев в докладе «Якутия в контексте истории российского Дальнего Востока» дал оценку деятельности первопроходцев, раскрыл вклад якутского народа в хо-

зяйственное освоение Дальнего Востока, Камчатки, Чукотки и северных районов Хабаровского края. Главный ученый секретарь ДВО РАН, член-корреспондент РАН А.А. Буренин отметил в своей речи тесное и плодотворное сотрудничество с Якутским научным центром СО РАН. Вниманию участников был представлен доклад директора филиала федерального государственного образовательного учреждения «Российская академия народного хозяйства и государственной службы» (г. Хабаровск) Н.М. Горбунова «Проблемы экономического освоения Дальнего Востока: история и современность». Актуально прозвучал доклад заместителя директора Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН О.М. Рензина «Современная региональная политика: приоритеты и альтернативы».

Вслед за пленарным заседанием состоялись тематические круглые столы по следующим темам: «Исторический опыт освоения Дальнего Востока: история и современность» и «Проблемы межрегионального экономического сотрудничества в комплексном развитии Дальнего Востока». Заседания прошли на высоком научном уровне, каждое выступление горячо обсуждалось, происходили бурные дискуссии.

Основными направлениями в работе конференции стали: геополитическое значение Якутии в ходе продвижения России к берегам Тихого океана в XVII–XIX вв.; роль Якутии в экономическом, научном и культурном освоении Дальнего Востока; важнейшие географические открытия российских первопроходцев; опыт христианизации аборигенов; этнические процессы и взаимоотношения; перспективы комплексной интеграции дальневосточных регионов с АТР.

В рамках конференции работали выставки Национального архива РС(Я), Национальной библиотеки РС(Я), Якутского государственного объединенного краеведческого музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярослав-

Пленарное заседание конференции в Доме официальных приёмов
правительства Хабаровского края

лавского и проектов Госкомитета РС(Я) по инновационной политике и науке.

К конференции якутскими и дальневосточными историками при финансовой поддержке Правительства РС(Я) был опубликован исторический фотоальбом «Пути великих свершений. Значение Якутии в освоении Дальнего Востока» в двух томах (Владивосток, 2012). В данной работе исследователи Владивостока, Благовещенска и Магадана подчеркнули историческую роль Ленского края в походах «встреч солнцу» и впервые объективно оценили роль Якутии в освоении Дальнего Востока.

Итогом конференции стали рекомендации, в которых предлагается подготовить проект соглашения о сотрудничестве с целью реализации «Стратегии комплексного освоения ресурсов и запасов газа Восточной Сибири», интегрировать деятельность ведущих научных центров Дальнего Востока, разработать элективный курс и сайт по истории и культуре дальневосточных народов; организовать совместные экспедиции по маршрутам русских землепроходцев, с посещением памятников природы, истории и культуры региона.

Е.Н.Романова, Ж.В. Бурцева, Е.Г. Маклашова

**Всероссийская интердисциплинарная
научная конференция с международным участием
«Всадники Северной Азии и рождение этноса:
этногенез и этническая история саха»**

24–26 октября 2012 г. в г. Якутске состоялась Всероссийская интердисциплинарная научная конференция с международным участием «Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха», посвященная 125-летию Г.В.Ксенофонтова и 100-летию Л.Н.Гумилева. Конференция была организована Институтом гуманитарных ис-

следований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (далее ИГИиПМНС СО РАН) при поддержке и участии Правительства РС(Я), Государственного комитета по инновационной политике и науке РС(Я), Якутского научного центра СО РАН, Северо-Восточного федерального университета, ФГБУ Якутский научный центр комплексных медицинских

Директор ИГИИПМНС СО РАН, д.и.н., профессор А.Н. Алексеев открывает работу симпозиума «Древнее наследие Евразии: история, этнос, культура»

проблем СО РАМН. Впервые в организационной работе конференции приняли активное участие ведущие исследовательские центры России, такие, как Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российский комитет тюркологов.

Конференция направлена на комплексное обсуждение актуальных проблем истории, этногенеза, культуры и языков народов Северной Азии и развитие всестороннего сотрудничества между отечественными и зарубежными учеными. Примечательно, что дискуссия конференции развернулась вокруг идейного наследия Л.Н.Гумилёва и Г.В. Ксенофонтова, развивавших толерантные принципы евразийства. Предметом исследования якутского ученого Г.В. Ксенофонтова были этногенетическая история и этнокультурные процессы кочевых народов Сибири, связанные со сменой природно-географических условий и миграциями в различные периоды древней истории народа саха. Творчество Л.Н.Гумилева, 100-летие которого отмечает все мировое научное сообщество, открыло новый этап в постижении глубоких исторических закономерностей, этно- и культурогенеза народов Евразии. В этом контексте научные взгляды Г.В. Ксенофонтова не только

близки методологическим принципам Л.Н.Гумилева, но и в определенной степени предвосхитили историко-географическую теорию этногенеза петербургского ученого. Духовное наследие Льва Гумилева и Гавриила Ксенофонтова глубоко актуализировано в современных условиях региональной интеграции и глобализации и закономерно артикулировано в основе идеи проведения конференции.

Интердисциплинарные задачи и проблематика конференции привлекли внимание многих специалистов. Обсудить актуальные вопросы происхождения, становления и формирования якутского народа собрались этнографы, археологи, историки, филологи, антропологи, философы из разных регионов России и зарубежья. География участников весьма разнообразна: г. Санкт-Петербург, г. Москва, г. Абакан, г. Горно-Алтайск, г. Казань, г. Кызыл, г. Красноярск, г. Новосибирск, г. Улан-Удэ, г. Иркутск, г. Алма-Аты, г. Тарту, г. Якутск.

Впервые в Якутске на гуманитарной конференции с результатами своих исследований в области этнической генетики, теории формирования генетических портретов коренных народов Якутии выступили генетики из городов Красноярска, Новосибирска, Тарту и Якутска

(Якутский научный центр комплексных медицинских проблем СО РАН).

Работа конференции началась с открытия выставки «Г.В. Ксенофонтов: Роль северных номадов в осмыслении евразийского культурного пространства», которая была подготовлена сотрудниками музея академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГИиПМНС СО РАН и архива Якутского научного центра СО РАН. В музее также работали выставки «Вооружение и доспехи якутского воина-боотура» (материалы частных коллекций) и «Артефакты из глубины веков» (материалы археологических экспедиций).

На торжественном открытии конференции гостей и участников приветствовали председатель Госкомитета по инновационной политике и науке М.М. Трофимов, руководитель центра междисциплинарных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН Л.И. Миссонова, чл.-корр. РАЕН, заместитель председателя Якутского научного центра СО РАН, д.э.н. А.А. Пахомов, директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, д. и. н., профессор А.Н. Алексеев.

Особенный междисциплинарный характер конференции определил оригинальный формат мероприятия в виде симпозиумов: «Древнее наследие Евразии: история, этнос, культура», «Северные тюрки-саха в контексте культурного ландшафта Евразии», «Проблемы этногенеза и культурогенеза народа саха в исследованиях ИГИиПМНС СО РАН». Был рассмотрен широкий круг вопросов по теории этногенеза и становления ранних кочевых культур и цивилизаций Евразии. Особое внимание было уделено проблемам этногенеза и историческим этапам формирования народов Сибири, взаимодействию ландшафтной среды и этноса, значению магистральных и локальных культур в формировании и развитии этнических общностей Сибири, генетической истории народов Якутии, исторической лингвистике, реконструкции ранних мифологических и религиозных представлений народа саха, связанных с культурой кочевых народов Сибири и

Центральной Азии.

Участники конференции подчеркнули огромную значимость и плодотворность научных исследований Г.В. Ксенофонтова при разработке проблем этногенеза и ранней этнической истории для современной гуманитарной науки и выразили надежду на скорейшее введение в научный оборот богатейшего рукописного наследия Г.В. Ксенофонтова, хранящегося в Рукописном фонде ЯНЦ СО РАН.

В ходе научных мероприятий отмечено, что в трудах Л.Н. Гумилёва получили глубокое историческое осмысление идеи вековой общности, взаимосвязанности и единения евразийских народов, которые несут в себе дух толерантности, имеющий важное значение для укрепления межэтнического согласия и гражданского единства в стране.

Отмечая высокий уровень организации конференции, с целью дальнейшего развития исследований и концептуального решения поставленных в докладах задач, участники приняли резолюцию, в которой отразили свои рекомендации и предложения. Научное сообщество считает необходимым обратить особое внимание на сохранение научного наследия Г.В. Ксенофонтова. Одной из неотложных задач является введение в научно-исследовательский оборот рукописного фонда выдающегося якутского ученого. Новые идеи и концептуальные положения по этногенезу народа саха, новый архивный, полевой археологический, этнографический материал, результаты последних генетических исследований, представленные в докладах участников конференции, будут использованы Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН при разработке академической «Истории Якутии». Осознавая актуальность и важность междисциплинарных изысканий в области изучения этногенеза и ранних кочевых цивилизаций на евразийском пространстве, участники конференции сделали акцент на необходимости консолидации специалистов различных областей науки для выполнения интеграционных проектов.

Е.П. Антонов

**Республиканская научная конференция
«Становление научной интеллигенции Якутии»
(К 165-летию действительного члена ИРГО, фольклориста,
этнографа, палеонтолога, просветителя Н.С.Горохова)**

30 октября 2012 г. в конференц-зале Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН состоялась научная конференция «Становление научной интеллигенции Якутии», посвященная 165-летию действительного члена Императорского Русского географического общества, фольклориста, этнографа, палеонтолога, просветителя Никиты Семеновича Горохова.

Н.С. Горохов является первым представителем якутского народа, чьи научные труды публиковались с 1877 г. в Санкт-Петербурге и Иркутске. Он первый из якутян опубликовал образцы якутского фольклора, в том числе олонхо «Юрюнг—Уолан». Имя Н.С. Горохова получило всероссийскую и европейскую известность благодаря находке им в 1878 г. головы носорога, первого палеонтологического образца с полностью сохранившимися целостными тканями, которая была выставлена на Московской Антропологической выставке 1879 г. Впоследствии эта голова по просьбе президента Императорской РАН Ф.П. Литке была передана в Зоологический музей Академии наук, где и хранится поныне. Н.С. Горохов с 1873 г. оказывал всестороннюю меценатскую помощь Верхоянской народной школе. Распоряжением генерал-губернатора Восточной Сибири от 16 августа 1876 г. он был назначен почетным блюстителем Верхоянского народного училища.

В работе конференции приняли участие ученые ИГИиПМНС СО РАН, преподаватели и профессора СВФУ им. М.К. Аммосова, сотрудники ЯГОМИиКНС* им. Ем. Ярославского, Национального архива РС(Я), члены Русского географического общества, представители общественности республики, в частности, из Верхоянского района, а также ученые из Зоологического музея РАН, РГПУ** им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург), Калмыцкого института

гуманитарных исследований РАН (г. Элиста). На конференции выступило 28 человек с докладами и сообщениями по следующим основным направлениям: становление национальной интеллигенции Якутии; научная деятельность интеллигенции Якутии; научные экспедиции РАН и ИРГО на северо-востоке России; Якутский край как объект палеонтологических исследований; истоки якутской фольклористики; становление светского образования в Якутской области в последней четверти XIX — начале XX вв. Среди докладов можно отметить выступление директора Зоологического музея РАН из г. Санкт-Петербурга А.Н. Тихонова «Уникальная находка шерстистого носорога».

В итоге участники конференции приняли рекомендации Госкомитету РС (Я) по инновационной политике и науке, администрации Верхоянского района принять меры по увековечению памяти ученого и просветителя, организуя регулярные мероприятия (чтения, конференции и т.д.), посвященные Н.С. Горохову. Администрации Верхоянского района учредить именную стипендию учащимся и студентам Верхоянского улуса и установить бюст Н.С. Горохова в г. Верхоянске. Администрации г. Якутска и городской думе рассмотреть вопрос о присвоении одной из новых улиц г. Якутска имени Н.С. Горохова. Академии наук РС(Я), Якутскому отделению Русского географического общества, ИГИиПМНС СО РАН и СВФУ им. М.К. Аммосова подготовить и издать сборник материалов конференции, продолжить исследования жизни и деятельности Никиты Семеновича и подготовить и издать сборник архивных документов о жизни и научной деятельности Н.С. Горохова. Национальному архиву РС(Я) и ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского провести работу по выявлению доку-

* ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского — Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского.

** РГПУ им. А.И. Герцена — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

На пленарном заседании конференции

ментов и других свидетельств о жизни и деятельности Н.С. Горохова и создать постоянно действующую экспозицию в ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского, посвященную жизни и деятельности Н.С. Горохова.

В целом, данное мероприятие продолжило цикл конференций, посвященных известным личностям Якутии. Выступления по широко-

му кругу вопросов истории, фольклористики, этнографии и палеонтологии вызвали живое обсуждение. К конференции издательство СВФУ им. М.К. Аммосова опубликовало монографию д.и.н., проф., действительного члена РГО П.Л. Казаряна «Никита Семенович Горохов. Жизнь, дела, научное наследие» (Якутск, 2012 г. 262 с.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Иван Егорович — докт. филол., наук, проф. Института языков и культур народов Севера-Востока России СВФУ им. М. Аммосова, khomusujb@mail.ru

Андреева Тамара Егоровна — канд. филол. наук, замдиректора ИГИиПМНС СО РАН, taan2001@mail.ru

Антонов Егор Петрович — канд. ист. наук, завсектором истории Якутии ИГИиПМНС СО РАН, antegor@yandex.ru

Баишева Саргылана Макаровна — канд. эконом. наук, с.н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН, baisargy09@yandex.ru

Бурцева Жанна Валерьевна — канд. филол. наук, н.с. сектора литературоведения ИГИиПМНС СО РАН, gvburtseva@mail.ru

Васильева Дора Егоровна — докт. филол. наук, с.н.с. сектора литературоведения ИГИиПМНС СО РАН, litved@mail.ru

Винокуров Иван Петрович — канд. филол. наук, проф. Института языков и культур народов Севера-Востока России СВФУ им. М. Аммосова, sakha2009@mail.ru

Винокурова Декабрина Михайловна — канд. социол. наук, с.н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН, dorofdm@yandex.ru

Винокурова Надежда Ивановна — н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, nadyavinokurova@mail.ru

Данилова Надежда Ивановна — докт. филол. наук, завсектором грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, nadev2008@mail.ru

Дьячковский Федор Николаевич — канд. филол. наук, завсектором лексикологии ИГИиПМНС СО РАН, fedjatschxov0801@mail.ru

Ермолаев Терентий Степанович — канд. ист. наук, н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН, terent@mail.ru

Ефремов Николай Николаевич — докт. филол. наук, г.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, nik.efrem50@mail.ru

Жегусов Юрий Иннокентьевич — канд. социол. наук, н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН, polar@rambler.ru

Жукова Людмила Николаевна — канд. ист. наук, с.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГИиПМНС СО РАН, zjukova@mail.ru

Захарова Тамара Викторовна — канд. ист. наук, н.с. сектора истории Якутии, ztv2001@mail.ru

Иванов Спиридон Алексеевич — докт. филол. наук, в.н.с. сектора грамматики и диалектологии якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, nik.efrem50@mail.ru

Игнатьева Ванда Борисовна — канд. ист. наук, завсектором этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН, v.ignat@mail.ru

Ларионова Анна Семеновна — докт. искусствоведения, завсектором якутского фольклора, dehevenan@mail.ru

Маклашова Елена Гавриловна — канд. полит. наук, н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН, maklashova@mail.ru

Мыреева Анастасия Никитична — докт. филол. наук, с.н.с. сектора литературоведения ИГИиПМНС СО РАН, litved@mail.ru

Осипова Ольга Валерьевна — канд. полит. наук, ст. лаборант сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН, osipova@rambler.ru

Павлов Афанасий Афанасьевич — канд. ист. наук, н.с. сектора истории Якутии, antegor@yandex.ru

Павлова Надежда Васильевна — м.н.с. сектора якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН, nadya.sanaayk@yandex.ru

Попова Наталья Иннокентьевна — канд. филол. наук, замдиректора ИГИиПМНС СО РАН, nat.popova@rambler.ru

Прокопьева Прасковья Егоровна — канд. пед. наук, завсектором палеоазиатской филологии ИГИИПМНС СО РАН, przoe@yandex.ru

Романова Екатерина Назаровна — докт. ист. наук, завсектором этнографии народов Северо-Востока России ИГИИПМНС СО РАН, e_romanova@mail.ru

Селютина Ираида Яковлевна — докт. филол. наук, проф., г.н.с. ИФ СО РАН,

Слепцов Петр Алексеевич — докт. филол. наук, г.н.с. сектора якутской лексикографии, dimamon92@mail.ru

Тобуков Павел Захарович — канд. философ. наук, с.н.с. сектора этносоциологии ИГИИПМНС СО РАН, tobukov_pz@mail.ru

Томаска Алена Георгиевна — канд. социол. наук, н.с. сектора этносоциологии ИГИИПМНС СО РАН, algero@mail.ru

Ушницкий Василий Васильевич — канд. ист. наук, с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИИПМНС СО РАН, boma@mail.ru

Филиппов Гаврил Гаврилович — докт. филол. наук, проф., директор Института языков и культур народов Севера-Востока России СВФУ им. М. Аммосова, director iycn@mail.ru

Шелехова Роза Васильевна — канд. ист. наук, с.н.с. музея истории академической науки Якутии им. Г.П. Башарина ИГИИПМНС СО РАН, bacharin_museum@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Alekseev Ivan Egorovich — Doctor of philological sciences, professor of Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East (North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov) khomusujb@mail.ru

Andreeva Tamara Egorovna — Candidate of philological sciences, deputy director of Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: taan2001@mail.ru

Antonov Egor Petrovitch — Candidate of historical sciences, head of the history of Yakutia section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: antegor@yandex.ru

Baisheva Sargylana Makarovna — Candidate of economic Sciences, senior research officer of ethnosociology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: baisargy09@yandex.ru

Burtseva Jeanna Valeryevna — Candidate of philological sciences, research officer of literary criticism section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: gvburtseva@mail.ru

Vasilyeva Dora Egorovna — Doctor of philological sciences, senior research officer of literary criticism section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: litved@mail.ru

Vinokurov Ivan Petrovitch — Candidate of philological sciences, professor of Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East (North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov) sakha2009@mail.ru

Vinokurova Dekabrina Mikhailovna — Candidate of sociological sciences, senior research officer of ethnosociology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: dorofdm@yandex.ru

Vinokurova Nadezhda Ivanovna — research officer of grammar and dialectology of the Yakut language section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: nadyavinokurova@mail.ru

Danilova Nadezhda Ivanovna — Doctor of philological sciences, head of grammar and dialectology of the Yakut language section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: nadev2008@mail.ru

Dyachkovsky Fedor Nikolaevich — Candidate of philological sciences, head of the Yakut language lexicology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: fedjatschxov0801@mail.ru

Yermolaev Terentiy Stepanovich — Candidate of historical sciences, research officer of ethnosociology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: terent@mail.ru

Efremov Nikolay Nikolaevich — Doctor of philological sciences, chief research officer of grammar and dialectology of the Yakut language section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: nik.efrem50@mail.ru

Zhegusov Yuri Innokentyevich — Candidate of sociological sciences, research officer of ethnosociology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: polar@rambler.ru

Zhukova Lyudmila Nikolaevna — Candidate of historical sciences, senior research officer of paleoasian philology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: zjukova@mail.ru

Zakharova Tamara Viktorovna — Candidate of historical sciences, research officer of history of Yakutia section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: ztv2001@mail.ru

Ivanov Spiridon Alekseevich — Doctor of philological sciences, leading research officer of grammar and dialectology of the Yakut language section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: nik.efrem50@mail.ru

Ignatyeva Vanda Borisovna — Candidate of historical sciences, head of ethnosociology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: v_ignat@mail.ru

Larionova Anna Semenovna — Doctor of art criticism, head of the Yakut folklore section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: dehevenan@mail.ru

Maklashova Elena Gavrilovna — Candidate of political sciences, research officer of ethnosociology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: maklashova@mail.ru

Myreeva Anastasia Nikitichna — Doctor of philological sciences, senior research officer of literary criticism section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: litved@mail.ru

Osipova Olga Valeryevna — Candidate of political sciences, senior laboratory assistant of ethnosociology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: osipova@rambler.ru

Pavlov Afanasiy Afanasyevich — Candidate of historical sciences, research officer of history of Yakutia section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: antegor@yandex.ru

Pavlova Nadezhda Vasilyevna — Junior research officer of the Yakut folklore section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: nadya_sanaayk@yandex.ru

Popova Natalia Innokentyevna — Candidate of philological sciences, deputy director of Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: nat.popova@rambler.ru

Prokopyeva Praskovya Egorovna — Candidate of pedagogic sciences, head of paleoasian philology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: pproe@yandex.ru

Romanova Ekaterina Nazarovna — Doctor of historical sciences, head of ethnography of the people of the North East of Russia section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: e_romanova@mail.ru

Selyutina Prayda Yakovlevna — Doctor of philological sciences, professor, chief researcher of Institute of philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science

Sleptsov Peter Alekseevich — Doctor of philological sciences, chief research officer of the Yakut lexicography section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: dimamon92@mail.ru

Tobukov Pavel Zakharovich — Candidate of philosophical sciences, senior research officer of ethnosociology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: tobukov_pz@mail.ru

Tomaska Alyona Georgiyevna — Candidate of sociological sciences, research officer of ethnosociology section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: algepo@mail.ru

Ushnitsky Vasily Vasilyevich — Candidate of historical sciences, senior research officer of ethnography of the people of the North East of Russia section, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: boma@mail.ru

Filippov Gavril Gavrilovich — Doctor of philological sciences, professor, director of Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East (North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov), director iycn@mail.ru

Shelekhova Rosa Vasilyevna — Candidate of historical sciences, senior research officer of a museum of history of the academic science of Yakutia named after G. P. Basharin, Institute of Humanitarian Research and the North Indigenous Peoples problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, e-mail: bacharin_museum@mail.ru

Адрес редакции:

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
каб. 412 (тел. 35-43-40). Электронный адрес редакции: igi@ysn.ru

Подписано в печать 07.12.2012.
Формат 60х90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л. 16,74. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ЦНТИ ИГИиПМНС
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35-68-69.